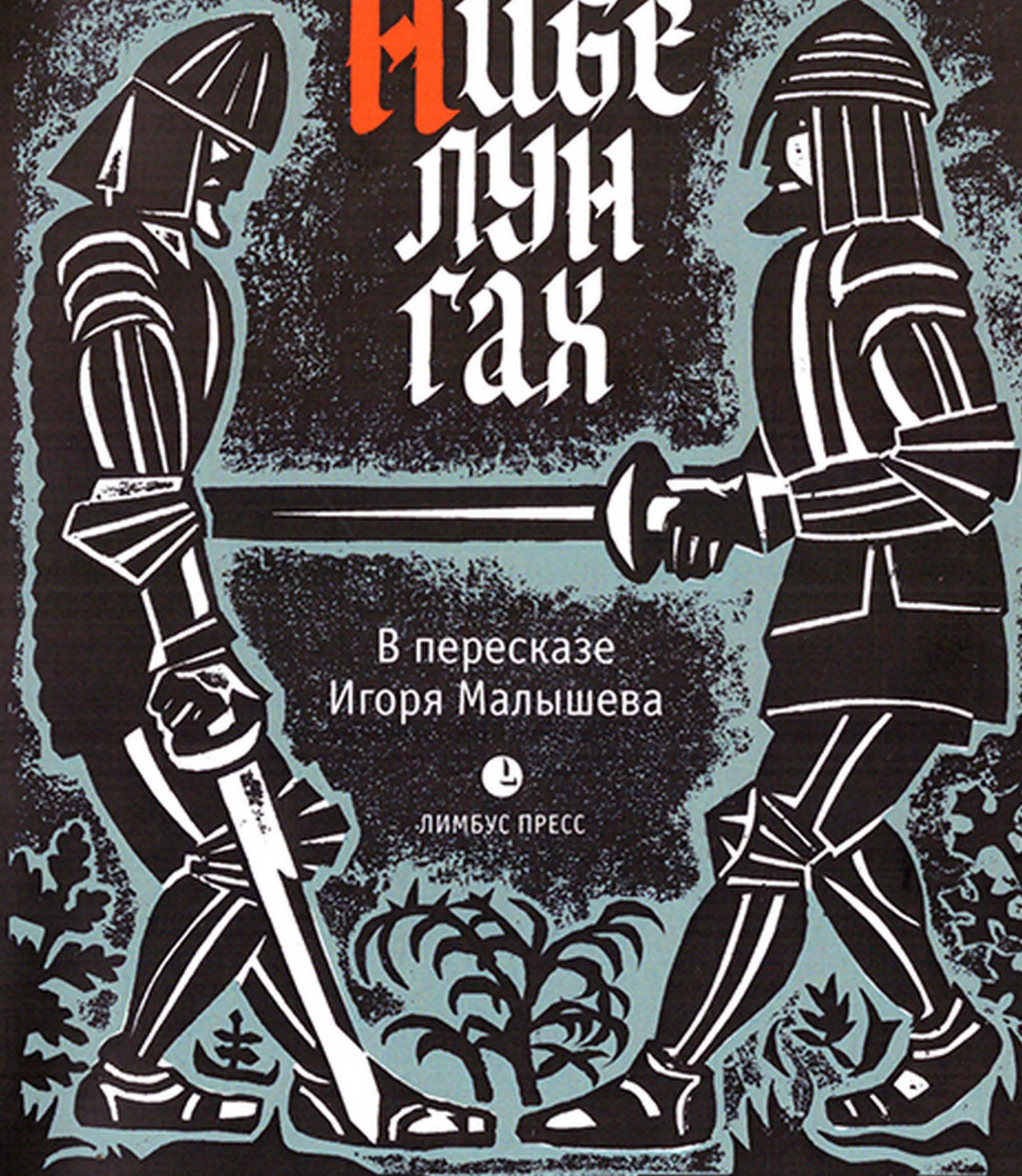

Песнь о Нибелунгах

В пересказе
Игоря Малышева

ЛИМБУС ПРЕСС

ПЕСНЬ
О
НИБЕЛУНГАХ

В пересказе
Игоря Мальшева

ПЕСНЬ ● НИБЕЛУНГАХ

В пересказе Игоря Мальшева

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

УДК 398.221
ББК 84 (2Рос-Рус)6
КТК 600
М20

Иллюстрации Александра Веселова

Малышев И., пересказ.

М20 Песнь о Нибелунгах. Прозаическое переложение средневекового германского эпоса. – Санкт-Петербург : Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2021. – 454 с., ил.

Сложно представить себе образованного человека, который не знал бы текстов, являющихся фундаментальными для культуры всего человечества: «Илиада», «Одиссея», «Махабхарата», «Калевала», «Слово о полку Игореве»... В число этих книг, несомненно, входит и средневековый германский эпос «Песнь о Нибелунгах». Насыщенный сюжет, суровые и страстные характеры героев, великая красота и великая трагедия не оставят равнодушными ни одного читателя.

Данная книга является полным прозаическим переложением эпоса, сделанным без купюр и в максимальной степени соответствия сюжету и образному ряду оригинала.

ISBN 978-5-8370-0788-0

© ООО «Издательство К. Тублина», 2021
© ООО «Издательство К. Тублина», макет, 2021
© А. Веселов, иллюстрации, оформление, 2021

Предисловие

Читатель, перед тобой история, которой более восьмисот лет. Кто-то подумает: «Какая древность! Какая скука! Зачем это читать?» Ничего подобного – страсти человеческие вечны, ненависть человеческая неистребима, жажда мести и сейчас так же свойственна человеку, как и жажда любви.

Прочти эту историю, и ты увидишь, как изменились, если, конечно, изменились, люди за восемьсот лет.

Впрочем, оставим страсти и эмоции и поговорим о том, чем ценна эта книга для трезвого ума.

Сегодня сложно представить себе по-настоящему образованного человека, незнакомого с текстами, которые являются фундаментальными для мировой культуры: «Илиадой», «Одиссеей», «Сказанием о Гильгамеше», «Калевалой», «Ведами», «Словом о полку Игореве»... К числу этих памятников, несомненно, относится и средневековый германский эпос «Песнь о Нибелунгах».

Перефразируя В. Г. Белинского, можно сказать, что это «энциклопедия немецкой средневековой жизни».

«Песнь...» даёт представление о политическом и этническом устройстве Германии на рубеже первого-второго тысячелетия нашей эры, когда, собственно, Германии как таковой ещё не было, а существовали разрозненные государства, сложившиеся на основе народов и этнических групп: баварцев, бургундов, нидерландцев, гуннов...

В книге можно найти массу бытовых сведений о жизни феодалов. О том, как они пиروвали, охотились, путешествовали, воевали, заключали брачные и политические союзы, принимали гостей и послов. Несомненный интерес представляет система взаимоотношений типа «сюзерен-вассал», «сюзерен-сюзерен», «вассал-вассал». Дело в том, что одной из главных пружин сюжета «Песни...» являются именно эти отношения. Подчас они толкают героев на не вполне понятные современному человеку поступки, но тем интереснее погружаться в тот мир.

Например, когда король или королева шли в храм, никто не имел права войти туда раньше них. Если же кто-то смел переступить церковный порог раньше монархов, это считалось вопиющим нарушением субординации и оскорблением.

Одним из главных достоинств монархов и знати считалась расточительность. Лишь тот, кто был щедр к вассалам и гостям, в полной мере оправдывал своё высокое положение.

Король, напротив, практически никогда не принимал подарков. Преподнести что-либо в дар монарху мог лишь человек, равный ему. Предложение от любого другого лица считалось оскорблением. Подобное правило касалось, кстати, и королевских послов. Принятие послами подарков рассматривалось как свидетельство того, что их повелитель недостаточно богат, и мало способствовало росту королевского авторитета.

И так далее, и тому подобное...

Средневековые взаимоотношения – интересный и крайне непростой мир, и в «Песни о Нибелунгах» они представлены во всей многогранности.

Помимо выдающихся культурологических достоинств, эпопея является ещё и крупным драматическим произведением. По аналогии с греческими трагедиями, действующие лица эпоса вступают во взаимоотношения, которые неминуемо ведут их к смерти. Совершив небольшие ошибки в начале действия, герои запускают цепь событий, которые обрекают на гибель их самих и ставят под удар их королевства. Так падение песчинки в горах вызывает лавину, которая уничтожает целые города. Наблюдение за тем, как разматывается трагическая цепь, завораживает. Читатель следует за сюжетом, осознавая обречённость героев, и вместе с тем он не в силах оторваться от созерцания линии их судьбы. Воронка «Песни...» затягивает его, чтобы оставить потом с ощущением, что он столкнулся с великой красотой и великой трагедией.

Герои эпоса носят черты архетипов своего времени. Зигфрид – величайший из воинов, Брюнхильда – дева-воительница, Кримхильда – вдова, нашедшая смысл своей жизни в мести, Хаген – коварный злодей, Рюдегер – образец благородства и рыцарской чести.

Принято считать, что эпопея была написана около 1200 года. Место её возникновения следует искать на Дунае, где-то между Пассау и Веной. Такой вывод напрашивается исходя из того, что при описании современной ему Австрии и соседних с ней территорий автор не делает географических ошибок. Упомянув же более отдалённые территории, он довольно часто допускает неточности.

Авторство «Песни...» по сей день остаётся загадкой. Одни исследователи приписывают её перу некоего духовного лица, возможно, состоявшего при епископе Пассауском. Другие видят автора в безвестном шпильмане, бродячем певце. Третьи считают, что эпопея написана образованным, но не очень родовитым рыцарем.

Впрочем, автор «Песни...» не является автором в полном смысле этого слова. Скорее, тут может быть употреблён термин «творческое редактирование». Эпос является результатом переработки многочисленных германских героических песен и сказаний. Что-то при обработке наверняка было утеряно, что-то, возможно, досочинено.

Значение «Песни о Нибелунгах» для мировой культуры невозможно подвергнуть сомнению. Зигфрид, как образец воителя и рыцаря, прочно вошёл в пантеон героев. Кровавожадность его жены Кримхильды, жестоко отомстившей

родным братьям за смерть мужа, также стала легендарной. Взаимоотношения девы-воительницы Брюнхильды, обладавшей невероятной физической мощью, и её мужа короля Гунтера стали притчей во языцех: несчастный монарх, надоевший деве приставаниями во время первой брачной ночи, до утра провисел, словно мешок, на вбитом в стену крюке.

Отголоски, а то и прямое копирование сюжета «Песни о Нибелунгах» можно отыскать в самых неожиданных местах. Например, в «Трёх мушкетёрах» есть эпизод, когда д'Артаньян проникает в спальню к миледи и, пользуясь темнотой, выдаёт себя за её любовника графа де Варда. Затем он проводит с ней ночь и уходит, забрав на память перстень. В «Песни...» аналогичная ситуация происходит с участием Зигфрида, Брюнхильды и её мужа короля Гунтера. С той лишь разницей, что Зигфрид не ограничивается перстнем, а прихватывает ещё и пояс, что привело к трагическим и кровавым последствиям.

«Песнь...» обладает очень насыщенным и драматичным сюжетом. Поэтому неудивительно, что многие деятели культуры в своём творчестве обращались к этому эпическому шедевр. В девятнадцатом веке Рихард Вагнер создал оперную тетралогия под общим названием «Кольцо нибелунга». В двадцатом веке «Песнь...» неоднократно экранизировалась. Первая экранизация была сделана классиком немого кинематографа Фрицем Лангом ещё в 1924 году. Затем выходили фильмы в 1966, 1967, 2004 годах.

Существует два полных стихотворных перевода «Песни о Нибелунгах» на русский язык. Один был создан в 1889 году М. И. Кудряшевым, второй в 1972 году Ю. Б. Корнеевым. Данная книга является полным прозаическим переложением эпоса, выполненным на основе текста Ю. Б. Корнеева. Текст переложен без купюр и максимально близко к оригиналу.

Цвѣтѹра I

Крѣпкѹльда

Много чудесных историй сокрыто в ушедших временах. О рыцарских подвигах, шумных пирах, молодецких забавах, о жестоких раздорах, любви и страданиях. Послушайте и вы о тех далёких и славных временах.

Давным-давно в землях бургундов* жила юная девушка по имени Кримхильда. Красивей и родовитее её нельзя было отыскать во всём мире, и мало кто из женщин мог сравниться с ней в достоинствах. Всем она нравилась, и каждый мужчина, увидевший её хоть раз, мечтал и думал лишь о ней одной. Но, как вы узнаете в свой срок, многим её красота принесла гибель.

---

* Время действия «Песни о Нибелунгах» относится к эпохе переселения народов. В IV–V вв. н.э. германское племя бургундов населяло левый берег Рейна, где основало королевство с центром в Вормсе. Разгромленные гуннами в 437 г., бургунды были вынуждены переселиться на юг нынешней Франции.

Росла Кримхильда под защитой трёх братьев-королей, трёх славных витязей – Гунтера, Гернота и отважного Гизельхера, что был младшим из них. Род их исстари славился отвагой и щедростью, а о том, насколько братья сильны и отважны, впоследствии узнали гунны короля Этцеля*, коих множество было сражено их мечами.

Мать братьев звалась Утой. Отец их, грозный для врагов Данкрат, умер, и во главе королевства, как и положено по закону и праву, встали его сыновья.

Жили короли вместе с дружиной на Рейне, в Вормсе. Вассалы, все сплошь бесстрашные воины, считали за честь служить им и блюли верность даже тогда, когда раздор, произошедший меж двух высокородных дам, обрёл их на гибель.

Хаген – владетель Тронье, его племянник Ортвин Мецский – стольник, ревниво оберегавший честь бургундских владык, Фолькер – шпильман из Альца, скрипач и славный боец, Данкварт – младший брат Хагена, маркграфы Эккеварт и Гере. За кухней смотрел Румольт, Синдольт был чашником, Хунольт – постельничим, а Данкварт, о котором уже говорилось, – конюшим.

---

* Здесь имеется в виду Атила (Атли), умерший в 453 г., вождь гуннского племенного союза, подчинившего себе обширную территорию от Кавказа на востоке до Рейна на западе, от Дании на севере до правого берега Дуная на юге. Резиденция Атилы, правившего гуннской державой в 434–453 гг., находилась на территории современной Венгрии. До 445 г. Атила правил вместе с братом Бледой, выведенным в «Песни...» под именем Бледея, затем убитого им.

Много можно рассказать о том великолепном дворе и витязях, что находились при нём. Сколько великих подвигов было совершено, сколько доблестных дел!

Как-то раз приснился красавице Кримхильде сон, будто слетел к ней с небес вольный сокол, но вскоре прямо на её глазах был он до смерти заклёван двумя орлами. Дева проснулась в большом страхе и немедленно рассказала о своём сне матери. Королева Ута выслушала дочь.

– Сон твой вещий, – сказала она. – Тот сокол – славный витязь и твой будущий муж. Мы можем только молиться, чтобы Бог сохранил его для тебя и не отнял до времени.

Огорчилась Кримхильда.

– Нет, матушка. Уж лучше я проживу, вовсе не зная любви, чем буду всю жизнь горевать о потере любимого.

– Не зарекайся наперёд, – остановила её Ута. – Какая ещё есть на свете радость, если не любовь мужа? Наберись терпения, и в свой час Господь пошлёт тебе пригожего витязя.

– Нет! – ответила матери королевна. – Уж лучше я останусь в девицах. Не раз видела я, как любовь оборачивается горем, и не хочу себе подобного удела.

Так прекрасная Кримхильда жила год за годом, никому не отдавая своего сердца, пока однажды отважный витязь, похожий на сокола из сна, не повёл её под венец.

Ах, кто бы мог тогда представить, как отомстит Кримхильда за его убийство, и сколько смертей и бедствий принесёт эта свадьба её родне!

Цвѣтѣфа II

30
Зисфриде

В то же самое время в Нидерландах жил королевич Зигфрид с сердцем, полным жажды славы. Его родители Зигмунд и Зиглинда правили в Ксантене, богатом городе на Нижнем Рейне, и не могли нарадоваться на сына. Ещё юношей объездил он множество стран и земель. Известия о его отваге и мощи пронеслись далеко за пределами королевства, а красота поразила сердца многих девиц. Отменное воспитание, данное ему родителями, вместе с талантами, которыми щедро наградила его природа, сделали его гордостью Нидерландов.

Когда Зигфрид вырос и настало ему время жить ему при своём дворе, каждый был рад видеть его, и множество дам и дев только того и хотели, чтобы он почаще бывал в их кругу. С тех пор он всюду стал появляться с многочисленной и пышной свитой. Отец и мать дарили ему богатые одежды, а дядьки-учителя наставляли мудрыми советами, чтобы он мог потом достойно править их землёю. Скоро Зигфрид достаточно окреп, чтобы носить доспехи,

а поскольку с рождения был он могуч и отважен, дамы всё чаще бросали на него влюблённые взоры, да и сам королевич начал засматриваться на придворных красавиц.

Поняв, что настал срок наделить сына рыцарским титулом, Зигмунд созвал на пир своих вассалов, а также разослал гонцов в окрестные земли, обещая одарить всех пришедших конями и пышной одеждой. Позвали множество юношей, кому происхождение даёт право носить рыцарский сан, с тем, чтобы король в назначенный день перепоясал мечом не только Зигфрида, но и его сверстников*. До сей поры помнят люди тот пир, так щедр был король, так радушна королева. Никто из гостей, а их было немало, не остался обделённым.

Четыреста бойцов – ровесников Зигфрида – получили от короля великолепное платье. Множество девиц до самого празднества днями и ночами трудились над ней: вставляли драгоценные камни в золотую оправу и нашивали их на дорогой бархат. Ведь смельчаки и выглядеть должны достойно!

Праздник, на котором Зигфрид стал рыцарем, назначили на день солнцеворота. Рыцари вместе со своими оруженосцами во множестве собрались в соборе. Как повелось с давних пор, старшие в этот день служили молодым, и все они равно предвкушали весёлые забавы и игрища.

---

* Обряд перепоясания мечом – ранняя немецкая форма посвящения в рыцари. Посвящение в рыцари путём удара мечом по плечу посвящаемого – французский обычай, привившийся в Германии лишь в эпоху позднего средневековья.

Пока в соборе шла обедня во славу Господа, на площади собралась многочисленная толпа, всем хотелось увидеть, как юношей будут посвящать в рыцари. Каждому витязю был подарен конь, а затем перед дворцом развернулся шумный турнир. От топота рыцарских скакунов сотрясались стены, витязи бились, не жалея себя, ведь битва – главная радость воина. Молодые и старые витязи сшибались друг с другом, с треском ломались древки копий и, жужжа, разлетались в разные стороны.

В свой час, завидев поднятую руку Зигмунда, воины прекратили турнир и оставили ристалище. Ах, сколько иссечённых щитов лежало на месте схватки! Сколько драгоценных камней, упавших с перевязей, горело в траве, будто угли!

Король вместе с гостями отправились пировать. Столы ломились от дорогих вин и кушаний, и рыцари, утомлённые воинской потехой, тут же приободрились. До самой глубокой ночи пировали витязи. Бродячие певцы улаждали их слух, а хозяева, как и надлежит могущественным владыкам, не жалели дорогих даров.

Король дал Зигфриду право жаловать сверстникам в лен города и земли. И герой, подобно тому, как сам Зигмунд когда-то, столь щедро оделил их, что каждый остался благодарен ему.

Торжество продолжалось целую неделю. Зиглинда, чтобы расположить гостей к сыну, одаривала всех золотом, ибо знала, любовь подданных покупается отнюдь не скупостью. Самый последний шпильман ушёл богачом с того

праздника – королевская семья и их гости были столь щедры, словно жить им оставалось лишь до рассвета.

Когда же пир окончился и гости стали прощаться, самые родовитые вассалы подошли к Зигфриду и сказали, что они были бы рады хоть сейчас увидеть его на троне, но герой даже и слышать о том не захотел.

– Покуда живы отец мой и мать, – ответил он им, – я не стану и помышлять о короне. Однако если некий враг вздумает вдруг угрожать моей стране, я с готовностью встану во главе войска вместо родителя.

ЦЕНТРА III

О том, как
Зисфрид отправился
в **Вормс**

Так, наслаждаясь жизнью, проводил свои дни Зигфрид, пока не прознал однажды о прекраснейшей деве, что живёт в Бургундии. Та девушка принесла потом герою много счастья, но, увы, и много горя. По самым далеким пределам разошлись слухи о красоте, добром нраве и уме Кримхильды. Множество рыцарей сваталось к бургундской красавице. Однако никто не мог покорить её сердце, ни в ком не увидела она мужа. Впрочем, она ещё не встретила того, кого предназначила ей судьба.

Зигфрид же тем временем крепко задумался, кого ему взять в жёны? Сказать по правде, вряд ли кто смог бы ответить ему отказом. Любая, даже самая знатная из девиц, не смогла бы отказать ему при сватовстве.

Мечта о том, чтобы найти свою любовь, не покидала воителя ни днём ни ночью. Да и родственники вместе с друзьями тоже всё упорней советовали избрать наконец себе невесту. И тогда ответил им Зигфрид:

– Я хочу взять в жёны Кримхильду. Никто не сравнится с ней в красоте, и даже величайший из королей счёл бы её достойной супругой.

Все пришли в сильное волнение, услышав ответ Зигфрида, а Зигмунд опечалился больше всех. Чувствовал он, что грозит несчастьями любовь сына к бургундской красавице. Когда король сообщил это известие Зиглинде, то и ей стало не по себе. Слышала она немало пугающего о Гунтере и его дружине, и теперь уже вместе с Зигмундом принялись они отговаривать единственного отпрыска от опасного сватовства. Однако пылкий Зигфрид не отказался от своего желания:

– Мои любимые отец и мать, пусть уж лучше я никогда не женюсь, если не могу пойти под венец с той, кого люблю. Поэтому, как ни уговаривайте, я не отступлюсь.

– Что ж, если ты столь упорно стоишь на своём, – ответил король, – я не стану препятствовать тебе и помощи, чем смогу. Но, прошу, помни, люди Гунтера горды и чванливы, а отважный Хаген стоит их всех вместе взятых. Очень ревностно заботится он о чести своего короля. И потому, когда будешь свататься к высокородной красавице, будь осторожен, чтобы не вышло у вас с ним ссоры.

– Не стоит беспокоиться, отец, – беззаботно отвечал Зигфрид. – Если короли не отдадут невесту по доброй воле, отберу силой. А их земли и замки возьму вместо приданого.

– Опасные речи, – нахмурился Зигмунд. – Если дойдут они до бургундских владык, тебе следует навсегда забыть дорогу к ним. К тому же хочу напомнить, – добавил

король, – что не следует брать невесту силой. Однако если ты решишь взять с собой охрану, я знаю немало надёжных людей.

– Я еду не на войну, – ответил смелый королевич. – И вряд ли смогу я обрести любовь Кримхильды, если навяжусь ей в супруги при помощи оружия. Нет, только честью и доблестью смогу я завоевать её сердце. Поэтому в Вормс я возьму с собой всего одиннадцать бойцов. И я хотел бы попросить вас одеть моих спутников подобающе случаю.

Зигмунд тут же распорядился наделить его свиту богатыми двухцветными мехами.

Зиглинда, узнав, что сватовство всё же состоится, не сдержала слёз, так стало ей страшно за сына. Что если он не вернётся? Что если Гунтеровы вассалы убьют его?

Зигмунд пришёл в покои, где в печали сидела его мать, и принялся ласково утешать её:

– Матушка, утрите слёзы. Не бойтесь за меня, мне по силам сокрушить любых противников, сколько бы их ни было. А вместо того, чтобы плакать, снарядите нас самой лучшей одеждой, чтобы моим достойным бойцам было в чём щеголять перед бургундами. И я буду несказанно благодарен вам за это.

– Если ты упорствуешь, я не могу отказать тебе, и дам твоим спутникам такое платье, что даже знатнейшие из витязей будут им завидовать.

Королевич поклонился ей и промолвил со всей учтивостью:

– Нас будет немного, всего двенадцать человек вместе со мной. Собирайте же нас поскорее, очень мне хочется увидеть прекрасную Кримхильду.

Зиглинда призвала девиц и те засели за работу. Без сна и отдыха трудились девы, чтобы успеть сшить одежду к отъезду Зигфрида. Отец снабдил сыновнюю дружину лучшими доспехами: дал блестящие шлемы, прочные щиты, хитро сплетённые кольчуги.

Настал день отъезда. Весь двор – и мужчины, и дамы – пребывал в большой тревоге: как знать, что ждёт Зигфрида и его спутников при бургундском дворе? Путники уложили поклажу на вьючных лошадей, а сами уселись на лихих скакунов.

Зигмунд испросил у родителей разрешения ехать. С тоской и печалью отпустили они его.

– Не тревожьтесь за меня и не плачьте, – утешал их ласково Зигфрид. – Моей жизни ничто не может угрожать.

Провожающие, однако же, пребывали в большой грусти. Их угнетало предчувствие, что лишь горе принесёт эта поездка.

Семь дней во весь опор мчались герои вдоль Рейна и, наконец, прибыли к бургундам в Вормс.

Многие собрались посмотреть на чужаков. Да и, сказать по правде, там было на что посмотреть. Военские уборы нидерландцев сверкали на солнце золотом. На каждом из бойцов звонкий шлем, в руке прочный щит, мечи свисали до самых шпор. В руках витязи несли тяжёлые копья, а у Зигфрида же было самое мощное, толщиной

в две пяди. Его стальное остриё легко распарывало любую броню. Кони у бойцов тоже были на загляденье – золотые уздечки, шёлковые поперся.

Вскоре люди Гунтера, рыцари и их оруженосцы, вышли встречать нидерландцев. Соблюдая обычаи, поклонились чужакам. Оруженосцы сняли с рук гостей щиты, взяли под уздцы уставших коней и уже готовы были вести их в стойла, когда Зигфрид остановил их:

– Подождите уводить наших скакунов. Возможно, скоро мы с товарищами снова тронемся в путь. Прежде скажите, где мне найти Гунтера, владыку Бургундии?

Один из бургундов сказал:

– Вы найдёте короля в большом зале. Он восседает там со своей дружиной, достойнейшими и доблестными мужами.

Меж тем вормсцы дали знать своему королю, что к нему явился высокородный чужеземец со свитой, убранной в богатое платье и сияющие доспехи. Но откуда они, и как их имена, не знал никто.

Гунтер издали смотрел на чужаков и дивился их дорогим одеждам, тяжёлым мечам и широким щитам. Он опросил всех придворных, но к его досаде ни один не смог рассказать что-либо о незнакомцах. Тогда Ортвин Мецский, доблестный воин и преданный вассал Гунтера, дал королю совет позвать Хагена, чтобы тот явился и посмотрел на стоящих у ворот воинов.

– Ему знакомы многие земли и страны, он наверняка распознает их.

Король внял совету и послал гонца за Хагеном. Вскоре воитель вместе с дружиной прибыл во дворец. Поклонился и спросил, что угодно королю.

– Явился к нам знатный витязь со свитой. Посмотри на них, возможно, ты сможешь сказать, кто они и откуда.

Своим острым взором Хаген оглядел незнакомцев. Их одежды и вооружение восхитили его, но он понял, что они определённо не из Бургундии.

– Откуда бы ни явились эти бойцы в наши пределы, они либо сами короли, либо послы королей. В любом случае, и по коням, и по одежде видно, что это высокородные витязи. Ещё скажу, что хоть я никогда и не видел Зигфрида Нидерландского, но могу поручиться, что именно он стоит сейчас возле наших ворот. Его благородное лицо и стать невозможно спутать. Я немало слышал о его подвигах. Он собственной рукой убил двух королей нибелунгов. То были братья, Шильбунг был старшим из них, Нибелунг младшим.

И Хаген рассказал Гунтеру всё, что ему известно.

Как-то ехал Зигфрид один, без свиты, и увидел гору, а перед ней множество воинов. То были нибелунги. В прежние времена спрятали они в горной пещере великие сокровища, а в тот день решили достать их и разделить меж собой. Один из чужих бойцов, заметив героя, воскликнул: «Смотрите, к нам едет доблестный Зигфрид Нидерландский!» Шильбунг и Нибелунг подобающе встретили его, и, посоветовавшись меж собой, попросили, чтобы рыцарь помог им разделить сокровища. Зигфрид согласился, однако за свои труды взял Бальмунг – меч нибелунгов.

Пред ними лежала такая груда драгоценных камней, что их не удалось бы вывезти, пожалуй, и на ста возах. А если говорить о золоте, то его было и того больше. Впрочем, помощь Зигфрида принесла лишь беду. Братья остались недовольны тем, как он разделил клад, и принялись обвинять героя. И хотя королей охраняли двенадцать могучих богатырей-великанов, герой взмахнул Бальмунгом и великаньи головы, словно капустные кочаны, покатались по земле.

Семьсот нибелунгов убил в тот день Зигфрид, и братья-короли тоже не избежали смерти. Оставшиеся в живых сдались в плен и принялись умолять нидерландца, чтобы он стал их государем и взял их под свою руку.

Напоследок Зигфриду пришлось схватиться с карликом Альбрихом, который жаждал отомстить за своих господ. Был у карлика волшебный плащ-невидимка, но и он не помог, Альбрих был побеждён и взят в плен. Витязь приказал ему отнести сокровища обратно в потайную пещеру и назначил хранителем клада. Альбрих, в благодарность за сохранённую жизнь, дал Зигфриду клятву быть его вечным слугой.

– Вот каков он, Зигфрид, самый могучий из воинов, живших на свете, – сказал Хаген. – Я слышал, в годы своей юности он убил ужасного дракона, погрузился в его кровь и ороговел. С той поры он стал неуязвим для любого оружия. Если мы не хотим, чтобы этот доблестный витязь стал нашим врагом, нам надлежит принять его со всеми почестями. Всегда полезно сдружиться с человеком, способным совершать мечом настоящие чудеса.

– Хаген, без сомнения, прав, – согласился Гунтер. – Посмотрите, Зигфрид стоит так, словно готов прямо сейчас ринуться в битву. Да и дружина его тоже будто бы изготовилась к сече. Посему примем этого витязя со всем радушием.

– И в том не будет ни малейшего урона для вашей чести, – ответил Хаген. – Его отец – богатый король. И к тому же, хотя всю правду, конечно, знает один Господь, сдаётся мне, что заботы отнюдь не пустяковые привели сюда такого рыцаря.

– Пусть чужеземец будет нашим гостем, – решил Гунтер. – Он отважен, знатен, и в бургундских землях ему будет оказан почёт.

С этими словами Гунтер и его двор отправились встречать Зигфрида и оказали витязю самый радушный приём. Герой не остался в долгу, учтиво поклонился хозяевам.

– Позвольте спросить, что привело в наши края отважного Зигфрида? – спросил Гунтер.

– Я наслышан, что среди ваших вассалов есть множество лихих бойцов, гордиться которыми мог бы любой владыка, – ответил Зигфрид. – И вот захотелось мне испытать свою силу в бою с ними. Да и сами вы, я слышал, отважнейший из королей, равного которому нет во всём свете. В правоте этого слуха я тоже желал бы убедиться. Я, как и вы, рыцарь королевской крови и в свой срок получу корону. Но мне хотелось бы на деле доказать, что я имею право носить её. Коли вы действительно так смелы, как говорит молва, то, нравится вам это или нет, я буду с вами

биться. Если возьму верх, отниму всё, что у вас есть: людей, земли, замки.

Известие о том, что гость решил отнять у хозяина его достояние, привело бургундов в изумление. Дружинники едва могли сдерживать свой гнев.

– Нет, – ответил Зигфриду властитель Бургундии. – Того, что получил по праву от своего отца, я не отдам никому, или же потеряю право зваться рыцарем.

– И всё же я не откажусь от своих намерений, – ответил ему Зигфрид. – Мы будем биться. И если верх одержу я, то заберу ваш престол. Если же победа будет на вашей стороне, вы сядете на мой трон. Бургундские и нидерландские земли стоят друг друга, так пусть победитель удвоит владения. Смерть рассудит, кто достоин владеть ими.

Тут Хаген и Гернот оборвали их спор.

– К чему сеять вражду? – обратился к Зигфриду Гернот. – Бургундия и без того велика, зачем нам ещё и чужие земли? А наши владения мы не отдадим никому.

Ответ Гернота пришёлся не по нраву его друзьям, и доблестный Ортвин Мецский бросил ему:

– Мне претит ваше миролюбие! Зигфрид только что безо всякой причины вызвал нас на бой! Если у вас и братьев недостаёт храбрости, я готов один выйти против него, пусть бы он даже привёл с собой целое войско. Обещаю, что собою спешу с гордеца!

Такие слова привели нидерландского витязя в сильный гнев:

– Как бы ни был ты смел, тебе не тягаться со мной! Я королевский сын, ты же ничтожный вассал. Даже двенадцать таких, как ты, не одолеют меня.

Ортвин Мецский без промедления извлёк свой меч. И, хоть он и доводился племянником Хагену, воитель из Тронье не произнёс ни слова, чтобы остановить его. По счастью, это сделал Гернот:

– Стой, Ортвин, – приказал он. – Зигфрид ещё не нанёс нам обиды. Я думаю, нам стоит поладить добром, и тогда мы обретём в нём друга, а не врага.

– Всех нас задела слова гостя, – произнёс доблестный Хаген. – Я вижу, не с добром он приехал к нам, хоть и не видел от вас, государь, никакого зла.

– Хаген, – отвечал отважный Зигфрид, – даже если вам не нравится то, что я сказал вашим господам, знайте, вам придётся увидеть, как я побью их и возьму власть над Бургундией.

– Я не допущу раздора! – крикнул Гернот.

И приказал вассалам вести себя уважительнее, чтобы не задевать и не сердить гостей.

– Стоит ли нам затевать бой? – обратился к нидерландцу Гернот. – Ведь если погибнет цвет наших войск, в том будет мало чести для нас, а для вас мало пользы.

Но Зигфрид, сын Зигмунда, ответил:

– Что ж не спешит нападать Хаген и молчит Ортвин? Почему не идут на меня с обнажёнными мечами? Или остыл их гнев и испугались они боя?

Бургунды, помня наказ Гернота, молчали.

– Я снова прошу вас быть нашим гостем, – повторил сын Уты. – Здесь все готовы служить вам – и я, и мои родственники.

Король велел принести вина и стал угощать им могучих чужаков.

– Попросите добром и ни в чём не встретите отказа, – убеждал Гернот. – Станьте нам другом, и тогда всё, и жизнь, и достояние, готовы мы будем отдать за вас.

Тут Зигфрид, наконец, внял словам короля, и гнев его утих.

Бургунды помогли чужеземцам освободиться от доспехов и отвели нидерландцев в лучшие покои, где те расположились на отдых.

С того момента Зигфрид стал в Вормсе желанным гостем.

Едва ли возможно описать и тысячную долю тех почестей, которыми окружили Зигфрида. Куда бы ни шёл он, всюду встречал восхищение. Какую бы ратную потеху ни затеял двор, везде он первенствовал. В метании ли копий или бросании камней – никто не мог с ним сравниться. Зигфрид неизменно оказывался быстрее и сильнее всех соперников.

Женщины, разговаривая с Зигфридом, не могли отвести от него глаз, такой высокою любовью дышала его речь. Но сам герой мечтал лишь о Кримхильде, пусть даже он ещё и не видел её ни разу. Да и дева, надо сказать, всё чаще тайком наблюдала за ним, думая о том, как он силен и ловок. Чуть затеется во дворе молодецкая забава, королевна,

не отрываясь, стоит от окна. Весь день готова она наблюдать за рыцарскими игрищами, и никакая иная забава ей не интересна. Когда же не удавалось ей увидеть Зигфрида, она тосковала о нём целыми днями. Узнай Зигфрид о том, что дама его сердца с такой теплотою следит за ним, как бы он обрадовался! Ведь ничего он так не желал, как увидеться с ней. И не раз с грустью думал он: «Когда же, наконец, я увижу красавицу Кримхильду? Уже столько дней гощу я здесь, а до сих пор не встретился с ней».

Так Зигфрид прожил в краю бургундов целый год, ожидая встречи с той, что пленила его сердце, и с кем впоследствии изведal он много счастья и много страданий.

ЦЕНТЮРА IV

**О том, как
Зигфрид воевал
с Саксами
и Датчанами**

Однажды в Вормс прибыли чужеземные гонцы, посланные на Рейн могучими королями Людегастом Датским и Людегером Саксонским. О каждом из них было известно, что дружины их сильны и многочисленны. Узнав о приезде посланцев столь грозных государей, бургундские вельможи без промедления отвели их к Гунтеру.

– Будьте нашими гостями, – учтиво предложил король, – и расскажите, кто вы и какие вести принесли нам?

Гонцы, хоть и боялись вызвать гнев Гунтера, не стали молчать:

– Знайте, государь, что наши короли Людегер и Людегаст прислали нас сюда, чтобы объявить вам войну.

От подобных слов бургундский двор пришёл в сильное волнение.

– Вы нанесли им множество обид, и тем вызвали сильный гнев в их сердцах. Хотят они идти на Рейн с огромной ратью и через двадцать недель начнут поход. Так что

созывайте друзей и вассалов, если не хотите лишиться короны. Но если вы готовы уладить дело миром, вам, государь, стоит отправить посла для переговоров с королями Людегером и Людегастом. Это спасёт жизни многим доблестным рыцарям.

Как ни был храбр Гунтер, он всё же промолвил:

– Я не дам вам ответа тотчас. Мне надо поделиться этой скорбной вестью с вассалами, а далее мы будем держать совет.

Король опечалился, грустная весть камнем легла на его сердце. Без промедления приказал он Герноту, Хагену и другим вельможам явиться в свои палаты.

– Сильный и опасный враг грозит нам, – обратился к ним Гунтер. – Немалые беды сулит нам его нашествие.

– Покуда в наших руках есть мечи, а в сердцах отвага, ни один враг не страшен нам, – воскликнул доблестный Гернот. – Смерти не избегнет никто, но честь превыше жизни. Порадуемся, что судьба привела нам врагов, битва – лучшая отрада для воина.

– Тут добра ждать не приходится, – сказал Хаген из Тронье. – Мы не успеем к сроку собрать свои отряды, а без них не видать нам победы.

Затем он погрузился в раздумья и добавил:

– Надо рассказать обо всём Зигфриду.

Король распорядился разместить вражеских гонцов в Вормсе и запретил бургундам задевать их. Он решил, что неразумно будет злить врагов, не выяснив прежде, кто из друзей готов оказать ему помощь.

Гунтер потерял покой и сон, целыми днями ходил в унынии и своим видом растревожил Зигфрида.

– Я вижу, что-то гнетёт вас, король, – обратился к нему нидерландец. – В чём причина вашей тоски и что лишило вас былого веселья?

– Не каждому король может открыть своё горе, – отвечал ему доблестный Гунтер. – Свою тревогу я должен таить глубоко в сердце, ведь открыть её можно только самым преданным друзьям.

Услышав такие речи, Зигфрид изменился в лице и заверил Гунтера:

– Я помогу вам, какая бы беда ни случилась! Если нужен вам преданный друг, я буду им до самой смерти.

– Да воздаст вам Господь за ваши слова. И ценнее всего даже не ваша помощь, хоть мы и сильно нуждаемся в ней, а та готовность, с которой вы её предложили. Если мне суждено жить, я не забуду этого и отблагодарю вас. Большая беда надвигается на бургундов. Короли Людегер и Людегаст прислали гонцов с известием, что объявляют нам войну. Это, признаюсь, застало нас врасплох, ведь никогда прежде враги не нападали на нашу страну.

– Оставьте тревоги, – сказал на это Зигфрид. – Доверьте мне поднять за вас меч, и потомки ваших врагов будут жалеть о неразумии предков. Со мной здесь всего двенадцать человек. Дайте мне под начало ещё тысячу бойцов, и, даже если против нас будет тридцать тысяч отборных воинов, мы разобьём их в яростной сече.

На это Гунтер ответил:

– Поверьте, я не останусь перед вами в долгу.

– Вот вам моя рука. Пусть доблестные Хаген, Данкварт, Ортвин, Синдольт и бесстрашный знаменосец Фолькер также отправятся в поход вместе со мной. Послам же велите возвращаться домой, куда мы и сами явимся очень скоро.

Король, не медля, приказал созывать родню и вассалов.

Когда послы пришли к нему за ответом, он так сказал им:

– Передайте моим недругам, что лучше им оставаться дома. Но если уж пришла охота посетить мой край, пусть знают, пока со мной друзья, любой враг изопьёт здесь горя полной чашей.

После чего, наградив богатыми подарками, отпустил гонцов. Послы, чтобы не гневить его, с благодарностью приняли дары.

Когда достигли они датских пределов, и Людегасту стало известно, что за ответ получили его гонцы на Рейне, ярости датского короля не было предела. В гневе поклялся он отомстить бургундам.

– В Бургундии хватает доблестных рыцарей, – добавили гонцы, – но даже среди них блещет Зигфрид, витязь, что приехал из Нидерландов.

Короля встревожило это известие, и он приказал датчанам готовить поход с особым тщанием. В войске отважного Людегаста было двадцать тысяч отборных смельчаков. А когда Людегер Саксонский привёл свою дружину, всего датчан и саксонцев набралось более сорока тысяч.

Тем временем в Бургундии Гунтер также созывал своих родственников и вассалов.

Готовились его братья Гернот и Гизельхер. С ними смелый Хаген из Тронье, брат Хагена Данкварт и Ортвин Мецский. Не отставали от них Синдольт и Хунольт, не зря Гунтер так щедро награждал их. Все знали – кровавая война неизбежна, и многим славным витязям принесёт она славу и гибель.

Как только рать снарядилась в поход, её начали переправлять через Рейн. Старшим над дружиной встал Хаген из Тронье, а отважного Фолькера назначили знаменосцем.

– Король, – сказал неустрашимый Зигфрид, – я пове-
ду ваших людей, а вы оставайтесь дома и охраняйте дам. Ваша честь и бургундские земли не понесут ущерба, пока они под моей защитой. Враги, что движутся на Вормс, не найдут здесь славы, поскольку я намерен победоносно пройти по их же собственным землям.

С тем Зигфрид, жаждавший сечи, повёл дружину от Рейна через Гессен. По пути он жёг и грабил земли окрестной страны, дабы противник в полной мере вкусил горестей и страданий войны.

Когда грозное войско подступило к границам Саксонии, доблестный Зигфрид спросил соратников:

– Кого мы определим прикрывать наши тылы?

– Пусть могучий Данкварт вместе с молодёжью прикрывает нас, – отвечали ему бургунды. – А если с ним отправится ещё и Ортвин, это сделает нас поистине неуязвимыми.

– Пусть будет так, – согласился Зигфрид. – Сам я выдвинусь в дозор. Если мы хотим одержать победу, надо точно знать, где наши враги.

Снарядившись в дорогу и оставив войско под началом Хагена и Гернота, сын Зигмунда направил коня во владения саксов. Да, немало щитов и шлемов изрубил он там в тот день.

И вот Зигфрид видит в поле бессчётные рати. Более сорока тысяч бойцов стояло перед ним – неизмеримо больше, чем в его собственном войске. Но храбреца обилие врагов может лишь радовать!

Смотрит витязь, навстречу ему мчится всадник. В руке у него копьё, щит его, шлем и панцирь сверкают на солнце золотой отделкой. Был тот лихой всадник сам Людегаст, датский король. Он, как и Зигфрид, отправился в дозор, и конь его летел во всю прыть. Вот враги заметили друг друга, гневно полыхнули их взоры, и бойцы вонзили коням шпоры в бока.

Людегаст, хоть и был могуч и ловок, встревожился. Копьё своё, однако, держал твёрдо, целя прямо в щит неприятеля. Кони витязей сшиблись, взвились на дыбы и, словно вихрь, пронеслись один мимо другого. Рыцари развернули скакунов и вновь устремились навстречу друг другу, чтобы уже на мечах испытать удачу в яростной схватке.

Зигфрид обрушил на врага удар такой силы, что под тем дрогнула земля, и сноп искр, яркий, словно костёр, взметнулся над шлемом датского короля. Датчанин тут же

ударил в ответ – бойцы стояли друг друга, щиты звенели, сталь встречалась со сталью.

Тридцать воинов Людегаста, заметив, что их король в опасности, поспешили к нему на помощь. Но поздно! К тому времени Зигфрид трижды успел рассечь крепкий сверкающий панцирь датчанина и меч нидерландца заалел от крови. Людегаст пал духом и запросил пощады. Он рассказал, кто таков, и поклялся стать вассалом Зигфрида. Тут подоспели тридцать датских воинов и вступили в бой с могучим нидерландцем. Однако Зигфрид не отдал им своей добычи. Теперь, когда королевич знал, сколь богат и высокороден его пленник, он бился за него столь яростно, что худо пришлось датчанам – лишь один из тридцати сумел уйти оттуда живым. В залитых кровью доспехах явился он в свой стан, где все без слов поняли, что с ним стряслось: раны его были красноречивее всякого рассказа.

Когда дружина узнала, что король их в плену, сердца датчан наполнились страхом и болью, а у Людегаста от гнева побагровело лицо.

Зигфрид увёз отважного Людегаста в свой лагерь и тем привёл в радость всё войско.

– Поднимите знамёна! – воззвал герой. – Слава ждёт нас! Только Господь ведает, суждено мне сегодня остаться в живых или паду я от вражеского меча, но знаю, много вдов появится нынче в Саксонии. За мной, герои Рейна! Я покажу, как раскалываются шлемы врагов и прорублю дорогу во вражьей рати. Пришла пора сбить спесь с дерзкого Людегаста.

Могучий шпильман Фолькер поднял над головой знамя, и воины, словно горная лавина, устремились за ним. Поистине великолепное зрелище представляло собой то войско. Хоть в поход и отправилась всего лишь тысяча бургундов да двенадцать нидерландцев, от пыли, поднятой копытами их коней, померк горизонт, а золочёные щиты слепили противника.

Саксы тоже изготовились к бою. Крепки были их доспехи, мечи остры, и воины готовились биться насмерть. Никто не хотел лишиться земель и замков.

Два войска яростно сшиблись, обагрив кровью сталь своих клинков.

Синдолът, Хунолът и Гернот разили наповал столь быстро, что саксы и датчане даже не успевали показать своё искусство владения оружием.

Немало прекрасных женских глаз затуманили слёзы после того боя.

Бесстрашный Фолькер, Хаген, Ортвин и доблестный Данкварт бились столь яростно, что после каждого их удара раскалывался вражеский щит или чужой шишак темнел от крови.

Но датчане тоже были весьма искусны в ратном деле. Их булатные клинки с лязгом врубались в доспехи, и ветер разносил над полем гром ударов. Да и саксы не отставали от союзников – дрались что было сил. Но всё же бургунды теснили и тех, и других, нанеся им столько глубоких ран, что кровь, заливая доспехи, стекала на сёдла и падала в траву. Ярая вышла битва! Честь и слава витязям!

В самом сердце битвы стоял нескончаемый гром – то крушил вражеские щиты нидерландский герой. Дружина во всём помогала Зигфриду – куда бы ни ринулся он, неотступно следовала за ним, сменяя противников. Кровь текла потоками по горящим на солнце шлемам датчан и саксов. Королевич раз за разом врубался в их порядки, мечом прокладывая путь к Людегеру. Три раза прошёл нидерландец вражескую рать насквозь. А когда с ним рядом встал доблестный Хаген, немалый урон понесла от них саксонская страна.

Могучий Людегер заметил, как бьётся Зигфрид, как вздымает над головой свой добрый меч Бальмунг и как безжалостно косит им саксов. Увидев это, король почувствовал в душе жестокий стыд и великую ярость. Всюду кипела битва, звенели мечи, полки сшибались друг с другом всё злей, но когда сошлись Зигфрид и Людегер, саксы в страхе отхлынули. До этого часа Людегер думал, что только Герноту под силу пленить его брата, но теперь понял, кто на самом деле победил Людегаста. Саксонец с такой силой нанёс удар, что конь под нидерландцем пошатнулся и едва не упал. Однако же устоял, и через миг его седок обрушил свой гнев на Людегера.

Тем временем бургунды Хаген, Данкварт, Фолькер и Гернот отгоняли прочь саксов, пробивавшихся на помощь к своему государю, а Синдольт, Хунольт и Ортвин славно помогали друзьям, без промаха разя врагов.

Царственные бойцы спешили и сошлись лицом к лицу с мечами в руках. И хоть кипела вокруг них битва,

свистели и вонзались в щиты копья и дротики, видели они лишь друг друга. Не обращая внимания на бой, осыпали друг друга тяжёлыми ударами.

У саксонского короля порвалась застёжка под щитом, и Зигфрид понял, что победа близка. Тут Людегер различил корону, что украшала вражеский щит, и понял, что за боец перед ним. Тогда он остановился и крикнул громовым голосом:

– Вассалы, прекратите битву! Против нас бьётся Зигфрид Нидерландский, я узнал его. Видать, сам дьявол привёл мне столкнуться с ним в битве. Дружина, опустите знамёна.

Зигфрид согласился на мир, но при условии, что Людегер, как заложник, оправится с ним на Рейн. Саксонские вожди остановили битву, положили на землю оружие и доспехи. Повсюду, на щитах саксов и датчан, их шлемах, кольчугах и нагрудниках виднелись следы бургундских и нидерландских клинков.

Приказав соорудить носилки для тяжелораненых и тех, кто не мог ходить, Гернот и Хаген выбрали из пленных пятьсот заложников, которые должны быть отправлены в Вормс. Без славы вернулись домой датчане и саксы, поход не принёс им ни добычи, ни славы. Всех снедало уныние, каждый горевал о друге или родственнике.

А бургунды, навьючив на лошадей доспехи, отправились обратно в Вормс. Каждый дружинник понимал, что победу добыл им Зигфрид, что именно он побил врагов, и каждый готов был сказать о том Гунтеру.

Гернот оправил вперёд гонцов:

– Пусть на Рейне узнают, что поход окончен, и я, совершив с дружиною немало доблестных подвигов, отстаю честь бургундов.

Гонцы отправились в путь и скоро ко всеобщей радости доставили известие в столицу. Вормсцы, возликовав, попросили вестников рассказать, как боролись бургунды с врагом и какие подвиги совершили. Позвала к себе тайком одного гонца и Кримхильда. Открыто говорить с ним она не могла, ведь речь должна была пойти о том, кого она любила.

– Расскажи мне всё, что знаешь, и если вести твои будут правдивы, обретёшь здесь золото и друга, – так начала свою речь королева, когда посланец был введён в её покои. – Ответь, что с моим братом Гернотом? Что с моими друзьями? Многих ли не досчитаюсь я меж ними? Скажи, ничего не утаивая, кто был первым в битве?

– Среди нас не было трусов, – не медля, ответил гонец. – Но отважнее всех, и, поверьте, я не лгу, бил врага Зигфрид Нидерландский, ваш высокородный гость. Немало его подвигов довелось мне увидеть в сражении. Да, могучий Хаген, Данкварт и остальные воины проявили себя истинными храбрецами, но их деяния – детская забава по сравнению с подвигами, совершёнными Зигфридом. Они храбро бились, Зигфрид же творил чудеса. Никто не знает, сколько врагов он убил, но множество дам плачут из-за него о родичах и друзьях сердца. Его Бальмунг

с такой силой крушил шлемы, что кровь багровыми ручьями хлестала из ран врагов. Поистине это великий воин.

Да и Ортвин Мецский нанёс врагу немалый урон – каждый, кого он задевал мечом, был ранен, а чаще убит. Никто и никогда ещё не нёс таких потерь, какие понесли саксы, в сражении с вашим братом Гернотом. Бургунды были столь яростны и свирепы в битве, что вражьих проишки больше не представляют опасности для их чести. Рейнцы кипели ратным пылом, сбивали врагов с коней, поле гудело от ударов их клинков. Уверен, и саксы, и датчане пожалели, что затеяли бой.

Бойцы из Тронье тоже дали о себе знать в этой битве. Немало жизней пресёк Хаген своим мечом, и его родичам будет что рассказать потомкам. Синдольт, Хунольт, Румольт, что шли за Гернотом, рубили противника не хуже своего владыки. Долго ещё Людегер будет проклинать себя за то, что пошёл войной на бургундов. И всё же, как бы хорошо ни показали себя эти воины, то был бой могучего Зигфрида и теперь множество высокородных пленников ведёт он сюда. Им захвачен король грозных датчан Людегаст и его брат Людегер, владыка саксов. Обоих нидерландец взял в плен своей рукой. И хоть случалось ранее бургундам брать пленных, но всё же несравнимо меньше того, сколько ведёт он с собой.

Рассказ гонца понравился красавице Кримхильде.

– Более пятисот пленников направляются сюда. Тех, кто из-за тяжких ран не может идти, а таких около восьми десятков, несут на залитых кровью носилках. Вот что

значит встать на пути у Зигфрида! Гордецы бросили вызов нашим владыкам, но попали в плен к Гунтеру, и сегодня же, к радости всех вормсцев, будут доставлены сюда.

Эта весть очень обрадовала Кримхильду. Узнав, что её сердечный друг жив и здоров и скоро вернётся, она зарделась алее свежей розы. Порадовалась она также и за своих родственников.

– За вести, что ты принёс мне, – сказала королева, – я отсыплю тебе десять марок золотом и одарю расшитой шелками одеждой.

Гонцу немедленно принесли золото и платье. Что и говорить, не худо доставить приятную весть высокородной даме!

Меж тем подружки Кримхильды собрались у окон и вскоре увидели бургундских воинов, что возвращались из похода. Раненых несли на носилках, невредимые шли пешком, и все они с радостью внимали приветственным крикам. Гунтер, позабыв печаль, выехал встречать воинов. Как и надлежит великодушному королю, он был равно ласков и к чужим, и к своим вассалам.

Гунтер спросил дружину, кто из бургундских витязей принял смерть в бою. Убитых оказалось всего шестьдесят, и в дальнейшем все они были достойно оплаканы. На уцелевших вражеское оружие тоже оставило немало отметин, почти у каждого был изрублен шлем или щит.

Приехав ко дворцу, витязи сошли с лихих коней. Стоявшая вокруг несметная толпа громогласно славил бургундских воинов.

Гунтер определил войско по Вормсу на постой, велел, чтобы приезжих принимали со всем радушием, а о раненых заботились, как о родных. Не обошёл он вниманием и пленных.

– Хоть вы и причинили мне жестокую обиду своей дерзостью, я всё же рад видеть вас в Вормсе, – сказал он Людегасту. – Теперь, когда вы у меня в плену, я не стану вспоминать причинённое зло, а лучше воздам моим друзьям за верную дружбу.

– Они того достойны! – воскликнул Людегер. – Никто ещё не брал пленников более высокородных. Мы же обещаем щедро отплатить вам добром и золотом за радужный приём и гостеприимство.

– Я дам вам свободу, – молвил Гунтер, – если вы обещаете не покидать мою страну, покуда я сам не отпущу вас.

– Вот вам моя рука, – ответил королю Людегер.

По распоряжению короля все отправились отдыхать. Раненых уложили в постели, здоровым принесли вино и крепкий мёд, чтобы витязи позабыли о трудностях похода. Дабы женщины не проливали слёз, убрали с глаз долой изрубленные доспехи и сёдла, покрытые запёкшейся кровью. Надо признать, победа недёшево обошлась бургундам.

Немало гостей было у Гунтера, но всех он чувствовал равно, и своих, и чужих, а увечных окружил такой заботой, что сердца всех пленных тут же расположились к нему.

Не жалея казны, Гунтер приставил к раненым самых искусных лекарей, чтобы те помогли героям поскорее подняться на ноги. Он осыпал гостей подарками и не соглашался отпускать домой, уговаривая подольше погостить в Вормсе.

– Как наградить наших бойцов, столь доблестно защищавших Бургундию? – обратился король с вопросом к своим вельможам.

– Давайте отпустим их домой, – ответил брату Гернот, – а через шесть недель, когда заживут их раны, пусть они вернутся сюда, и тогда мы устроим в их честь великое пиршество.

Собрался и Зигфрид возвращаться к себе в Нидерланды. Гунтер, узнав об этом, попросил его остаться. И не будь у Гунтера сестры, не удержат бы ему героя, ведь Зигфрид был слишком знатен и могуществен, чтобы ему можно было предложить подарки. Да и, кроме того, хозяин был в долгу перед витязем, столько тот совершил подвигов, когда крушил его врагов. Нет, Зигфрид остался в Вормсе только ради Кримхильды, и вскоре ему довелось повидаться с ней, а потом, как и мечтал, он назвал красавицу своей женою и отбыл с ней в родные края, но об этом речь впереди.

В те шесть недель, что предшествовали пиру, за Вормсом возводились шатры для гостей, а молодёжь устраивала турниры и всяческие забавы.

Когда до празднества оставалась одна неделя, Кримхильда вызнала у братьев, что Гунтер собирается дать пир

для друзей и все благородные дамы немедленно сели за шитьё нарядов. Королева Ута тоже узнала о скором пире и приказала достать из кладовых лучше одежды. Соблюдая древние традиции и заботясь о чести своих детей, она приказала богато разодеть придворных дам и челядь. Да и для приезжих витязей было припасено в дар немало богатых одеяний.

ЦВЕТУРА V

О ВСТРЕЧЕ Зигфрида и Крильды

Праздник приближался, всё больше и больше бойцов съезжалось в Вормс. Никто не был обделён хозяйской щедростью: каждый получил в подарок коня и платье. И хотя на пир явилось тридцать одних только королей, всем на торжестве Гунтер отвёл места по сану, рождению и старшинству. Молодой Гизельхер и Гернот радушно принимали гостей, для каждого нашлось у них приветливое слово, каждый был встречен с должным почтением и учтивостью.

Куда ни посмотри, всё вокруг сверкало и вызывало восхищение: щиты с дорогой отделкой, пышные наряды, расшитые золотом сёдла. От такой красоты у раненых прибавилось сил, и даже те, кто из-за увечий не мог стоять на ногах и кому жить оставалось лишь несколько дней, забыли о том. Никто больше не рыдал о раненых и болеющих, одно было в мыслях у горожан – удастся ли празднество, и что оно принесёт гостям. Всех при дворе переполняла радость, каждый надеялся вволю повеселиться и выпить вина.

Утром Троицына дня на берег Рейна съехалось множество приезжих бойцов. Тысяч пять или даже более собралось их на шумное торжество.

Гунтер давно заметил, что Зигфрид влюблён в его сестру, пусть даже нидерландец и не видел ни разу той, что затмевала своей красотой всех девиц.

Доблестный Ортвин обратился к королю с советом:

– Ваше величество, если хотите, чтобы праздник удался, прикажите пригласить сюда красавиц, что составляют гордость Бургундии. Мало радости для мужчины, если нет рядом прекрасных дам, скука одолевает его. Дозвольте также и вашей сестре сесть вместе с гостями за стол.

Всех витязей обрадовал этот совет.

– Так я и сделаю, – ответил державный Гунтер и вызвал тем всеобщую благодарность.

Он приказал, чтобы Ута и Кримхильда, равно как и дамы их свиты, явились на торжество.

Женщины достали из скрыней* и кладовых дорогие платья и уборы, запястья, серьги и кольца. Каждая хотела, чтобы чужеземные воины удивились её красоте.

И юноши, храбрясь, тоже желали привлечь внимание прекрасных бургундок. Известно, что молодые люди подчас и трон готовы отдать за нежный девичий взгляд.

Сто родственников Гунтера сопровождали королеву в качестве почётных стражей. И, как исстари ведётся у бургундских королей, шли они вокруг юной королевы,

---

* Скрыня – в данном случае ларец, короб.

вооружённые мечами. Кроме них, Кримхильду в то утро сопровождала на пир королева Ута, и с нею вместе множество придворных дам и девушек в дорогих одеждах.

Едва они успели сойти с крыльца, как гости выстроились вдоль их пути, и каждый воин горел надеждой увидеть красавицу. Она предстала перед ними, подобная лучу солнца, пробившемуся сквозь мрачные тучи, и у всякого, кто томился по ней, в тот же миг растаяли печали. На её наряде искрились драгоценные камни, а лик был румян и свеж, словно лепестки утренней розы. И встретить её тогда самый злобный хулитель, даже он не отыскал бы изъяна в её красоте. Как меркнут ночные звёзды в свете восходящей луны, так и Кримхильда затмевала красотой всех дев, заставляя мужские сердца трепетать от страсти. Перед красавицей, освобождая её путь, шествовала стража, а вокруг теснились воины, желая увидеть ту, чья прелесть слепила зрение.

И у Зигфрида, когда он смотрел на неё, взор туманило то счастье, то печаль. «Впустую мечтаю я! – думал герой. – Такая дева никогда не подарит мне своей любви, а без неё меня иссушит тоска».

От этих дум воитель то краснел, то бледнел. И это при том, что сын Зигмунда был на диво красив и статен! Всем он казался картиной, которую нарисовал на пергаменте искусный художник.

Стража учтиво оттеснила толпу с пути королевны, и бойцы покорно расступились, так заморозила храбрецов чинная поступь прекрасных дев.

Тут Гернот обратился к Гунтеру:

– Король, здесь присутствует тот, кто сослужил вам добрую службу, и, мой вам совет, воздайте ему при всех по заслугам! Пусть Кримхильда поприветствует Зигфрида, и её учтивость не пропадёт даром. Впервые сестра окажет подобную честь бойцу, и нас со славным витязем свяжет крепкая дружба.

Гунтер послал своих вассалов за героем.

– Король просит вас к себе. Сегодня его сестра окажет вам большую честь и поприветствует перед всем двором.

Как обрадовался витязь такой вести! Как забилося его сердце при мысли, что Кримхильда будет говорить с ним!

И вот доблестный витязь, зардевшись, предстал пред Кримхильдой, и прекрасная королева обратилась к нему:

– Приветствую вас, храбрый Зигфрид!

Герой воспрянул духом, надежда вновь ожила в нём. Он с достоинством поклонился деве. Та подала ему руку, и они пошли рядом, успев украдкой посмотреть друг на друга нежным взглядом.

Более красивой пары не было до сих пор на свете!

Я не смею утверждать, понимал ли герой, что порой Кримхильда пожимает ему руку. Но я не могу поверить, чтобы она могла скрыть любовь, которую вселил в неё бесстрашный гость.

Никогда ещё не чувствовал воин столь сладкого волнения, как в те мгновения, когда шёл рядом с той, кого был бы счастлив повести под венец. И каждый витязь, глядя на

него, думал: «Ах, что за счастливец! Если б и я мог вот так же идти рука об руку с Кримхильдой».

Однако никто из них не смог бы услужить ей учтивей Зигфрида. И рядовые дружинники, и знатные князья, затаив дыхание, смотрели на чету. Король велел сестре поцеловать гостя, чем ещё более умножил его счастье.

Могучий король датчан, глядя на них, в сердцах сказал:

– Большой кровью куплен этот поцелуй Кримхильды. Много ран нанёс Зигфрид мне и моим бойцам. Не приведи нам Господь снова воевать с ним.

Стража снова расчистила королевне путь, и Кримхильда вместе с вельможами и знатными дамами отправилась на молитву в храм. При входе в собор героя разлучили с девушкой.

Всё время, пока шла служба, храбреца мучило нетерпение, хоть он и был счастлив, что смог ощутить ласковое прикосновение и прочитать нежность во взгляде той, что весь год занимала его мысли и мечты.

Когда он покинул храм, то был снова подведён к деве. Тут Кримхильда поблагодарила его за подвиги, которые он совершил, спасая честь бургундов в битве.

– Пусть Господь вознаградит вас за бесстрашие и верность друзьям, – сказала дева. – А мы будем всегда всей душой любить вас, Зигфрид.

– Везде и всюду до самой смерти буду я вашим слугой, – с жаром ответил нидерландец. – Приказывайте, и я всё совершу для вас, потому что милость ваша для меня выше всех наград.

Двенадцать дней продолжался в Вормсе весёлый пир, и при каждом выходе Зигфрид сопровождал Кримхильду. Так Гунтер старался угодить ему.

Смеясь и ликуя от зари до зари, витязи предавались шумным молодецким забавам, и Ортвин с Хагеном творили там истинные чудеса. Какою бы потехой ни пожелали развлечься гости, эти два витязя, к чести Гунтера и Бургундии, неизменно брали верх надо всеми.

Даже те, кто из-за ран едва только встал на ноги, участвовали в забавах. Теперь они снова соревновались с друзьями во владении мечом и метании копья. Гостеприимный хозяин, помня, что королю зазорно быть скупцом, велел подавать на стол отборнейшие яства, и часто сам сиживал вместе с бывшими врагами. На прощание же он сказал им:

– Я приготовил для вас подарки. Прошу не отвергать их и взять с собою.

Датчане ответили ему так:

– Спасибо вам за празднество, но прежде мы хотим, чтобы вы заключили с нами мир. Несправедливо без этого отпускать нас из Вормса, и без того сильный урон нанесён вами Дании.

Хоть сам король датчан был вновь здоров и силен, да и Людегер Саксонский тоже выздоровел, а всё же войска их и впрямь понесли большие потери.

Гунтер решил посоветоваться с нидерландцем.

– Дайте совет, как нам следует поступить? – спросил он у Зигфрида. – Завтра утром заложники собираются

разъехаться по домам, но прежде хотят заключить со мной надёжный мир. По его условиям побеждённый враг даст мне выкуп в пятьсот гружённых золотом коней.

– Так поступать не подобает, – молвил герой. – Отпустите пленных домой без выкупа. И пусть они дадут вам руку, пообещав, что вовек не нападут на Бургундию.

Гунтер согласился с Зигфридом, и они вдвоём пошли сказать заложникам, что те вольны тотчас и безо всякого выкупа отправиться домой, где их ждут родичи. Потом, по совету Гернота, Гунтер повелел принести в дворцовый зал щиты с казною, и каждый из королей получил от него в дар по пять сотен марок или даже более. Прежде чем гости разъехались, каждый из них посетил Кримхильду, чтобы она и Ута могли проститься с ними. Героям, без сомнения, польстила такая честь.

Опустевший дворец притих после отъезда многочисленных гостей. Лишь Гунтер остался там, его родня и дружина. Днём король занимался делами правления, а по вечерам вместе со свитой навещал королеву.

Доблестный Зигфрид тоже решил покинуть бургундский двор, где ему так и не удалось добиться Кримхильды. Гунтера его отъезд опечалил, но возражать герою он не посмел. По счастью, юный Гизельхер сумел удержать гостя.

– Почему вы уезжаете? Разве вам плохо у нас? – воскликнул он. – Мой брат Гунтер и весь двор так уважают вас, столько прекрасных знатных дам будут рады вас видеть. Оставайтесь, благороднейший Зигфрид!

– Не скрою, мне приятно слышать такие речи, – ответил нидерландец. – Хорошо. Пусть слуги примут наши щиты и отведут в стойла коней. Я бы отбыл домой ещё до наступления вечера, если бы ты, мой юный друг Гизельхер, не сумел отговорить меня.

Так Зигфрид остался в Вормсе, и нельзя сказать, что он обижался на свою судьбу. Где бы ещё ему удалось каждый день видеть любимую?

Пленённый красой Кримхильды, герой гостил у бургундов, проводя время в беспечных забавах. И страсть, от которой ему было суждено погибнуть, томила его с каждым днём всё сильнее.

Цвентофа VI

**О том, как
Сунтер задумал
жениться**

По лежащим у Рейна странам прошла весть, что славный король Гунтер задумал жениться. И хоть немало пригожих девиц жило в тех краях, думал и мечтал витязь лишь об одной красавице.

За морем, в далёкой Исландии, правила королева, прекрасная телом и лицом. И при этом была она настолько сильна, что могла, бросив копье, насквозь пробить им цель, а швырнув камень, умела догнать его в прыжке. Каждый, кто отважился посвататься к ней, должен был победить королеву в трёх состязаниях, а проиграв хотя бы в одном, лишался головы.

Немало удальцов сгубила она.

Дошёл о красавице слух и до Рейна. Доблестный вормсский рыцарь возмечтал о ней, но, как вы потом узнаете, брачный союз тот стал роковым для многих витязей.

– Я отправляюсь в Исландию, – сказал бургундский властелин. – Будь что будет, но я попытаю счастья и либо

добуду себе в жёны Брюнхильду, либо до срока упадёт с плеч моя голова.

– Мой вам совет – оставьте это намерение, – сказал ему Зигфрид. – Всем известно о жестоком обете, который дала Брюнхильда. Не стоит терять из-за неё головы.

Слово взял Хаген.

– Если вам и вправду так хочется ехать, просите, чтобы труды и опасности путешествия по дружбе разделил с вами бесстрашный Зигфрид. Ведь ему хорошо известны нравы и обычаи Брюнхильды.*

– Зигфрид, – обратился король к герою, – надеюсь, вы поможете мне в сватовстве? Если за морем мне удастся добыть в жёны Брюнхильду, клянусь, я рискну ради вас и жизнью, и даже честью.

– Буду рад помочь вам, – ответил сын Зигмунда. – И я не попрошу иных наград, если вы отдадите мне в жёны свою сестру. Ведь я давно влюблён в неё.

– Вот вам в том моя рука! – сказал Гунтер. – Если я вернусь в Бургундию вместе с Брюнхильдой, вы станете супругом Кримхильды, сможете делить с ней ложе и наслаждаться жизнью.

Герои поклялись соблюсти своё слово.

Большие испытания ждали их за морем. Немало преодолели они трудностей, прежде чем сладили с Брюнхильдой и вернулись вместе с ней в Вормс.

---

* Здесь и далее содержатся намёки, восходящие к более ранним вариантам эпоса о нибелунгах, говорящие о том, что Зигфрид ранее был знаком с Брюнхильдой.

Предчувствуя многие опасности, Зигфрид захватил с собой плащ-невидимку, который когда-то отбил у могучего карлика Альбриха. Надевший тот волшебный плащ становился невидим для людей, а кроме того, он придавал Зигфриду такую мощь, что силой витязь становился равен дюжине воинов. Если бы не магическое одеяние, Брюнхильда сгубила бы героев. При помощи хитрости им удалось добыть заморскую королеву, но это привело потом ко многим несчастьям.

– Скажите, бесстрашный Зигфрид, – спросил Гунтер, – если я хочу, чтобы меня приняли в чужой стране с почётом, возможно, мне стоит взять с собой сильное войско? Я без труда могу созвать тридцать тысяч бойцов.

– Даже если вы соберёте сто тысяч, – ответил нидерландец, – никто из них не ускользнёт живым из рук Брюнхильды. Мир не видел ещё девы более грозной. Нет, мой доблестный друг Гунтер. Мы поступим, как пристало витязям, а там будь что будет. Отправимся вчетвером. Мы спустимся по Рейну, пересечём море и предстанем перед Брюнхильдой. Вы – первый, я – второй. Третьим будет Хаген, он славный воин. А если четвёртым мы возьмём Данкварта, то даже тысяче врагов не удастся сломить нас.

– Ещё спрошу вас, – сказал король, – в каком платье мне предстать перед красавицей Брюнхильдой?

– В самом лучшем, какое только найдёте. В королевстве, где правит Брюнхильда, одеваются богато, и скромное платье славы нам не принесёт.

– Ну, коли так, – сказал храбрый Гунтер, – я отправлюсь к матушке. Пусть велит своим девицам сшить для нас такие наряды, чтобы не пришлось нам краснеть в Исландии.

– Зачем обременять матушку просьбами? – обратился к королю со смелыми словами Хаген. – Скажите сестре, что вам нужна помощь, и она охотно поможет вам собраться в путь.

Король известил Кримхильду, что намерен прибыть к ней вместе с доблестным Зигфридом для разговора. Дева надела лучшие наряды, чтобы достойно встретить гостей, которым была, без сомнения, очень рада. Под стать ей оделась и свита. Король не заставил себя ждать. Едва он вошёл к деве, та учтиво поднялась и пошла ему навстречу.

– Приветствую вас! – сказала королева. – И вам, мой брат, и гостю я рада всей душой. Какие заботы привели вас сюда? Чем можем мы, женщины, услужить вам?

– С недавних пор обременён я большой заботой, – сказал державный Гунтер. – Едем мы со сватовством в заморские края, и мне, сестра, необходимы достойные случая одежды.

– Прошу вас, присядьте и расскажите, чьей любви хотите вы добиться в чужих краях?

Кримхильда с улыбкой взяла гостей за руки и привела к скамье, укрытой расшитой золотом парчой.

Зигфрид тайком посматривал на королеву, и дух его сладко замирал, ведь он любил Кримхильду больше жиз-

ни. Недаром вскоре она стала его супругой. Да и деве его присутствие тоже было в радость.

– Дорогая сестра, – сказал Гунтер, – вскоре мы отплывём за Брюнхильдой, и нам не обойтись без вашей помощи. Мне и моим друзьям нужно платье.

– Любимый брат мой, – ответила королева, – я окажу вам любую помощь, и если кто не последует в том моему примеру, того я не прощу вовек. Меня не надо упрашивать. Я с радостью исполню любой ваш приказ.

– Дорогая сестра, я прошу вас и ваших девиц скроить и сшить для нас побольше дорогой одежды. Работайте без задержек, мне очень не хочется откладывать сватовство.

– Шелков у меня хватает, – отвечала ему красавица. – Но нужны драгоценные камни. Прикажите насыпать их в щиты и скорее нести сюда.

И Гунтер, и Зигфрид охотно согласились с ней.

– Милый брат, скажите, кто ещё отправится с вами за море?

– Нас будет четверо, – ответил Гунтер. – Я, Зигфрид и Хаген с удалым Данквартом. Если мы не хотим, чтобы двор Брюнхильды видел во мне скупца, всем четверым придётся менять одежду трижды в день. И так четыре дня подряд.

Едва гости ушли, дочь достойной Уты созвала свиту и из множества сбежавшихся в покои рукодельниц отобрала тридцать лучших мастериц.

Сначала красавица раскроила шелка – аравийский, белый, будто первый зимний снег, и привезённый из

Цацманки, зелёный, словно трава. Затем искусницы нашили на них драгоценные камни. Работа шла споро. Девушки покрыли шелками меха морских зверей – на те меха бургунды всегда смотрели как на чудо. Но и это ещё не всё. В дело пошли тончайшие шелка из Ливии и Марокко, какие едва ли нашлись бы при других княжеских дворах! Ничего не жалела Кримхильда для брата – даже горноста́й казался ей недостаточно дорогим для его наряда. Бархат она выбирала чернее агата. И в наши дни любой воин с гордостью носил бы такой наряд, сверкавший аравийским золотом и драгоценностями. И хоть труд мастериц был велик и тяжёл, за семь недель рукоделие было закончено. Витязи тем временем подобрали себе достойное оружие.

На Рейне, проявив большое усердие, бургундские корабли построили прочную ладью, на которой смело можно было отправляться в море.

В назначенный срок Гунтер узнал от королевны, что приказ его исполнен в точности, одежда пошита, и сватовство можно больше не откладывать. Гунтер отправил к спутникам гонцов, чтобы те явились и примерили обновы. Одежда на витязях сидела безупречно, все наряды были столь красивы и богаты, что в них сваты могли достойно предстать перед Брюнхильдой.

Рыцари осыпали мастериц похвалами, сердечно поблагодарили за платье и попрощались с такой учтивостью, что многие девы невольно уронили слезу.

– Мой брат, – сказала Кримхильда, – оставайтесь дома. Ведь и у нас на Рейне достаточно прекрасных дам.

Не лучше ли найти супругу в своей стране, чем плыть за море, рискуя жизнью?

Наверное, сердце подсказало красавице, что много бед принесёт это сватовство.

Свита заплакала вместе Кримхильдой, и столько слёз пролилось из прекрасных глаз, что потускнели их золотые нагрудные цепи.

– Зигфрид, – сказала королева, – я поручаю вам того, кто для меня дороже жизни. Да охранит ваш меч брата от опасностей.

Герой протянул ей руку.

– Я ручаюсь, что Гунтер не попадёт в беду. Живым и здоровым вернётся он со мною на Рейн.

Благодарная красавица до самого пола поклонилась воителю.

На борт ладьи взвели ретивых коней, погрузили воинские доспехи и одежду витязей. Всё было готово к отплытию, настало время прощания.

У Кримхильды от скорби потемнело лицо. Её подруги-красавицы, плача, стояли у окон.

Попутный ветер раздувал паруса. Гунтер вместе своими друзьями стоял в ладье.

– Кто укажет нам путь к заветной земле? – спросил он.

– Я! – вызвался Зигфрид. – Я знаю путь в королевство Брюнхильды и без труда доставлю нас туда.

– Прощайте! – весело сказали бойцы родной стороне и с тем отплыли.

Гунтер встал у руля. Зигфрид оттолкнул ладью багром от берега, поток подхватил её, понёс к морю, и вскоре бургундский край скрылся вдали.

На корабле хватало места и коням, и людям. Также в достатке было отборных яств и вин – Гунтер позаботился о том. Прочная ладья легко летела по волнам. Мачта гнулась под ветром, скрипели канаты. На закате бойцы были уже за двадцать миль от Вормса – седой Рейн быстро нёс их к морю.

Кто мог представить тогда, какой бедой окончатся их труды!

На двенадцатое утро витязи достигли страны, где правила Брюнхильда. Из путников только Зигфриду уже доводилось бывать здесь. Перед ними предстали вознёсшиеся над водами башни Изенштайна.

Державный Гунтер и остальные путники огляделись и увидели, что край тот обширен и множество народа населяет его.

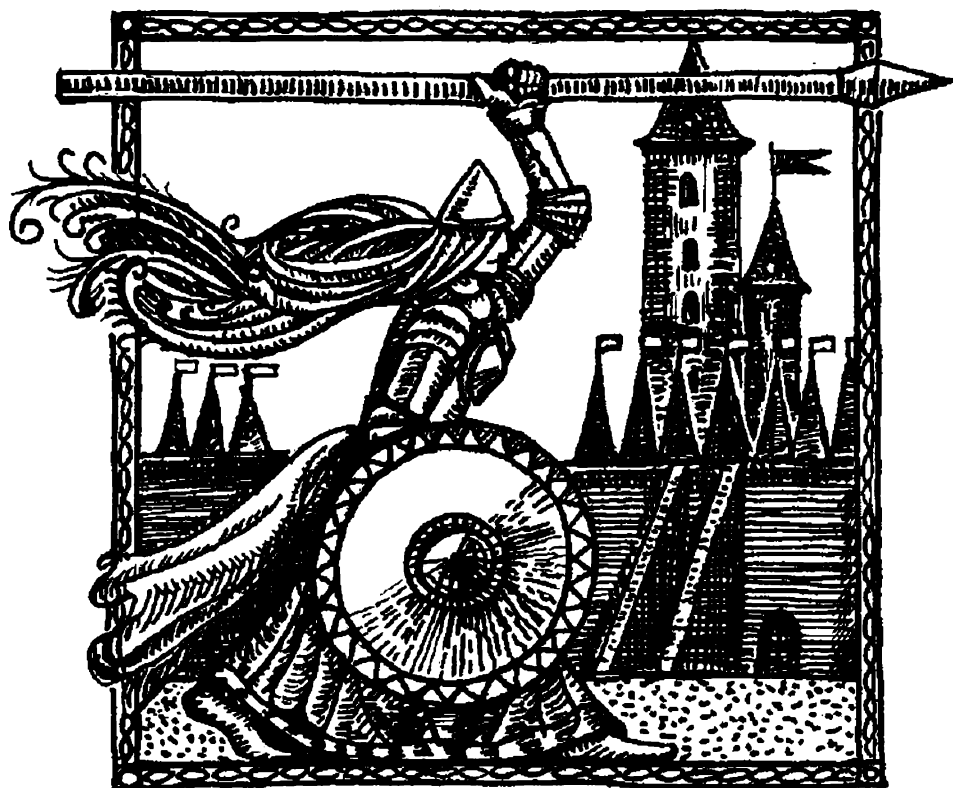
– Зигфрид, чьи это владения? – спросил король. – Чьи это замки и поля?

– Здесь живёт Брюнхильда, – ответил герой, – и мы плывём к Изенштайну, её крепости. Давайте, друзья, договоримся сразу, как отвечать на расспросы, чтобы не попасть впросак и не выдать себя. Шутить с Брюнхильдой – всё одно что играть с огнём, а явиться к ней мы должны до наступления темноты. Когда мы предстанем пред ней, все должны твердить, что Гунтер – мой владыка, а я всего лишь его вассал. Только тогда мы добьёмся своего.

Все согласились, что нидерландец прав, и это потом спасло их от смерти, когда Гунтеру пришлось соревноваться с Брюнхильдой.

– Король, – сказал Зигфрид, – я служу не вам, а той, кто мне дороже жизни. И сейчас я готов пройти через любые опасности, чтобы потом пойти под венец с вашей сестрой.

ЦВЕТУРА VII

О том, как
СУНТЕР победил
БРЮНХИЛЬДУ

Седые от пены волны несли ладью всё ближе к твердыне Изенштайна, и скоро Гунтер различил в окнах замка множество дев, глядящих на чужеземных рыцарей.

– Кто эти девы, что с таким высокомерием взирают на наш корабль?

Зигфрид ответил:

– Осторожно осмотрите их и скажите, какая из них вам нравится больше остальных?

– Выбор не труден! – воскликнул Гунтер. – Вон у того окна стоит она горделиво в белых, как снег, одеждах. Признаюсь, своей красою дева сразу пленила мой взор. И, если бы я мог выбирать, то женился именно на ней.

– Вы не ошиблись, и сегодня ваша мечта сбылась. Перед вами Брюнхильда, в которую вы так давно влюблены.

Краса исландской королевы ослепила Гунтера.

А Брюнхильда меж тем велела своим девицам уйти от окон. Невместно им глядеть на приезжих. Те послушались,

но лишь затем, чтобы тут же опять вернуться к своему занятию – быстро принарядившись, они, втайне от хозяйки, снова приникли к окнам. Не знает границ любопытство женского пола!

Витязи по сходям сошли с корабля на берег. Королевич при этом вёл под уздцы скакуна короля. Гунтер от этого словно стал выше ростом, так он был рад и горд, что женские взоры следят за ним в подобный миг. Королевский конь славился силой и неукротимым нравом, но нидерландец твёрдо держал его под уздцы и не давал расшалиться.

Впрочем, все услуги Зигфрида впоследствии были забыты королём.

Хоть и не приходилось никогда до этого Зигфриду быть слугой и никому с самого рождения не держал королевич стремя, он проделал это, не стыдясь взоров исландских красавиц, и лишь потом свёл на берег своего скакуна.

И у короля бургундов, и у Зигфрида одежда и масть коней были белыми, точно оперение лебедя. Наряды Данкварта и Хагена – чернее воронова крыла.

Четыре доблестных рыцаря мчались в замок Изенштайн, а королева тем временем из окна наблюдала за ними. Вид витязей поражал великолепием: у каждого на локте блестящий щит, в руках отточенные копья, концы мечей свисают до самых стремян, и каждый клинок тяжёлый и острый. Да и кони были под стать удалцам: бубенчики на поводках сделаны из золота, поперсия и сёдла сплошь украшены драгоценными камнями.

В замке Брюнхильды насчитывалось восемьдесят шесть башен, три просторных палаты и зал, отделанный зелёным, как листва, мрамором. В том прекрасном зале исландский двор и ожидал чужеземных гостей.

Замковые ворота распахнулись, и к героям устремились люди королевы. Слуги сняли с витязей щиты, увели коней.

– Прежде чем вы войдёте в замок, прошу сдать мне на хранение клинки и шлемы, – попросил гостей постельничий.

– Не бывать тому, – решительно возразил Хаген. – Я не собираюсь расставаться с мечом.

На это королевич негромко заметил ему:

– Таков здешний обычай. А потому разумнее будет не противиться и без злости покориться.

Хаген, хоть и был раздосадован, но внял его словам.

Витязей угостили вином и оставили отдыхать.

Тем временем к замку стали стекаться местные бойцы. И пусть все они были в дорогих одеждах, затмить гостей не удалось никому из них.

Брюнхильде доложили, что прибыли чужеземцы, чьи имена неизвестны. При этом обликом они царственны, да и наряд им под стать.

– Разузнайте, – приказала королева слугам, – кто эти незнакомцы, чья поступь столь горда. Из каких они краёв, как их имена и с какой целью прибыли к нам эти витязи.

Один островитянин промолвил:

– Скажу честно, чужеземцев этих я не знаю, но один из них очень похож на Зигфрида, и я бы посоветовал

проявить к ним радушие. Осанка второго из чужаков столь горда, что мы не ошибёмся, если скажем, что это знатный человек. Посмотрите, как он величествен и неприступен, несомненно, это особа королевских кровей. Третий из них хоть и хорош собой, но явно в гневе и объят злобой. Глядите, какой свирепостью полон его взор! Четвёртый, самый младший из них, тоже очень красив. Пусть он и скромнее девушки, стоит, чинно опустив очи долу, но, думаю, не поздоровится тому, кто дерзнёт вступить с ним в спор. Хоть он учтив и выглядит приветливым, но многих дам заставит он плакать, если затронет кто его честь.

– Несите моё платье, – сказала красавица Брюнхильда. – Если Зигфрид прибыл сюда, чтобы взять меня в жёны, он головой заплатит за своё безрассудство.

Царственная дева оделась и вышла к чужеземцам. Вместе с ней было сто или даже более пышно одетых дам, желавших как можно скорее увидеть гостей. Охраняло Брюнхильду пятьсот исландских бойцов с мечами наголо. Гунтер с опаской пересчитал их, когда приезжие витязи встали, чтобы поприветствовать королеву.

Дева посмотрела на сына Зигмунда и промолвила:

– Приветствую вас в моей стране, Зигфрид. Скажите, зачем вы прибыли в Исландию?

– Вы слишком добры, госпожа. Следуя закону старшинства, вам следует обратиться не ко мне. Мой господин здесь и вам незачем разговаривать с его скромным вассалом. Он покинул отчий край, чтобы переплыть море и назвать Брюнхильду своей супругой. В своём намерении

он столь твёрд, что я бы советовал вам подумать, стоит ли состязаться с ним. Он могучий король и зовут его Гунтер. Сюда привела его любовь к вам. Я здесь лишь потому, что ему угодно было взять меня с собой.

– Что ж, – сказала Брюнхильда, – если вы и вправду всего лишь рядовой вассал, а ваш господин возжаждал моей любви, пусть он победит меня в трёх состязаниях. Если не сможет, вас всех казнят до конца дня.

– Скажите, королева, – молвил Хаген, – в чём будут состоять эти три состязания? Неужели они и вправду настолько трудны, что мой господин откажется от желания получить вас в супруги?

– Он должен бросить камень и потом в прыжке догнать его, а кроме того, победить меня в метании копья. Обдумайте всё хорошенько, не то вас ждёт бесчестье и смерть.

Бесстрашный Зигфрид посоветовал королю:

– Прошу вас не падать духом. Храните спокойствие и будьте храбрее. Обещаю, при помощи хитрости я смогу победить Брюнхильду.

Гунтер ответил королеве:

– Я готов на всё. Пусть бы даже эти состязания были в сто раз труднее, я без колебаний рискну жизнью, госпожа, если смогу такой ценой обрести в вас супругу.

Увидев, что ей не испугать гостя, Брюнхильда приказала начинать состязание. Свита принесла ей изукрашенный панцирь и крепкий щит. Под панцирем девы был надет подлатник – ни один клинок ещё ни разу не прорубил его.

Скроен он был из ливийских шелков и искусно расшит золотом.

Отвага гордой девы ввела гостей в тревогу. Хаген мрачно молчал, Данкварт впал в печаль.

Что будет с их королём? Как помочь Гунтеру? И оба понимали, что назад им пути уже нет.

Тем временем Зигфрид тайком отправился на корабль, что стоял у берега, качаясь под ветром, достал плащ-невидимку, надел и в тот же миг стал незрим для человеческого глаза. Вернувшись в замок, герой увидел, что состязания вот-вот начнутся. Невидимкой прокрался он сквозь толпу и встал рядом с друзьями.

Для игр очертили круг, по границе его железной стеной встали семьсот воинов-островитян, все в звонких панцирях, с остро заточенным оружием.

Брюнхильда вошла в круг. На шёлковом платье её сияла золотая вышивка. Поверх брони на плечах её лежала рубаха, которой позавидовала бы любая женщина – была та рубашка пошита из драгоценных ацгоукских шелков.

Вооружение королевы смотрелось грозно и предназначалось скорее для битвы, нежели для игры. Оруженосцы несли украшенный червонным золотом щит с крепкими стальными застёжками. И хоть щит её, сделанный из золота и стали, толщиной в три пяди, с трудом могли поднять четыре сильных воина, она поигрывала им, будто весил он не более пёрышка. Увидев, сколь тяжёл тот щит, Хаген пришёл в ярость и сказал Гунтеру:

– Мы сгинем тут. Вы, мой король, полюбили настоящую дьяволицу.

Слуги подали деве тяжёлое копьё, которое она кидала без промаха. Древко его было огромно, закалённый наконечник остёр. Немало железа пошло на него – четыре с половиной четверика! Три бойца с трудом несли то копьё, и державный Гунтер в который уж раз пожалел о своём сватовстве. «Как же мне быть? – думал король. – Сам чёрт в аду не защитится от этой девы. И окажись я сейчас каким угодно чудом снова в своей Бургундии, не рискнул бы я докучать ей снова своими чувствами».

Храбрый Данкварт, младший брат Хагена, молвил:

– Как же я раскаиваюсь, что приехал на этот остров! Мы – могучие рыцари, и тем больше будет наш позор, когда женщина велит срубить нам головы. Эх, если бы мы не сдали свои мечи, я не переживал бы столь сильно за наше будущее. Да поклянись я хоть тысячу раз блюсти мир, прежде чем погибнет мой господин, гордая дева тоже расстанется с жизнью.

– Если бы нам вернули клинки, – ответил брату владетель Тронье, – Брюнхильде и её вассалам было бы не с руки так чваниться пред нами.

Дева услышала слова воинов.

– Что ж, если вы и вправду так отважны и суровы нравом, вам вернут ваше оружие и доспехи.

Она отдала приказ, и вот уже мечи принесены. Отважный Данкварт воспрял духом.

– Пусть начинают состязания! – громовым голосом воскликнул он. – Король не побеждён, пока с нами оружие.

Дева обладала поистине безмерной силой. Она велела внести в круг метательный камень, столь тяжёлый, что двенадцать ратников с трудом поднимали его, – обычно она метала его вслед за копьём. Бургунды вновь поняли, в какую беду попали.

– Горе нам! – молвил Хаген. – Ей надо дьявола в мужья, а не человека!

Брюнхильда засучила рукава, на левую руку повесила щит, правой взялась за копьё. Схватка началась, и не сносить бы Гунтеру головы, если б не Зигфрид. Он украдкой тронул его за плечо, от чего Гунтер испугался ещё сильнее прежнего. «Кто коснулся моего плеча?» – подумал доблестный король, оглядываясь и никого не видя.

– Это я, ваш друг Зигфрид, – услышал он шёпот. – Ничего не бойтесь, и мы победим Брюнхильду. Незаметно повесьте мне на локоть свой прочный щит и в точности повторяйте мои движения, остальное я сделаю сам.

Бургундский властелин приободрился, услышав эти слова.

– Никому не говорите о моём обмане, – продолжал Зигфрид, – и вы избежите бесчестья, которое готова обрушить на нас воительница.

Тут дева-воительница метнула копьё. Удара столь сильного Зигфриду не доводилось принимать ни в одной битве. Искры брызнули из стали и столбом взвились вверх. Тол-

чок поверг бы лихих воителей наземь, но плащ-невидимка уберёт их от неминуемой смерти.

У Зигфрида изо рта потоком хлынула кровь. Нидерландец вырвал из щита копьё Брюнхильды, чтобы отплатить сопернице её же оружием. Однако в последний момент им внезапно овладела жалость, он повернул копьё тупым концом и метнул его в исландку с такой силой, что броня её отозвалась долгим протяжным гулом. Снова огнём полыхнули искры, и могучий удар опрокинул деву наземь. Конечно же, виною тому был сын Зигмунда, у Гунтера на подобное не хватило бы сил.

Королева проворно поднялась с сырой земли.

– Благодарю вас, высокородный Гунтер, за достойный ответ!

Она полагала, что именно бургунд бьётся с ней, и не подозревала, что удар нанесён другим, более сильным витязем.

Королева, придя в ярость, подняла над головой неохватный камень, швырнула его вдаль и, звеня кольчугой, прыгнула следом. Целых двенадцать саженьей пролетел валун по воздуху, но воительница прыгнула ещё дальше.

Тогда к камню подошёл Гунтер, сделав вид, что собирается метать его.

Никем не видимый Зигфрид сумел бросить валун дальше, чем девушка, и обогнал его в полёте, хотя прыгал не один, а вместе с королём. Когда необъятный камень упал на землю, там уже стоял Гунтер.

Так сын Зигмунда снова спас бургундского властелина.

Лицо красавицы потемнело от гнева, но, помня своё слово, она признала победу бургунда и объявила своему двору:

– Вассалы мои, моя родня, подойдите! Отныне все вы подданные Гунтера.

Слуги помогли жениху и деве снять доспехи. Исландские бойцы преклонили колени пред Гунтером Бургундским, их новым владыкой. Все пребывали в уверенности, что именно он выиграл состязание.

Гунтер, как подобает витязю, поклонился деве, а Брюнхильда протянула удальцу руку, вручая трон и власть над страной. Затем она попросила бургундов пожаловать с ней во дворец, где каждый нашёл самый радушный приём.

Между тем храбрый Зигфрид продолжал творить свои хитрости. Он укрыл в надёжном месте плащ-невидимку и вернулся в приёмный зал. Там он во всеуслышание обратился к Гунтеру:

– Король, когда же начнутся состязания? Мне, вашему вассалу, хочется поскорее узнать, что ждёт моего господина, венец или плаха?

Окружающие решили, что Зигфрид всё пропустил.

– Скажите, Зигфрид, – молвила королева, – по какой причине вы не присутствовали на играх, в которых ваш повелитель своей рукой добыл победу?

На это Хаген ответил ей:

– Надо признаться, нас столь смутил ваш суровый приём, что в то время, пока вы мерились силой с нашим королём, Зигфрид отправился на берег стеречь наше судно. Вот почему, королева, его не было на играх.

Бесстрашный Зигфрид заявил:

– Признаться, я рад, что доблестный бургундский витязь сумел сломить ваш надменный нрав. Рад, что и на вас нашлась управа среди мужей, и теперь мой господин увезёт вас к себе на Рейн.

– Не торопитесь, – ответила прекрасная Брюнхильда, – этот шаг я прежде должна обсудить со своими вассалами. И покину я родной край не раньше, чем дадут мне на то согласие друзья и родичи.

Королева разослала по стране гонцов, чтобы те созывали витязей на совет. Каждому, кто приедет в королевский замок, был обещан в дар дорогой наряд. День и ночь шли королевские дружины к замку Брюнхильды.

– Тревожно мне! – сказал Хаген. – Пока мы тут сидим, сюда со всех сторон идут вооружённые исландцы. Мы не знаем, что на уме у королевы! Что, если, собрав своих вассалов, она нападёт на нас? Ах, натворит бед эта дева!

На это доблестный Зигфрид ответил:

– Я и на сей раз смогу предотвратить опасность – доставлю сюда таких воинов, каких никто из вас вовек не видывал. Сейчас я втайне от исландцев покину остров. Пусть Создатель хранит вас здесь, а я вскоре приведу сюда десять сотен бойцов несравненной мощи.

– Поторопитесь, – напутствовал его державный Гунтер.

– Я не заставляю себя долго ждать, – заверил его Зигфрид. – Вы же скажите Брюнхильде, что я отбыл с поручением.

ЦЕНТРОПА VIII

О том, как
Зигфрид отправился
за Нибелунгами

Невидимый под плащом-невидимкой витязь добрался до судна. Королевич ступил на борт, взял в руки вёсла, и ладья понеслась от берега. Зигфрид грёб изо всех сил, ладья летела птицей. Исландцы, не видя королевича, думали, что судно гонит ветер. Весь и день и всю ночь, не жалея себя, грёб сын Зигмунда и проплыл сто миль, или даже более. И вот на рассвете увидел он в тумане землю нибелунгов, где в горах хранился его клад.

Он вытащил ладью на берег, поднялся на гору, где стоял замок и, как делает всякий усталый путник, громко постучал в ворота. Вход в замок был надёжно заперт, и нидерландцу пришлось долго ждать, прежде чем на стук и крики гостя откликнулся привратник – исполинского роста, отважный, сильный и злой.

– Кто там шумит у наших ворот? – крикнул великан.

Изменив свой голос до неузнаваемости, Зигфрид ответил:

– Я могучий витязь и советую без лишних расспросов впустить меня! Не то ещё до наступления дня многих в этом замке поднимет из тёплых постелей мой верный меч.

Речь путника была столь дерзкой, что великан пришёл в ярость. Страж взял тяжёлую палицу, надел огромный шлем, прикрылся щитом и, отодвинув засов на воротах, шагнул навстречу незваному гостю. Удары исполина были так могучи, что гул прокатился по всей округе. Щит Зигфрида едва выдерживал натиск великана, и прочные застёжки на нём лопались одна за другой.

Видя, как летает над ним железная палица великана, Зигфрид стал опасаться, что не сможет победить в этом бою, но при этом его радовало то, что замок нибелунгов под охраной такого верного стража. Всё вокруг содрогалось от грохота, криков, лязга. Но как бы ни был силен привратник, гостю удалось повалить его на землю и связать. В пещере, где хранился клад Зигфрида, шум боя слышал грозный Альбрих. Он схватил оружие и отправился наверх.

Карлик был силен и смел. Закованный в прочный панцирь, он размахивал золотым кистенём, и Зигфрид приготовился к новому бою. Кистень с семью шипами был столь тяжёл, что щит витязя разлетелся с первого же удара, и нидерландец почуял дуновение смерти на своём лице. Он отбросил разбитый щит и спрятал меч в ножны. Слуге, который столь ревностно оберегал его клад, королевич не смог бы нанести смертельный удар даже в гневе.

Храбрец сжал Альбриха в железных объятиях и с такой силой рванул за бороду, что тот побледнел и закричал от боли.

– Пощады! – воскликнул карлик. – Клянусь вам, витязь, что если бы я не был вассалом другого господина, которому дал клятву верности, вы нашли бы во мне самого преданного слугу.

Зигмунд связал его, так же как перед тем великана.

– Да кто же вы? – молвил пленник, сдавленный мощными руками рыцаря.

– Разве ты до сих пор не узнал меня? Перед тобою Зигфрид.

– Я рад видеть вас снова, – сказал страж сокровищ. – Вы и на этот раз смогли доказать, что по праву владеете нашим краем. И если вам будет угодно оставить мне жизнь, я готов и далее выполнять ваши приказания.

– Скорее приведи сюда нибелунгов, а я выберу из них самых сильных и храбрых.

Он освободил карлика и исполина от верёвок, и Альбрих поспешил в замок.

– Проснитесь! – принялся будить он нибелунгов. – К нам явился Зигфрид, и он желает вас видеть.

Нибелунги вмиг оделись, нацепили доспехи и вскоре три тысячи воинов предстали перед Зигфридом. Королевич поблагодарил их за рвение, выпил вина, чтобы взбодриться с дороги, и заговорил:

– Храбрецы, вы отправитесь со мной в Исландию.

Каждый хотел следовать за ним, но нидерландец отобрал из трёх тысяч только лишь треть.

– Запомните, – сказал он им, – вы должны предстать перед Брюнхильдой и её знатными дамами в самом богатом платье.

Наутро, когда покрылся багрянцем восток, нибелунги отплыли в Исландию. Зигфрид радовался, глядя на своих бойцов, так пышны были их одежды и резвы кони. Таких воинов не стыдно было показать при любом дворе.

Брюнхильда со своими подругами стояла на стене.

– Кто направляется сюда и чьи это корабли под белыми парусами, точно перелётные гуси, летят к нашему острову? – спросила она.

Гунтер, услышав её вопрос, ответил:

– Я так стремился увидеть вас, и плыл столь быстро, что моя дружина отстала в пути. Но я отправил к ней гонца и теперь она перед вами.

Девушки королевской свиты с жадностью рассматривали гостей.

На первом судне стоял доблестный Зигфрид в прекрасном наряде.

– Король, должна ли я обратиться к вашим вассалам с приветственным словом? – спросила Брюнхильда Гунтера.

– Если вы встретите их возле дворца, они будут польщены оказанным вниманием.

Дева обошлась с гостями ласково и лишь с Зигфридом чуть иначе, нежели с прочими.

Дружинникам отвели жильё, помогли освободиться от доспехов. Гунтер рассудил, что такое множество гостей бу-

дет непросто расселить в замке достойно их положению и предложил невесте поскорее отправиться на Рейн.

– Я буду очень благодарна, – сказала Брюнхильда, – если кто-то поможет мне оделить гостей платьем и золотом.

Данкварт ответил на это:

– Благоволите доверить ключи мне, королева, и я никого не обижу.

Никто не смог бы обвинить брата Хагена в скупости и, едва Брюнхильда распорядилась передать ему ключи, Данкварт принялся бесщётно одаривать гостей. Тот, для кого раньше и марка была богатством, после его даров мог жить в довольстве и изобилии. Золото лилось рекой, и многие получили такие дары, каких и желать не могли.

Щедрость Данкварта ввела Брюнхильду в гнев.

– Король, – обратилась она, – я опасюсь, что ваш вассал расточит моё добро и оставит казну пустой. Я буду очень благодарна, если кто-нибудь умерит его рвение. Он слишком торопится, я ещё жива. А если и захочу умереть, то сама смогу истратить отчее наследство.

– У моего господина в рейнских землях, – ответил ей Хаген, – хватает и золота, и дорогих одежд. Куда больше, чем есть у вас. Вам, госпожа, нет резона что-либо брать с собой.

– Охотно верю, – ответила королева. – Но для того, чтобы могла я в Вормсе достойно одарить воинов моего супруга, мы возьмём с собой два десятка сундуков с казной и платьем.

Из кладовых были извлечены груды драгоценностей, но в ларцы их укладывал уже не Данкварт, а слуги Брюнхильды, что вызвало смех у Хагена и Гунтера.

– Осталось решить, кто станет блюстителем исландского престола в моё отсутствие, – сказала королева.

– Кто вам угоден более других, того и назначьте наместником, – ответил державный Гунтер.

Блюсти престол Брюнхильда определила своего дядю, которому доверяла больше всех.

– Пусть мои люди и моя страна находятся под вашей властью, пока Гунтер не примет их под свою длань.

Две тысячи исландцев да тысяча нибелунгов, взявши коней и оружие, погрузились на корабли. Кроме того, как и положено по сану и чести, вместе с Брюнхильдой за море отправилась свита – сотня придворных девиц и семьдесят шесть дам. Остающиеся на острове друзья и родственники пролили о них немало слёз.

Королева простилась с людьми и отчим краем, расцеловалась с роднёй и дала сигнал к отплытию. Больше ей не довелось повидать отчизну.

В дороге никто не скучал. Одни развлекали себя беседой, другие забавлялись играми. Попутный ветер нёс корабли и гудел в тугих парусах. С радостью в сердце ехали исландцы в чужую страну.

Брюнхильда не хотела до поры ласкать жениха и приберегала нежности до прибытия на Рейн, где в Вормсе ликующий король и повёл её на свадебный пир.

ЦВЕТУРА IX

О том, как
Зигфрид отправился
гонимым в **Вормс**

Уже девять дней плыли по Рейну в сторону Вормса корабли Гунтера и Брюнхильды. На десятое утро, когда заря окрасила небо багровым светом, доблестный Хаген обратился к бургундам:

– Надо бы нам отправить в Вормс известие о нашем приближении.

– Согласен, – сказал в ответ Гунтер, – и гонца лучше вас нам не найти. Отправляйтесь в Бургундию и расскажите землякам, что уже скоро мы будем в столице.

– Нет, – отвечал витязь, – эта роль не для меня. Будет лучше, если я останусь здесь и стану охранять казну, груз и наших милых дам. Пусть Зигфрид отправится гонцом в Вормс. Он легко справится с этой задачей, а если вдруг станет противиться, попросите его сделать это ради Кримхильды, вашей сестры.

За Зигфридом отправили людей.

– Мы приближаемся к столице, – сказал герою Гунтер, – и я прошу вас доставить моей матери и сестре весть

о том, что скоро мы прибудем в Вормс. Мой отважный друг, если вы согласитесь быть вестником, я не забуду этого и отплачу добром за добро.

Зигфрид отказался, но и Гунтер не хотел отступить.

– Вам за услугу буду благодарен не только я, но также и моя красавица-сестра Кримхильда, которой вы, Зигфрид, без сомнения милы.

Услышав эти слова, герой тут же переменял своё решение.

– Я буду счастлив исполнить вашу просьбу, высокородный Гунтер. А что касается вашей сестры, то для неё я готов на всё. Как смогу я отказать той, чьего расположения страшусь потерять более всего на свете?

– Тогда передайте моей матушке, что сватовство окончилось успешно. А братьям и друзьям скажите, что все мы живы и здоровы и скоро прибудем на родину. Красавице-Кримхильде передайте поклон от брата и Брюнхильды. Пусть придворные и вассалы узнают, что добился я в Исландии того, чего хотел. Ортвину, моему племяннику, накажите, чтобы к нашему приезду он разбил на берегу Рейна богатые шатры и отправил гонцов к моей родне. Пусть узнают, что я зову всех на свадьбу. Кримхильду, Зигфрид, особо уведомьте, что я буду благодарен ей до самой смерти, если встретит она мою невесту со всем радушием и лаской.

Зигфрид учтиво поклонился Брюнхильде, простился со свитой королевы и поспешил в Вормс по суше, чтобы прибыть туда раньше королевской флотилии. Вместе с героем

в столицу отправилось две дюжины смельчаков, и никто ещё не видел вестников проворней.

Прибытие гонцов переполошило город. Узнав, что королевич вернулся один, без Гунтера, вормсцы с ужасом решили, что их властелин нашёл за морем свою гибель. Едва нидерландский герой сошёл с коня, навстречу ему из дворца выбежал юный Гизельхер. А Гернот, увидев, что нидерландец прибыл в Вормс без короля, воскликнул:

– Приветствую ваш приезд, смелый Зигфрид! И прежде всего, я хотел бы узнать, где Гунтер? Неужто случилась с ним беда? Неужели не сладил он с Брюнхильдой и вместо свадьбы в Вормсе будут похороны?

– Пусть никто не тревожится, – успокоил его Зигфрид. – Король жив и передаёт вам свой привет. Целым и невредимым возвращается он из чужих краёв, я же отправлен вперёд с добрыми вестями. Помогите мне встретиться с Кримхильдой и Утой. Жених и невеста велели передать им, что всё у них сладилось ко взаимному счастью.

Молодой Гизельхер ответил:

– Так пойдёмте же к ним. Сестра, без сомнения, будет рада вам. Дни и ночи плачет она, переживая о судьбе брата, и ваш приход рассеет её печаль.

– Для прекрасной Кримхильды я готов на всё, – сказал благородный Зигфрид. – Но, боюсь, как бы мой неожиданный визит не перепугал дам.

Гизельхер тут же отправился к сестре и матери, чтобы предупредить их о приходе королевича:

– К нам в Вормс прибыл храбрый Зигфрид, – с весёлым видом сказал он им. – Гунтер отправил его вперёд, чтобы известить о своём скором приезде. Примите его поскорее. Они с моим братом проделали немалый путь по морю, так пусть же нидерландец расскажет нам о путешествии.

Известие это взволновало женщин. Они поспешно оделись и со всей учтивостью приняли в своих покоях высокородного посланца. Зигфрид с волнением и радостью предстал перед Кримхильдой.

– Рада приветствовать вас, Зигфрид, отважнейший из витязей! – радушно молвила ему дева. – Но, прошу, скажите, где наш король Гунтер? Неужели мой доблестный брат не смог сломить сопротивление Брюнхильды? Если он погиб на чужой стороне, не знаю, зачем мне более жить на белом свете.

– Утрите слёзы, прекрасная королева, – сказал доблестный рыцарь. – Принёс я радостные вести и вправе ждать за них положенной гонцам награды. Ваш храбрый брат через меня сообщает, что жив и здоров. Он сам и его красавица-невеста скоро придут сюда и передают поклон.

Никогда Кримхильда не получала вестей отраднее. Белоснежной оборкой платья она вытерла слёзы с ланит и ресниц. Печали и тревоги её мгновенно рассеялись, и за это она была гонцу очень благодарна. Кримхильда велела посланцу сесть на скамью и со всей сердечностью обратилась к нему:

– Мне было бы приятно вознаградить вас золотом, но вы слишком знатны для этого, и я просто навсегда останусь вам признательной.

– Владей я даже тридцатью странами, и тогда бы я принял от вас подарок, – ответил ей Зигфрид.

Щеки красавицы заалели от таких слов.

– Что ж, пусть будет по-вашему.

И приказала принести подарки для гонца: две дюжины широких золотых запястий, украшенных драгоценными камнями. Витязь не взял их, но одарил ими девиц из свиты Кримхильды.

Затем и королева Ута поблагодарила героя за добрые вести.

Зигфрид учтиво выслушал её и промолвил:

– Я должен сказать, что у короля есть к вам просьба, и он будет очень признателен вам, если вы её исполните. Гунтер надеется, что вы окажете почёт его гостям и выйдете встречать их вместе со свитой на берег Рейна.

– Я не огорчу брата отказом и с большой охотой услугу ему, – воскликнула Кримхильда, и её лицо зарделось от радости. – Всё будет исполнено, как он того хочет.

Ни одного посла ещё не принимали радушнее, и, если бы можно было, королевна обняла бы Зигфрида. Когда же герой распростился с ними, бургунды всё сделали в точности так, как велел им через гонца Гунтер.

Синдольт, Хунольт, а также Румольт принялись за дело, спеша к прибытию жениха и невесты успеть с убранством шатров, которые поставили на речном берегу. Ортвин

и Гере разослали к вассалам гонцов с приглашениями прибыть на свадьбу государя. Женщины тем временем, не покладая рук, шили себе наряды.

Стены дворца в честь свадьбы завесили коврами, богато украсили пиршественный зал. Весь Вормс с радостным нетерпением ожидал торжества. Из ларцов извлекались лучшие наряды, и все были рады приезжим.

Внезапно дозорные доставили весть о появлении кораблей Брюнхильды. Все с шумом и гамом отправились на берег. Каждому хотелось посмотреть на прибывающих из-за моря.

Кримхильда сказала своим девицам:

– Те, кто пойдут со мной встречать гостей, пусть оденутся как можно богаче, чтобы приезжим молодцам было за что похвалить нас.

Явилась охрана для сопровождения дам, челядь подала лошадей к крыльцу. Сбруя коней была столь великолепна, что трудно было бы найти краше. Сёдла сияли золотой отделкой, на сбруе рядами светились самоцветные камни, поперсия были из дорогого шёлка – никто из вас, наверное, и не видел таких. Челядь поставила для молодых наездниц золочёные подножки, под которые постелили меха.

Восемьдесят шесть придворных дам сопровождали Кримхильду, и они выступали за ней, соблюдая каждая свой сан и честь. За ними следовали девицы, одна краше другой. Никто из них пока ещё не носил головной повязки*

---

* По средневековым обычаям только незамужние женщины могли появляться на людях с непокрытой головой.

и в русых их волосах ярко горели алые ленты. Дружинники с волнением в сердцах смотрели, как эти пятьдесят четыре красавицы шли встречать Гунтера и его невесту.

Дамы и девы очень хотели понравиться гостям и потому оделись с таким вкусом и изяществом, что лишь слепец мог остаться к ним равнодушным. На оторочку платьев пошли меха горностаев и соболей, шелковые рукава обнимали браслеты... Нет, не под силу мне описать все их уборы и наряды. Гордая краса дев была поистине неотразимой. Цветные пояса обвивались вокруг талий. Под тонким феррандином, привезённым из Аравии, явственно угадывались прелестные гибкие станы. Туго зашнурованные корсажи вздымали груди, а румянец яркостью затмевал наряды. Радостно бились сердца прекрасных дев. Любая королева согласилась бы видеть их в своей свите.

Они сели на коней и в окружении стражей отправились к Рейну. Каждый воин был вооружён щитом и дротиком с ясеневым древком и остриём из калёной стали.

Цвѣтѹга X

О ПРИЁМЕ, ОКАЗАННОМ
БРЮНХИЛЬДЕ
В ВОРМСЕ

Гунтер плыл с гостями по реке в Вормс, а навстречу им по склону ехали чередой дамы и лошадь каждой вёл под уздцы лихой боец. Гости гребли усердно, и ладьи, будто чайки, летели по волнам Рейна. С каждым взмахом вёсел приближался берег, где стояли бургунды, с нетерпением ожидающие своего короля.

Теперь я расскажу вам о том, как Ута вместе со свитой отправилась встречать своего царственного сына.

Впереди шёл маркграф Гере, он вёл в поводу коня Кримхильды. Но у дворцовых ворот к королевне подошёл Зигфрид и далее всю дорогу только он один прислуживал красавице, за что она его вскоре вознаградила. Ортвин вёл скакуна почтенной Уты. За ними парами шествовали девицы и витязи, и я скажу вам по чести, что вовек никто не видел столько храбрых бойцов и прекрасных дев разом. В течение всего пути герои старались развлечь Кримхильду то стремительной скачкой, то воинскими забавами.

И так продолжалось до самого берега, где учтивые витязи сняли дам с сёдел.

Но вот королевские ладьи причалили, родня ринулась к Гунтеру и, приветствуя, устроила потешный бой. Ломались копья, щиты с грохотом бились друг о друга.

Ликующий Гунтер помог Брюнхильде спуститься с челна и повёл к встречающим их дамам. Красавица Кримхильда с приветливой улыбкой подошла к королевской невесте, и девушки, сдвинув венки с чела, с большой учтивостью расцеловались друг с другом.

– Я, равно как и моя матушка Ута, а также свита, – сказала королева, – безмерно рада видеть ту, чьей красоте дивится весь белый свет.

Брюнхильда в ответ на эти речи почтительно поклонилась.

Девы обнялись вновь и ещё крепче, чем в первый раз. Едва ли доводилось видеть вам встречу более тёплую!

Меж тем у воды сошлось немало храбрецов-бургундов. Они помогли исландкам сойти с ладей на берег и, бережно держа за руки, проводили девушек к их госпоже. Немало знакомств завязалось в тот день, немало приветных поцелуев было отдано, пока бойцы вели приезжих дев по берегу.

Бургундский двор не мог налюбоваться на красоту юных королев. Кто знал их лишь по чужим словам, убедился, что восторженные рассказы не лгали. Две красавицы восхищали взгляды и без труда затмевали всех соперниц.

Те из молодцов, кто считал себя знатоком женской красоты, восхвалял точёные черты лица Брюнхильды, а те,

что были постарше да помудрее, отдавали предпочтение Кримхильде.

Берег, сбегавший к Рейну, сплошь заполнился прекрасными девами и жёнами, а в поле, что располагалось меж Вормсом и рекой, всюду виднелись лёгкие шёлковые шатры. Избегая зноя, три королевы, сопровождаемые свитой, направились к тем нарядным шатрам, а придворные рассеивали густую толпу на их пути.

Небо над полем меж тем потемнело от поднятой чёрной пыли. То храбрецы – и гости, и бургунды, – вскочив на лошадей, затеяли бой на копьях. Множество дев с восхищением наблюдало за ними. И как ни много сошлось там удальцов, никто не мог превзойти Зигфрида, когда с гордой осанкой проносился он перед шатрами в сопровождении десяти сотен нибелунгов.

Однако дабы не запылить одежды женщин, король распорядился прекратить ратные игрища. Хаген, владелец Тронье, приказал удальцам остановиться, и никто из лихих воинов не посмел возражать ему.

– Не уводите коней! – приказал Гернот. – Когда наступит вечер и похолодает, мы отправимся провожать дам до дворцовых ворот.

Изрядно уставшие от боевых забав герои отправились в шатры к дамам и там так увлеклись приятными разговорами, что не заметили, как настал вечер. От реки повеяло прохладой, королевы решили ехать во дворец. Бойцы отправились сопровождать дам. На протяжении всего пути они не могли отвести глаз от прекрасных спутниц, но всё

же, как положено по обычаю, то и дело развлекали их воинскими играми. Когда же процессия подъехала ко дворцу, витязи, соблюдая долг и честь, помогли красавицам спуститься с высоких сёдел на землю.

Здесь королевы простились друг с другом. Царственная Ута и её красавица-дочка, храня верность приличиям, отправились в свои покои, Брюнхильда же осталась с гостями.

А во дворце тем временем начался честной пир. Ах, какое веселие и шум царили там! Встречали гостей Гунтер и его прекрасная жена – на челе у Брюнхильды ослепительно сверкала в вечернем полумраке бургундская корона. Бессчётные ряды крепких столов ломились от еды. И пусть гостей приехало столько, что и не сосчитать, всем вдоволь хватило и вин, и мёда, и пива.

Если будут уверять вас, что бывали на свете свадьбы богаче, не верьте пустым словам. На пиршестве у Гунтера даже воду для мытья рук подавали в тазах из чистого золота!

Однако прежде, чем рейнский властитель успел вымыть руки, к нему приблизился Зигфрид и напомнил о клятве, которую Гунтер произнёс перед отплытием в Исландию.

– Король, вы дали слово, что в день, когда вернётесь сюда вместе с Брюнхильдой, я получу в жёны красавицу Кримхильду. Или я недостаточно потрудился для вас?

– Ваша правда, – отвечал Гунтер. – Вовек не нарушу я данного мною обета и, конечно же, помогу вам, Зигфрид.

Он тотчас отрядил вассала, чтобы тот привёл сестру.

Когда Кримхильда со свитой шла к залу, навстречу ей по лестнице, спеша, спустился Гизельхер.

– Отошлите свиту обратно, – попросил он её. – Государь хочет видеть только вас одну.

Красавица вошла в зал, где за широким столом вместе со своей супругой Брюнхильдой и толпой чужеземных гостей сидел Гунтер.

– Сестра, – обратился бургундский правитель, – помоги мне исполнить обет. Я просватал тебя за одного славного витязя. Не огорчай нас отказом и выйди за него замуж.

– Я никогда и ни в чём не откажу брату, – сказала Кримхильда. – Моя обязанность – быть вам покорной, и я, конечно же, выйду за того, кого назначили вы мне в супруги.

Под взглядом девы щёки Зигфрида запылали огнём, и он промолвил, что будет счастлив стать её вечным слугою.

Затем они встали рядом, и король снова спросил Кримхильду, готова ли она отдать свою любовь Зигфриду. И хотя, объятая стыдом, долго не могла дева дать ответ, но к радости королевича, в конце концов еле слышно произнесла «да» и в тот же миг была наречена супругой Зигфрида*. Когда ими обоими были принесены друг другу клятвы верности,

---

* Во времена раннего средневековья брак считался заключённым после того, как жених и невеста при свидетелях взаимные обеты. Проведение обряда венчания в церкви не считалось обязательным и могло состояться после заключения брака.

витязь заключил королеву в объятия, и та при всём дворе дала ему свой поцелуй. Круг гостей, стоявших рядом с молодыми, расступился, и нибелунги с почётом отвели Зигфрида к столу, где ко всеобщему удовольствию усадили напротив Гунтера.

Надменная Брюнхильда посмотрела на сидящую рядом с Зигфридом золовку и почувствовала стыд. Слёзы, одна больше другой, потекли по её побледневшим щекам.

– Что так расстроило вас? – спросил супругу Гунтер. – Что омрачило ваши ясные глаза? Вы приобрели столько новых подданных, замков и земель, что вам стоило бы радоваться, а не плакать.

– Как я могу радоваться? – отвечала Брюнхильда. – Решив выдать свою сестру за холопа, мой муж нанёс ей тяжкую обиду. Как, видя подобное, могу я сдерживать слёзы?

Гунтер ответил ей:

– Позднее я расскажу, зачем нужно было поскорее заключить этот брак. Не думайте об этом. Пусть они проживут свой век в счастье и согласии.

– Но мне так жаль Кримхильду. Не будь я в чужой стране и в вашей власти, я бы и на шаг не подпустила вас к брачному ложу, пока вы не ответили мне, что за нужда была в этом браке.

– Знайте, что высокородный Зигфрид, так же, как и я, король большой страны, богатой землёю и замками. Вот почему выбрал я его в супруги сестре.

Брюнхильду, однако же, речь короля не утешила.

Гости тем временем встали из-за столов и вышли во двор, где снова затеяли ратные игры, от которых задрожали стены дворца.

Гунтеру очень хотелось, чтобы воинские забавы поскорее окончились, и тогда он смог бы возлечь со своей молодой женой. Всё пламеннее становились взгляды, что бросал он на неё, одна мечта занимала короля – поскорее предаться любовным усладам.

Но вот настало время молодожёнам отправиться в опочивальни, бойцов попросили прервать воинские забавы.

Две королевы спускались по лестнице рука об руку – тогда сердца их ещё были полны взаимной приязни и не горели жаждой мести.

Вслед за молодыми отправились и их свиты, а постельничьи факелами освещали всем дорогу. Немало знатных вассалов следовало за Гунтером, но и за Зигфридом их шло не меньше.

Молодожёны скрылись в своих покоях. Сердца новобрачных радостно бились, предвкушая любовный бой. Казалось, обоим им суждена победа, и уж Зигфрид-то, будьте уверены, в полной мере наслаждался своею.

Когда королевич разделил ложе с Кримхильдой, и дева утолила его страсть, он полюбил супругу больше жизни, и сделалась она ему милее, чем все женщины, какие есть на свете.

Но довольно об их утехах. Теперь рассказ пойдёт о том, что произошло в ту ночь меж бургундским владыкой и его красавицей женой. И уж лучше бы ему возлечь с другой

женщиной, а не с нею. Супруги вошли в опочивальню, свита оставила их. Закрылась на запор дверь, и Гунтер уже мнил, что близок час его торжества. Но увы! Нескоро сумел он вкусить радостей брачного ложа. Дева, одетая в белоснежную сорочку, легла на постель, и витязь думал, что добился того, к чему так страстно стремился – красота Брюнхильды теперь ещё сильнее пленила его.

Гунтер потушил огонь, что горел в спальне, и лёг рядом с супругой. Изнывая от страсти и дрожа от близости счастливого момента, он пылко сжал в объятиях дивный стан девицы. И король, несомненно, испил бы до дна чашу наслаждения, но только его супруга, внезапно расвирепев, оттолкнула мужа. Вот так Гунтер встретил ненависть и гнев там, где надеялся встретить любовь.

– Благородный рыцарь! – сказала ему красавица. – Я знаю, чего вы жаждете, но тому не бывать, пока я не узнаю всё, что мне знать угодно. А до тех пор я намерена и дальше сохранять девство.

Король захотел взять жену силой и со зла измял на ней сорочку, но дева развязала свой прочный пояс и скрутила им супруга – так она отомстила ему за размолвку. Как ни сопротивлялся униженный муж, жена, чтобы он не смел тревожить её сон, подвесила его, словно мешок, на торчащий из стены крюк. Лишь чудо спасло его в ту ночь от смерти и ран.

– Развяжите тугие путы, – дрожа, умолял он могучую супругу. – Я вижу, мне не победить вас, и больше не буду докучать любовными делами.

Однако его мольбы не тронули Брюнхильду. Всю ночь, пока заря не осветила опочивальню, она безмятежно спала, а Гунтер висел на крюку.

Утром Брюнхильда спросила у выбившегося из сил супруга:

– Скажите, господин Гунтер, что будет, если я дам войти сюда вашим слугам и они увидят, что я вас связала?

– Честь моя погибнет, – ответил король. – Только срам этот падёт и на вас тоже, поэтому всем будет лучше, если вы позволите мне лечь рядом с вами. Но коль так противна вам любовь законного супруга, я даже пальцем не трону вашей одежды.

Брюнхильда развязала пояс, связывавший короля, и позволила возлечь на ложе. Гунтер, повинувшись жене, лёг столь далеко от неё, что не смог бы дотянуться даже до края её одежд.

Тем временем явились слуги, чтобы разбудить молодожёнов. Весь двор радовался и ликовал, и только новобрачный пребывал в тоске и грусти.

Как и положено по обычаям Бургундии, король вместе с супругой отправились в храм. Пришли туда же и Зигфрид с Кримхильдой. Собор был полон, да и вокруг него собралось множество людей. С большим почётом, как и подобает особам королевской крови, обе пары торжественно прошествовали к венцу. Все вокруг радовались от того, что союз молодых теперь будет скреплён и у святого алтаря.

В честь праздника шестьсот юных бургундских воинов были возведены в рыцарское достоинство. Город ликовал,

и вскоре новоявленные рыцари затеяли меж собой воинские игрища. С треском ломались крепкие копья, стальные щиты сверкали на солнце. И только Гунтеру хотелось уединиться, вид всеобщего восторга был ему невыносим.

Как ни старался король не подавать вида, зять, хоть его и переполняло счастье, заметил печаль Гунтера.

– Если вас не обидит мой вопрос, позвольте узнать, как прошла для вас эта ночь? – спросил Зигфрид у шурина.

– О, то был такой срам, что стыдно и вспоминать, – ответил хозяин гостю. – Похоже, что женился я не на деве, а на дьяволице. Я к ней с лаской и нежностью, а она связала меня и подвесила, словно мешок, на вбитый в стену крюк. И пока я мучился там, она преспокойно почивала и сняла меня лишь под утро. Но, молю вас, храните мой позор в самой глубокой тайне.

– Мне горько слышать это, – сказал гость. – Но я готов вам помочь и, если вы позволите мне, сегодня же ночью готов лечь с вашей женой, чтобы вы больше не видели от неё ни в чём отказа.

Эти слова смягчили печаль бургундского властелина.

– Не тревожьтесь более, – прибавил Зигфрид. – И хоть был я этой ночью безмерно счастлив и люблю вашу сестру больше жизни, я одолею Брюнхильду и заставлю стать вам женой. Когда придёт пора отправляться почивать, я укроюсь ото всех под плащом-невидимкой и вслед за вами прокрадусь в спальню. После этого вы прикажете постельничим уйти. Когда дуновение ветра погасит свечи

в руках пажей, знайте, это я явился научить вашу жену покорности. И если не погибну в схватке с воительницей, заставлю спесивую гордячку подчиниться мужу.

– Об одном прошу, – сказал король, – не лишайте её девства. В остальном же – делайте что хотите. И даже если умрёт она от вашей руки, я вовек не упрекну вас за это.

– Ручаюсь, – пообещал герой, – что у меня нет намерения лишать вашу жену девства. Моя Кримхильда мне милее всех дев и жён на свете.

Гунтер поверил слову Зигфрида.

Весь день продолжался в Вормсе рыцарский турнир, и прервался он лишь к вечеру, когда опять настало время вести прекрасных дам на пир. Всадникам было велено разъехаться по домам. Едва рыцари освободили подступы к дворцу, появились обе королевы. Каждую сопровождал епископ, а следом за ними выступали витязи.

Гунтер, поверив, что Зигфрид сумеет привести Брюнхильду в покорность, весь вечер был весел и счастлив. И так не терпелось ему разделить с женой ложе, что день показался королю длиннее, чем тридцать других.

С трудом он смог дождаться окончания пира. Но вот две королевы вместе со свитами, а с ними и гости, отправились, чтобы подкрепить свои силы сном. Доблестный Зигфрид сидел рядом с Кримхильдой и не мог налюбоваться на неё. Она с любовью сжимала его руку и вдруг увидела, мужа нет рядом с нею – пропал, словно канул в воду.

– Где мой супруг? – в недоумении спросила жена Зигфрида. – Кто вырвал его руку из рук моей?

А Зигфрид в это время уже прокрался невидимкой в спальню Брюнхильды. Он задул свечи в руках пажей, и Гунтер понял – нидерландец здесь. Король сделал всё, как учил его Зигфрид, он велел свите тотчас же покинуть опочивальню, собственноручно закрыл на двойной засов дверь в опустевший супружеский покой и погасил светильник возле ложа. Нидерландец лёг с Брюнхильдой, и, как и было договорено, стал склонять деву к любовной игре, чем король был одновременно и обрадован, и огорчён.

– Вы опять взялись за своё? – воскликнула Брюнхильда ещё до того, как гость успел коснуться её. – Гунтер, если вы не оставите своих попыток, мне придётся снова связать вас.

Да, много мук принял Зигфрид с ней в ту ночь.

Из осторожности герой упорно молчал, но Гунтер ясно слышал (увидеть что-либо не позволяла тьма), что зять не посягает на честь его супруги и заняты они совсем не ласками и поцелуями.

Брюнхильда и вправду приняла Зигфрида за мужа. Едва тот с силой стиснул её в объятиях, как она, толкнув, сбросила его с кровати, и он с размаху ударился виском о скамью. Удалец быстро вскочил и снова ринулся на ложе, чтобы обрести любовь Брюнхильды. И опять встретил отпор столь могучий, какой вряд ли встречал кто-либо из мужчин. Увидев, что падение не заставило мужа отказаться от своих намерений, дева вскочила с постели и закричала:

– Вы снова дерзнули мять мою сорочку? Что ж, грубиян, я преподам вам ещё один урок!

Прекрасная дева схватила храброго воина, намереваясь скрутить, как в прошлую ночь Гунтера, чтобы не смел он более тревожить её своими ласками.

Нидерландец был силён, но всё же не сильнее Брюнхильды, и вскоре ему пришлось убедиться, что шутки с ней плохи. Как ни сопротивлялся Зигфрид могучей девице, она смогла зажать его между стеной и шкафом. «Увы! – подумал витязь. – Беда всем мужьям, если одолеет меня дева: как только весть об этом разойдётся по свету, навсегда забудут жёны о почтении к мужчинам».

Король тем временем весь обратился в слух и дрожал от страха за друга.

Зигфрид устыдился своей слабости, боевой дух немедля возродился в нём. Преисполнившись ярости, он собрал все силы воедино и решил любой ценой одолеть королеву.

Король, вглядываясь во тьму, ждал исхода схватки. А Брюнхильда меж тем сжала руки витязя столь сильно, что у того кровь брызнула из-под ногтей. Но, превозмогая боль, нидерландец всё же укротил Брюнхильду. Герой не произнёс ни слова, но король услышал, как он со всего размаха бросил воительницу на ложе и сжал так, что дева издала протяжный стон. Тут воительнице пришлось смириться и обуздать свою гордыню.

– Король, сохраните мне жизнь, прошу вас, – принялась молить дева. – Отныне я буду вам покорна и больше

не стану перечить воле мужа. Вы доказали мне, что способны смирить жену.

Гость отошёл от ложа, как если бы хотел снять с себя одежду, прежде чем возлечь с девой. Но, удаляясь, он успел тайком снять с Брюнхильды пояс и золотой перстень, которые унёс с собой.

Потом, бог весть для чего – наверное, беспечность виной тому – он отдал их Кримхильде. Той, из-за кого в свой срок принял смерть.

Меж тем ликующий Гунтер возлэг с прекрасной Брюнхильдой и, как велит супружеский долг, дарил ей ласки и нежность, а она, смилив свой гнев и стыд, покорно принимала их.

Так на ложе удовольствий, бледная и утомлённая, лишилась она прежней мощи и стала равной по силе любой из жён*. Гунтер не уставал восхищаться её красотой и больше не слышал от супруги ни в чём отказа. Что пользы спорить, если супруг умеет привести жену в покорность? Всю ночь, пока рассвет не озарил стены королевского дворца, Брюнхильда провела в объятиях Гунтера.

Зигфрид тем временем бесшумно и незримо выскользнул из опочивальни и поспешил к своей супруге. Он ничего не ответил на её расспросы, а перстень с поясом отдал Кримхильде лишь после возвращения в Нидерланды. Так решалась его судьба, хоть он и не знал об этом.

---

* Данный мотив встречается в преданиях многих народов мира: лишившись невинности, дева-воительница одновременно утрачивает былую богатырскую силу.

Совсем иным было пробуждение Гунтера в тот день, и другим человеком, весёлым и бодрым, вышел он к съехавшимся в Вормс гостям.

Целых две недели длился честной пир. Всем старались угодить бургунды – веселье не стихало ни днём, ни ночью, гости развлекались, как им было угодно – благородный хозяин не пожалел казны на их забавы.

Гунтер велел родне одарить приезжих богатыми дарами – одеждой, конями, червонным золотом и звонким серебром – так, чтобы каждый был доволен королевской щедростью. Зигфрид и его дружина тоже не отставали: раздали всё имущество, с каким приехали на Рейн – наряды, упряжь, лихих коней. Что и говорить, умели достойно жить в те времена! Подарков было столько, что гостям уже не терпелось разъехаться по домам.

Так в свой срок и закончились свадебные празднества в Вормсе.

ЦВЕТУРА XI

О том, как Зисфрид
с Крилхильдой
отправились
в Нидерланды

Когда гости простились с Гунтером, Зигфрид сказал своим дружинникам:

– Пора и нам возвращаться на родину.
– Скоро ли мы отправимся в путь? – спросила Кримхильда мужа. – Хорошо бы нам немного повременить с отъездом. Пусть прежде братья выделяют мне мой удел.

Гордый сын Зигмунда не внял словам жены, ведь три короля заверили его:

– Зигфрид, наш любимый зять, даём слово, что готовы до самой смерти помогать вам в любых делах.

Королевич поклонился в ответ на эти слова.

– Мы охотно отдадим Кримхильде часть замков, земель и стран, что принадлежат нам, – добавил юный Гизельхер. – И пусть моя сестра вместе с супругом владеет ими.

Нидерландец увидел, насколько он дорог своим шуринам, и дружески отвечал бургундам:

– Да хранит Господь вас и ваших людей. Но Кримхильда не возьмёт доли, что вы так щедро ей выделили. Уж если выпало моей супруге сидеть со мной на нидерландском престоле, у нас будет довольно и земли, и замков.

– Пусть у вас и нет нужды в землях, – возразила Кримхильда, – но отвергать бургундских бойцов не стоит. Любой господин будет рад иметь столь храбрых вассалов, и я хотела бы разделить их с братьями.

– Возьми любых из тридцати сотен, что есть у нас, – ответил Гернот. – Мы охотно отдадим тебе треть.

Юная королева послала за Хагеном из Тронье: угодно ли ему вместе с роднёю перейти к ней на службу?

Но Хаген, услышав эти речи, пришёл в гнев:

– Гунтер не вправе передавать нас кому бы то ни было! Пускай другие едут с вами в чужие края, а мы, бойцы из Тронье, соблюдаем свой вассальный долг. Испокон веков состояли мы при бургундских королях, и наше место здесь, а не на чужбине.

После этих слов Кримхильда зареклась звать с собой Хагена и принялась собираться в дальний путь. С ней вместе поехали тридцать две девицы да пятьсот храбрых бойцов. Сопровождать сестру своих владык отправился маркграф Эккеварт.

Гунтер вместе с придворными проводил Зигфрида с женой, а также их вассалов, оруженосцев и девиц. И те, расцеловавшись с друзьями и родичами, простились с Бургундией.

Отправившиеся вперёд Зигфрида и Кримхильды вельможи каждый вечер приготавливали кров для молодожёнов и их свиты. Зигфрид тем временем послал гонцов в Ксантен к Зигмунду, чтобы те известили отца о возвращении его доблестного сына и сообщили, что прибудет он не один, а с прекрасной дочерью Уты – Кримхильдой.

Эти вести несказанно обрадовали старого короля.

– Слава Богу! – воскликнул он. – Я увижу тот день, когда мой отважный сын примет мою корону, а разделившая с ним трон супруга удвоит своей красой блеск его венца.

Обрадованная Зиглинда, проявляя королевскую щедрость, одарила гонцов алым бархатом, золотом и серебром, а придворных дам оделила пышными одеждами. Королева была согласна с Зигмундом: после свадьбы их сыну надлежит принять корону и сесть на отчий трон. Для этого торжества Зиглинда велела убрать тронный зал, а Зигмунд дал придворным указание устроить Зигфриду достойную встречу.

Вряд ли принимали в Ксантене кого-то сердечнее, чем Зигфрида и его молодую супругу. Зиглинда вместе с дамами и дружинниками выдвинулась навстречу королевице – очень хотелось матери обнять сына с невесткой, и потому ехала она весь день до самого заката. Лишь к ночи повстречала она молодожёнов и повернула вместе с ними обратно в столицу.

Счастливые Зигмунд с Зиглиндой забыли свою грусть, расцеловали невестку и долго не выпускали сына из объятий. Не обошли радушием и сыновнюю дружину.

Затем повелитель Нидерландов пригласил гостей пройти в приёмный зал на пир, где уже стояли накрытые столы.

Щедры были рейнские владыки, но Зигмунд оказался ещё щедрее. Во всём свете не сыщешь столько дорогой одежды, сколько раздала гостям Зиглинда. Вовек не было хозяйки тороватее – все, и гости, и свита, сидели в дорогих златоцветных нарядах, всюду сверкали драгоценные камни.

А Зигмунд, обратившись к нидерландцам, сказал им такие слова:

– Пусть узнают все Нидерланды, все мои родственники и вассалы, что отныне Зигфрид будет править вместо меня.

И слова эти пришлись по сердцу всем его подданным.

Так Зигфрид получил корону и престол. В своих владениях он стал верховным судьёй, и судить старался так, чтобы всякий неправый страшился его возмездия.

На десятый год правления героя Кримхильда родила ему сына. В столице и по всей стране началось большое ликование. В честь дяди ребёнка нарекли Гунтером, и в том была своя цель. Родители хотели, чтобы младенец рос смелым и славным, под стать бургундскому королю, и воспитывать его стали с особым вниманием.

Госпожа Зиглинда недолго прожила рядом с внуком. Всеми оплаканная, отошла она в мир иной, и теперь дочь достойной Уты приняла на себя бремя её власти.

Но не только в Ксантене появился наследник трона. Красавица Брюнхильда в Вормсе тоже родила мальчика,

и король бургундский в честь зятя назвал его Зигфридом. Юный принц рос достойным своих предков-королей. Чтобы он стал разумным мужем и отважным воином, Гунтер приставил к нему лучших наставников.

Много горя впоследствии пришлось принять ему, многих славных родичей он лишился!

ЦВЕТУРА XII

О том, как **СУНТЕР**
пригласил **Зигфрида**
и **Крихильду**
на пир

Живя в Бургундии, Брюнхильда то и дело спрашивала себя: отчего Кримхильда ведёт себя так гордо и спесиво? Ведь её муж Зигфрид и поныне вассал бургундов, хоть и давно не являлся на службу.

Душа её была глубоко уязвлена, и не раз эти мысли не давали ей уснуть. Всё сильнее хотела она узнать, почему Зигфрид пренебрегает службой и столько лет уже не был в Вормсе. Однажды она, словно бы невзначай, осведомилась у мужа, можно ли ей будет снова повидаться с золовкой. И хотя вопрос выглядел вполне невинно, король ответил на него с неохотой:

– К чему говорить об этом? – сказал державный Гунтер. – Путь от Ксантена до Вормса слишком далёк, чтобы я имел право звать сюда Кримхильду.

Брюнхильда надменно ответила ему:

– Сколь бы ни был подданный высокороден и увенчан славой, воля государя закон для него.

На это король лишь усмехнулся. Кому как ни ему было знать, что Зигфрид отнюдь не вассал ему, а он ему не государь.

Королева принялась лукаво умолять Гунтера:

– Мой дорогой муж, сделай так, чтобы Зигфрид вместе с супругой приехал в Вормс. Я так давно не видела Кримхильду! До сих пор с большой теплотой вспоминаю я, как мы с нею, красавицей лицом и душой, сидели вдвоём перед моей свадьбой. И часто думаю я, сколь достойной супругой стала Зигфриду твоя сестра!

Брюнхильда просила горячо, и Гунтеру пришлось уступить.

– Я и сам буду рад повидать их. Не трать больше слов, я даю своё согласие и отправлю тридцать своих ленников, чтобы позвать Зигфрида и Кримхильду к нам, на Рейн.

Затем он призвал к себе вассалов и снабдил их всем необходимым для дальнего пути. Брюнхильда же припасла для каждого из послов богатые одежды.

– Запомните, удальцы, – сказал гонцам нидерландский владыка, – когда моя сестра и зять примут вас, передайте, что вормсская родня безмерно любит их и просит к солнцевороту пожаловать в Вормс. Если они согласятся, то несказанно обрадуют нас, мы же обязуемся оказать им здесь приём, какого они заслуживают. А сестре моей скажите, чтобы непременно приезжала вместе с мужем. Когда увидите Зигмунда, заверьте, что на Рейне его помнят, уважают и шлют поклон.

Брюнхильда, королева Ута и придворные дамы наказали передать немало приветов тем, кто отбыл когда-то в Нидерланды вместе с Кримхильдой.

Гонцы не стали мешкать, проворно сели на добрых скакунов и вместе с надёжной охраной, приставленной королём, отправились в дорогу. Путь им предстоял весьма неблизкий.

Не щадя скакунов, мчались послы, но увидели Зигфрида лишь через двадцать дней. Герой в то время находился в замке нибелунгов, что стоял на скалах в Норвежской марке.

Рано утром короля и его супругу известили о прибытии витязей из чужой страны. Кримхильда, узнав, что все храбрецы одеты в бургундское платье, спрыгнула с ложа и велела одной из дам выглянуть в окно. Та, посмотрев, сказала, что гости уже спешились и один из них – маркграф Гере.

– Мой друг! – вскричала королева, оборотясь к супругу. – К нам прибыли гости из моей родной Бургундии. Я вижу, во дворе стоит Гере. Верно, мой милый брат прислал его сюда вместе с друзьями.

– Для таких гостей наши двери всегда открыты, – ответил Зигфрид.

Все обитатели замка вышли встречать гостей из Вормса – каждый считал за честь выказать им радушие. Обрадовался и почтенный Зигмунд, когда доложили ему о приезде бургундов. Как ни был стар король, но свой гостеприимный нрав с годами он не утратил.

Гостей отвели в покои для отдыха, слуги позаботились об их лошадях. Затем гости проществовали в приёмный зал, где восседал на троне Зигфрид, а подле сидела его супруга. Король и королева учтиво встали, приветствуя Гере и бойцов, отправившихся в посольство. Король предложил маркграфу сесть, но тот отказался.

– Хоть дорога и была утомительной, но позвольте нам всё же стоять в вашем присутствии, пока мы, как и надлежит гонцам, не поведем, с каким поручением прислали нас сюда. Прежде всего, позвольте передать привет от Гунтера, Брюнхильды, почтенной Уты, её сынов – Гизельхера и Гернота, а также прочих родных и друзей.

– Да Бог воздаст моим шуринам, – ответил Зигфрид. – Пусть знают, что я нежно люблю их и помню их верность. Моя супруга также присоединяется к моим словам. Теперь расскажите, здоровы ли мои друзья? В счастье ли живут? Давно я не видел их. Быть может, кто-то за это время дерзнул посягнуть на их честь? Если так, я, как в былые дни, приду на помощь, и недругу придётся поплатиться за злой умысел.

Храбрый Гере сказал на это:

– Всё хорошо у моих владык, живут без печали и бед. Они, государь, приглашают вас на весёлый пир. Зигфрида в Вормсе по-прежнему глубоко уважают и чтут и просят, чтобы вы вместе с супругой, как только пройдёт зима с её снегами, прибыли к ним. Ждать вас будут ко дню солнцеворота.

– Вряд ли смогу я увидеть бургундскую родню, – ответил ему король.

Посол принялся уговаривать его.

– Ута, мать вашей супруги, просила не огорчать её отказом. А с нею и Гизельхер, и Гернот. Очень уж хотят они обнять свою дочь и сестру, а с нею вместе и зятя!

Геру приходился Кримхильде родственником, и приятны ей были слова посланника. Она усадила маркграфа и его спутников, налила всем вина. Тут и старый Зигмунд пожаловал в приёмный зал.

– Привет вам, Гунтеровы люди! – обратился он к ним. – Отчего вы не появлялись здесь целых десять лет – с тех самых пор, как сын мой Зигмунд взял в супружницы Кримхильду? Не дело родственникам так пренебрегать друг другом.

Тут гостей пригласили к столу, и пошёл такой весёлый пир, что всю усталость гонцов как рукой сняло. Не обидели их король и его жена ни питьём, ни яствами. Девять дней веселился Зигфрид вместе с посольством, пока не намекнули бургунды, что пора им ехать обратно. Тогда король собрался со своими друзьями и спросил у них совета:

– Мой шурина Гунтер зовёт меня на пир. Я и сам хочу повидать свояка, да больно далек путь до Вормса. Шурья зовут также и мою супругу, но, боюсь, дорога утомит её. И вот не знаю я, ехать мне или нет, хотя для родственников готов на многое.

– Если есть у вас охота повидать родичей, езжайте, в добрый час, – ответили ему вассалы. – Но чтобы с честью приняли вас на Рейне, возьмите с собой тысячу бойцов.

– Да будет так, – сказал король.

Здесь почтенный Зигмунд взял слово:

– Сын мой, раз ты решился ехать, я буду рад присоединиться к тебе да ещё возьму с собой сотню своих удальцов.

– Любезный мой отец, лучшей компании я и желать не могу, – ответил Зигфрид. – Мы выступаем через двенадцать дней.

И чтобы спутники его выглядели, как подобает друзьям короля, герой дал им богатую одежду и добрых коней.

Послам объявили, что Зигфрид прибудет к друзьям на пир к назначенному сроку, и бургунды покинули дворец. Как говорят предания, король и королева столь щедро одарили гостей, что кони их не могли их поднять подобную тяжесть, и посланникам пришлось взять с собой на Рейн вьючных лошадей.

Зигфрид и Зигмунд совместно одели своих бойцов, а Эккеварт позаботился о дамах. Лучшие платья были привезены для них со всех концов Нидерландов.

Щиты, сёдла, одежды, всё было подготовлено – Зигфрид вёз на Рейн пышную свиту.

Гонцы меж тем мчались знакомой дорогой и через три недели прибыли в Вормс. Весь двор вышел встречать посланников и каждый, стар и млад, начали приставать к Гере с расспросами, но он, как и подобает витязю, ответил:

– Прежде мне надлежит поговорить с Гунтером, а потом он сам расскажет вам, что сочтёт нужным.

И с тем прошёл в зал, где гонцов ожидали король и его родичи.

Гунтер, приветствуя, поднялся навстречу послам, а королева сказала им:

– Я признательна вам за старание и службу.

Потом король задал вопрос:

– Маркграф, какой приём оказал вам мой зять, которого я так люблю?

– Узнав, что я привёз ему с супругой вести из Бургундии, он зарделся от радости, – отвечал Гере. – Владыки Нидерландов шлют вам самый искренний привет и дружеский поклон.

– Скажи, как там Кримхильда? Всё так же мила и учтива? – спросила Брюнхильда. – И верно ли, что она вместе с мужем пожелует к нам в гости?

– В том нет никаких сомнений, – ответил храбрый маркграф.

Ута тоже захотела видеть посла, чтобы расспросить его о здоровье дочки. Известие о том, что скоро она обнимет Кримхильду, наполнило её большой радостью. Посланцы рассказали, как щедро одарил их Зигфрид казною и платьем – подарки те своей красой и пышностью пленили королевских вассалов.

– Нетрудно быть щедрым, – сказал Хаген, – когда в руках твоих клад нибелунгов. Ни Зигфриду, ни его потомкам не растратить его, как ни старайся. Ах, как хотел бы я заполучить эти сокровища к нам, в Бургундию.

Жители Вормса с нетерпением ждали приезда знатных гостей. Не жалея сил, от зари до зари готовили удалцы дворец к приезду нидерландцев: и стольник Ортвин

Мецский, и чашник Синдольт, и постельничий Хунольт. Дел хватало: уж если пир назначен, изволь закончить приготовления к сроку. Начальник кухни Румольт вместе с подручными умело орудовал десятками котлов, чанов, кастрюль, кувшинов, горшков, сковород. Нет, никому из пришедших на праздник не грозил голод.

ЦВЕТУРА XIII

О том, как Зисфрид
и Крилхильда
приехали
в Борнс

Теперь мы оставим бургундов и расскажем, как путешествовали на Рейн Зигфрид, Кримхильда и сопровождавшие её придворные дамы. Длинный обоз с дорогой одеждой следовал за ними – едва ли видели вы зрелище пышнее!

Державный Зигфрид и прекрасная Кримхильда ехали без задержек, торопясь успеть к сроку. Увы, никто из них и не подозревал, какое горе их ждёт в Вормсе!

Сын их был тогда столь мал, что переезд мог пойти ему во вред, и король решил оставить его на родине. Больше дитя не видело ни своего отца, ни матери.

Почтенный Зигмунд ехал вместе с ними. Если бы старый король мог знать, чем кончится путешествие, никогда не поехал бы он в Бургундию и не отпустил бы ни сына, ни невестку.

Зигфрид отправил с дороги гонца к трём королям. В ответ Гунтер выслал ему навстречу своих людей, а сам стал думать, как встретить гостей.

Придя в покои супруги, он спросил:

– Помнишь ли, как тепло встречала тебя когда-то Кримхильда? Теперь и ты должна встретить её столь же приветливо.

– Конечно, я выкажу ей всяческое радушие, – ответила та, – ведь я от всей души люблю её.

– Они придут сюда завтра утром, – сказал супруге король, – однако по правилам учтивости я должен выехать им навстречу, ведь гостей столь дорогих никогда не принимал я в Вормсе. Если желаешь встретить их, присоединяйся ко мне.

Чтобы предстать пред гостями во всей красе, Брюнхильда приказала свите одеться в самые лучшие и богатые одежды. Придворные дамы немедля принялись выполнять её приказание. Весь двор и весь город отправились вслед за Гунтером и Брюнхильдой встречать гостей, и встречи столь тёплой свет ещё не видел.

Брюнхильда в тот день была так ласкова к золовке, что с лихвой воздала ей за прежнее гостеприимство, и все, кто видел их встречу, дивились её учтивости. Вскоре подъехал и Зигфрид со своими бойцами. Гости и встречающих было столь много, что от топота конских копыт дрожала земля, а пыль поднялась над полем, словно чёрная туча.

Увидев перед собой бесстрашного Зигфрида и его отца, бургундский владыка обратился к ним:

– Привет вам, друзья мои! И я, и моя родня рады принять вас в Вормсе.

– Да воздаст вам Бог за радушие, – ответил благородный Зигмунд. – С тех самых пор, как мой сын Зигфрид повенчался с Кримхильдой, я мечтал о свидании с вами.

– Такую речь приятно слышать, – сказал ему Гунтер.

Зигфрида приняли как короля и друга, и каждый старался угодить ему. Гизельхер и Гернот окружили нидерландца такой заботой, что большего радушия, казалось, нельзя было и желать.

Супруги королей приблизились друг к другу и пожелали сойти с коней. Немало нашлось охотников помочь им, каждый хотел услужить дамам.

Королевы обнялись, и все вокруг, увидев это, умилились столь тёплым отношениям. Свиты венценосных дам перемешались, и немало приятных знакомств свелось в тот день. И гости, и бургундки приветствовали друг друга с такой учтивостью и целовались так нежно и столь часто, что витязи восторгались, глядя на них. Но Гунтер принял решение, что пора ехать в Вормс, а по пути, чтобы проявить уважение к гостям, повелел своим воинам устроить турнир в их честь.

Хаген руководил витязями в той славной схватке, а Ортвин вместе с ним наблюдал за порядком. Каждый рыцарь безропотно повиновался им, такое уважение внушала мощь этих витязей.

Пока шли воинские игрища, хозяева и гости не сдвинулись с места. Под свист калёных копий и звон крепких щитов время летело незаметно – целые часы промчались, как минуты.

Оттуда гости направились в палаты, и воители снова помогли дамам сойти на землю.

Гунтер показал приезжим их покои. Брюнхильда меж тем всё не могла отвести глаз от золовки. Всех вокруг покорила жена Зигфрида своей красотой, а лицо её было светлее и чище золота.

Гости же всё стекались во дворец. Всюду были пыль, шум, толкотня. Но Данкварт взял гостей под свою опеку и сумел каждому найти место в покоях.

Затем хозяин позвал гостей за стол и всюду – и во дворце, и во дворе – начался пир. Торжество удалось на славу, отказа гости не знали ни в чём.

Сам Гунтер, исполненный дружелюбия, ел и пил вместе с гостями. Зигфрид и Кримхильда, как в прежние времена, сидели напротив него. К столу нидерландского короля сопровождали двенадцать сотен закалённых в боях воинов. Когда они заняли места вокруг своего повелителя, прекрасная Брюнхильда подумала, что никогда ещё не видела столь могучего вассала, и в тот же миг нестерпимая вражда к Зигфриду разгорелась в её сердце.

Веселье длилось до самой ночи. У многих даже платье вымокло от вина: не успевали гость допить кубок, как чашник тут же наполнял его снова.

Как и положено по законам гостеприимства, для дам были приготовлены мягкие постели. Да и всем прибывшим на праздник оказали самый ласковый приём – каждого король окружил почётом.

Когда свет дня пробился сквозь ночные облака, дамы открыли крышки дорожных скрыней и извлекли лучшие платья, что хранилась там. Изукрашенные драгоценными камнями, они слепила глаза всем, кто смотрел на них.

Гунтер ещё не отбыл в собор к заутрене, а дворцовый двор уже огласили звуки ударов стали о сталь, запели флейты и загудели трубы. То рыцари и их оруженосцы затеяли турнир в честь хозяина. Как ни велик был Worms, а весь он проснулся от грома ратной забавы. Бойцы предались любимой потехе – сердца их загорелись отвагой, звеня кольчугами и горяча скакунов, сошлись витязи в потешной битве. Сам хозяин и все друзья его были здесь, в самой гуще боя, а сверху, из дворцовых окон, затаив дыхание, за ними наблюдали красавицы-девы и благородные дамы.

Всех увлекла потеха, час незаметно пролетал за часом, но ударил колокол в соборе и забава прекратилась. К воротам подвели коней для дам и дев, и обе королевы отправились в храм. У паперти, как и полагается, рыцари сняли их с сёдел.

Брюнхильда тогда ещё не питала ненависти к золовке, и под святые своды они вступили рука в руке. Но недолго тому оставалось быть, вскоре их тёплые чувства обернулись враждой и злобой.

Обедня подошла к концу, хозяйка и гостя вместе отправились во дворец, чтобы продолжить пир. Ничто не омрачало их дружбы, пока день одиннадцатый не расцвёл над Wormsom.

Цвѣтѹра XIV

О РАЗДОРЕ,
СЛУЧИВШЕМСЯ
МЕЖ КОРОЛЕВАМИ

В тот день перед вечерней службой бойцы снова решили погорячить себе кровь и развлечься воинскими игрищами. Снова от топота копыт и боевых кличей загудела округа, и дамы из окон вновь обратили на бойцов взоры прекрасных глаз. Королевы сидели рядом, когда им обоим пришла на ум мысль сравнить двух властелинов.

– Как могуч мой супруг! – сказала Кримхильда. – Пожелай он, смог бы подчинить себе и ваши земли.

– Что проку в пустых мечтах? – не согласилась Брюнхильда. – Вот если бы из всех нас остались только вы да ваш муж, тогда Бургундия и впрямь досталась бы вашему супругу. Но пока жив Гунтер и его братья, тому не бывать.

– Посмотрите, – сказала Кримхильда, – насколько Зигфрид краше всех витязей. Меж ними он, словно ясный месяц среди звёзд. Ах, как же я горда, что назвал он меня супругой!

Брюнхильда не захотела смолчать на такие слова:

– Как ни хорош Зигфрид, как ни храбр он и твёрд характером, а всё же должны вы признать, что брат ваш Гунтер и знатнее, и удалей его. Никто из государей не может сравниться с ним.

– Я не без причины превозношу супруга, – ответила Кримхильда. – Он сумел прославить себя и в мирные дни, и на войне, так что поверьте, сестра, Зигфрид и Гунтер равны величием.

– Я не хотела оскорбить вас, но Зигфрид никак не ровня Гунтеру. И узнала я о том от них самих, когда приехали они в Исландию добиваться моей руки. Брат ваш своим бесстрашием добился моей любви, а Зигфрид тогда открыл мне, что он всего лишь вассал Гунтера. А коли так, то ему и надлежит считаться холопом.

– Как это может быть? Никогда не поверю я, чтобы братья выдали меня замуж за подданного. А потому покорно прошу не говорить подобных слов о моём супруге.

– Нет, я буду говорить их, – ответила ей Брюнхильда. – Зачем мне с мужем отречься от холопов? Пускай и впредь служат, как подобает им по чину.

И с тем она кинула на невестку исполненный гнева взгляд.

– Ну, уж от одного вам всё же придётся отречься. Мой отважный муж вовек ни у кого не был слугой. И что касается знатности, тут он тоже превосходит Гунтера. Поэтому вам надлежит взять свои слова обратно. К тому же, не кажется ли вам странным, что, если Зигфрид и впрямь

ваш холоп, как осмелился он так долго не платить оброка? Пора бы укоротить вам надменный язык ваш.

– Уймите свой заносчивый нрав! – воскликнула Брюнхильда. – Мы ещё посмотрим, кто более уважаем здесь – вы или я, чьей воле здесь покорен каждый!

Тут злоба и спесь окончательно захлестнули королев.

– Пусть так, – сказала Кримхильда. – Пусть вы считаете моего супруга за вассала, но я сегодня же в присутствии ваших и моих ленников, опередив вас, первой войду в собор. Пусть это докажет вам, что я свободнорождённая, а тот, кто дан мне в мужья, славней, чем Гунтер. Пусть это отучит вас думать, что я ваша раба. Повторю снова: сегодня я на виду у ваших вассалов и придворных дам первой пройду в храм. И пусть весь вормсский двор дивится моему величию.

Так начался раздор между двумя королевами.

– Не хотите быть рабой? Так не пойдёте со мной в собор сегодня, – ответила ей Брюнхильда. – Идите отдельно от меня и моей свиты.

– Ну так и что с того? – бросила ей вслед Кримхильда.

А затем приказала дамам:

– Оденьтесь сегодня с такой роскошью, чтобы все бургунды, завидя вас, приходили в восторг. Пусть поймут, что госпожа их горда не в меру и есть тут дамы знатнее и богаче её. Пришла пора навсегда отучить Брюнхильду от чванства.

Дамы нарядились, и Кримхильда, оглядев их, выбрала и взяла с собой в собор сорок три самых красивых. Вместе

с ними отправились в храм доблестные бойцы Зигфрида. На женщинах сияли шелка, привезённые из Аравии, но даже и они меркли в присутствии Кримхильды, так царственно роскошно выглядела она.

Все вокруг удивлялись, почему две королевы идут в храм поврозь, ведь ещё совсем недавно были они дружны не разлей вода. Увы, кто бы знал тогда, какую беду принесёт эта ссора!

Брюнхильда вместе со свитой первой пришла к собору и встала в дверях. Дамы, занимая время, завели разговоры с толпой их окруживших кавалеров. Вскоре ко входу в божий храм подошла и гостья. Несказанно прекрасны были наряды её свиты, такие не снились и дочерям знатных рыцарей – выйдя замуж за Зигфрида, Кримхильда могла затмить роскошью и тридцать королев.

Свиты королев столкнулись у входа собор, и хозяйка, побледнев от злости, приказала гостье отойти в сторону и не преграждать ей путь:

– Пусть холопка даст пройти своей госпоже!

– Молчите! – в гневе воскликнула Кримхильда. – Ваши злобные речи обратятся во вред вам самой. Как может кичиться королевским саном та, кто была наложницей вассала?

– Кого вы называете наложницей?

– Вас. И попробуйте возразить, что это ложь. Ведь не Гунтер, а Зигфрид, мой милый муж, был первым, кто насладился вашей красотой. Неужели рассудок не подсказал вам тогда, что это слуга силой и хитростью возлёт с вами?

Так что уймите гордыню и не ставьте свой грех себе в заслугу.

– Хорошо же, – сказала Брюнхильда. – Я передам мужу ваши слова.

– Извольте. Мой брат от этого не станет думать обо мне хуже. Но коль посмели вы счесть меня своей подданной, то отныне нет меж нами дружбы и виной тому лишь ваша гордыня.

Брюнхильда заплакала, и Кримхильда, воспользовавшись этим, вместе со свитой первой вошла в собор.

С тех пор пошла меж ними вражда, из-за которой немало ясных глаз помутнело от слёз.

Какой бы благостной ни была та вечерняя служба, Брюнхильда едва смогла дождаться её конца. Желчь и злость кипели в спесивой королеве. И много витязей нашли потом из-за неё свою гибель!

«Пусть гордячка даст объяснения, – думала она, выйдя из божьего храма, – почему дерзнула назвать меня наложницей. Если ей и впрямь сказал это Зигфрид, несдобровать ему!»

Тут, окружённая толпой храбрецов, из церкви вышла нидерландская королева.

– Пойдите! – сказала Брюнхильда. – Кто, дерзкая обидчица, дал вам право называть меня наложницей?

– С дороги! – промолвила Кримхильда. – На то мне даёт право этот перстень. Его принёс Зигфрид в ту самую ночь, когда взошёл с вами на ложе.

Да, этот день стал поистине чёрным для Брюнхильды.

– Не спорю, то мой перстень, – подтвердила она. – Он был злодейски похищен у меня, и теперь я вижу, кто похититель.

Безмерный гнев тут охватил обеих.

– Я не воровка! – воскликнула Кримхильда. – Умолкните или я навеки погублю вашу честь. Да, я готова повторить снова и снова, вы принадлежали моему супругу. И доказательством тому пояс, что надет на мне.

Был пояс тот свит из шёлка Ниневии, расшит жемчугом и драгоценными камнями. Узнав его, Брюнхильда расплакалась и сказала вассалам короля:

– Пусть державный Гунтер немедля придёт сюда и узнает, что я оскорблена его сестрой и названа наложницей Зигфрида.

Властитель рейнский явился вместе с первыми людьми королевства и спросил свою плачущую жену:

– Моя возлюбленная супруга, кто посмел нанести вам обиду?

– Только что при всех ваша сестра предала меня бесчестью, – ответила Брюнхильда. – Она утверждает, что я совершила тайный грех, и что не вы, а Зигфрид первым возлёг со мной на ложе.

– В её словах нет ни капли правды! – разгневался король.

– Она бесстыже носит мой золотой перстень и пояс, что я потеряла. Белый свет не мил мне от горя, и я умоляю вас смыть позор с моего имени.

– Я потребую, чтобы зять дал ответ за речи Кримхильды, – заверил её муж. – Если он виновен в пустом

бахвальстве, то пусть признается. А нет – ему придётся опровергнуть слова супруги.

И с тем повелел позвать к нему нидерландского героя.

Тот не замедлил явиться и застал дам в слезах.

– Что заставило наших женщин проливать горькие слёзы, и почему король просил меня срочно прибыть к нему? – спросил он у собравшихся витязей.

– Моя сестра осмелилась утверждать, – ответил ему Гунтер, – что вы первым узнали Брюнхильду и не побрезговали похвастаться этим своей супруге.

– Если вы правы, Кримхильда поплатится за свой ядовитый характер, – пришёл в гнев доблестный Зигфрид. – Я же готов при всех принести клятву, что не говорил ей таких слов.

– Я согласен, – сказал рейнский властитель. – Это очистит вас от подозрений во лжи.

Тут бургундские витязи встали вокруг нидерландца. Но едва только Зигфрид протянул руку для клятвы, Гунтер воскликнул:

– Теперь ваша невиновность мне очевидна, вы чисты. Сестра возвела на вас напраслину.

– Я очень жалею, – промолвил храбрый Зигфрид, – что моя жена в гневе оскорбила достойную Брюнхильду, чей муж – мой верный друг.

Стоявшие вокруг витязи с удивлением переглянулись.

Нидерландец же продолжал:

– Шурин, долг мужчины – дать укорот языку супруги, если она не в меру распускает его. Вы преподайте урок

Брюнхильде, а я Кримхильде воздам по заслугам. Из-за бесчинств супруги на меня пали стыд и позор.

Однако гордые женщины не смирились, не простили одна другую и с тех пор перестали разговаривать друг с другом.

Брюнхильда ходила в грусти целые дни напролёт, так что все вассалы почувствовали к ней жалость. Однажды доблестный Хаген подошёл к своей госпоже, расспросил, в чём причина её горя, и отважно поклялся, что отомстит Зигфриду за бесчестье и позор своей королевы, или не видеть ему более счастья в жизни.

И вот тогда они втроем с могучим Гернотом и Ортвином втайне задумали лишить героя жизни. Гизельхер узнал об их сговоре и, желая предостеречь заговорщиков, сказал:

– Не к лицу витязям вести такие разговоры. За что желаете вы убить Зигфрида? Неужели прославленный герой должен лишиться жизни из-за вздорных женских слов?

– В пшеничном поле нет места для сорной травы, а в доме негоже держать чужих бастардов, – возразил ему Хаген. – Тот, кто клеветает на нашу владычицу, подлежит смерти. И не жить мне, если не сдержу я своего слова.

Тут их разговор прервал Гунтер:

– Мы с братьями не видели от зятя ни вреда, ни бесчестья. За что убивать нам того, от кого мы видели лишь благо?

Ортвин Мецский сказал на это:

– Хоть он и безмерно могуч, не будет ему спасенья. Вам стоит только намекнуть, и я убью его.

Так бургунды безвинно обрекли Зигфрида на смерть.

Правда, от слов к делу переходить заговорщики пока не спешили. Хаген нашёптывал королю о том, сколь много стран перейдёт под его власть после смерти зятя. Король хранил молчание, но все видели, что он сильно смущён и грустен.

Тем временем гости затеяли ратные игрища в честь Кримхильды и, пока ехали из храма к ней на пир, успели переломать немало крепких копий.

У бургундов в то же самое время сердца разрывались от гнева.

– Умерьте ярость, – сказал им Гунтер. – Пусть благородный Зигфрид здравствует и дальше. Да и к тому же, он столь силён, что мы не сможем дать ему отпор, если прознает он про ваш заговор.

– Не беспокойтесь, – ответил Хаген, – он ничего не заподозрит. Мы сумеем отомстить Зигфриду за бесчестье Брюнхильды. До самой смерти он будет моим врагом.

– Но как вы сможете убить его? – спросил бургундский владыка.

– От вас я не стану ничего скрывать, – ответил Хаген. – Мы пришлём никому не известных здесь гонцов, они скажут, что нам якобы объявлена война. Зигфрид, едва только узнает об этом, вызовется помочь вам, как встарь. Я же вызнаю у Кримхильды его тайну, и погибнет он по вине собственной жены.

Так Хаген сумел подбить короля на несправедное дело, и решили они убить Зигфрида, пока он не раскрыл их заговор и не убил раньше.

Да, много доблестных рыцарей унёс раздор двух королев!

ЦВЕТЬОРА XV

**О том, как
Криухильда
предала Зисфрида**

На четвёртый день, едва сверкнуло в небе солнце, ко двору явились тридцать два гонца с известием, что на Вормс идут враги. Горе и печаль охватили жителей города. Король немедленно призвал чужеземцев к себе, и лжегонцы сказали ему, что их прислал Людегер Саксонский, тот самый государь, который когда-то был разбит и пленён Зигфридом.

Радушный Гунтер предложил гонцам присесть, но те остались стоять.

– Мы лучше постоим, пока не расскажем то, что нам поручено, – сказал старший из них. – Узнайте ж, государь, на вас надвигается война. Людегер Саксонский вместе с Людегастом Датским идут на вас походом и вызывают на смертный бой. Сердца их полны желанием отомстить за старые обиды.

Гунтер сделал вид, что поражён вестями и приказал отвести мнимых послов в покои. Ни Зигфрид и никто другой не могли тогда разгадать замысел бургундских заговорщиков.

Гунтер, пребывая в сомнениях, вновь и вновь держал с друзьями совет, и дело, пожалуй, могло бы уладиться без кровопролития, если бы Хаген не упорствовал в своём намерении.

Зигфрид, застав однажды заговорщиков за тайным совещанием, спросил их:

– Какая печаль гнетёт короля и его воинов? Если кто-то нанёс вам обиду, я сей же час готов отомстить ему.

– Вы правы, нам не до веселья, – ответил Гунтер. – Людегер снова задумал идти на меня войной и вместе с Людегастом ведёт сюда войско.

– Если так, – ответил отважный рыцарь, – я своей рукой сумею защитить бургундов от смерти и бесчестия. А врагов, как и прежде, постигнут поражение и позор. Ручаюсь головой, я превращу их края в пустыню и сравню с землёй их замки. Вы, шурина, оставайтесь с дружиной дома. Я пойду в поход лишь со своими воинами. Мне не надо большого войска, чтобы справиться с врагом. Мои вассалы, как и я, будут рады послужить вам.

Король, словно его и вправду обрадовало предложение помощи, отвесил Зигфриду признательный поклон и сказал:

– Я счастлив это слышать.

– Враги вам больше не страшны, – заверил его герой.

Затем, чтобы гость не разгадал его хитрость, Гунтер начал для вида готовить войско к войне. Зигфрид же кинул клич, и вскоре его бойцы, все при оружии и в боевых доспехах, явились на зов.

– Родитель мой, – сказал герой Зигмунду, – эту войну мы окончим живой рукой* и с победой воротимся в Вормс. Вы же оставайтесь здесь, рядом с королём.

Взметнулись в небо боевые знамёна, словно и впрямь началась война. Растревоженная страна, не зная правды, принимала всю эту суматоху за чистую монету – бургундские вассалы рвались отправиться в поход вместе с нидерландским героем. И вот, когда на лошадей уже навьючили доспехи и Зигфрид готовился вывести своих людей в поле, к Кримхильде явился владетель Тронье Хаген, будто бы для того, чтобы попроситься с сестрой своих господ.

– Я счастлива иметь мужем витязя, способного во всём помочь своей родне, – сказала ему королева. – Мой Зигфрид никогда не даст в обиду моих братьев, и оттого я так довольна и горда. Вас, Хаген, я люблю всем сердцем, и всегда готова услужить вам. Вы же не держите зла на Зигфрида за то, что я нанесла оскорбление Брюнхильде. Мне и так был преподан хороший урок. Когда стало известно, сколь дерзостные слова я бросила бургундской королеве в порыве злобы, мой разгневанный супруг без жалости побил меня.

– Вы ещё помиритесь с ней, – заверил её Хаген, – случай обязательно представится. А сейчас скажите лучше, как я могу помочь Зигфриду в бою?

– Я не боюсь, что кто-то сможет сразить Зигфрида в сече – если он будет хладнокровен и осторожен, ему нечего бояться.

---

* Живой рукой – т. е. быстро.

– Но всё же, – сказал коварный Хаген, – если есть опасность, что враги могут ранить его, откройте мне, госпожа, как отвести эту беду. И тогда в бою я ни на шаг не удалюсь от вашего мужа.

– Мы ведь родня с вами, – воскликнула Кримхильда, – и вы обязаны защищать моего супруга. Отныне я вверяю вам его жизнь.

И она рассказала Хагену то, о чём должна была молчать до самой смерти.

– Мой муж бесстрашен и могуч. Однажды под горою он убил дракона, омылся в его крови и с тех пор стал неуязвим для любого оружия. И всё же каждый раз, когда он отправляется на битву, я испытываю сильнейший страх и тягостные предчувствия гнетут мою душу. Лишь вам, как родственнику и другу, скажу я, куда может быть ранен мой супруг. Но вы за это должны проявить верность и в бою неотступно следовать за ним. Когда Зигфрид омылся в крови дракона, на спину ему, меж лопаток, упал листок липы. Вот там и находится единственное уязвимое место моего доблестного супруга.

– Тогда сделайте вот что. Нашейте Зигфриду на его богатое платье метку, чтобы я видел, где должен прикрывать его.

Так супруга обрекла героя на гибель.

– Мне нравится ваш совет, – сказала Кримхильда. – Тонкой шёлковой нитью я вышию едва заметный крестик на том месте, где надлежит вам защищать его стальным щитом во время боя.

– Я прикрою его, госпожа, – заверил её Хаген и, дрожа от радости, покинул покои нидерландской королевы.

Вот так, желая защитить мужа, Кримхильда своей рукой помогла врагам погубить его.

Зигфрид ни о чём не подозревал, и неудивительно: никто бы не смог тягаться с Хагеном в коварстве и умении войти в доверие.

Наутро Зигфрид, желая порадовать бургундской родне, повёл на врага свою дружину в тысячу бойцов. Хаген поехал рядом с ним, чтобы разглядеть нашитый на одежде крестик. Разглядев метку, он тайком велел двум гонцам скакать наперерез войску с новой вестью – Людегер якобы передумал идти войной на бургундов и впредь никогда не осмелится посягать на земли Гунтера.

Не сразу развернул скакуна Зигфрид, слишком сильна в нём была жажда отомстить врагам за дерзкий вызов. Друзья едва смогли уговорить витязя вернуться в Вормс, где Гунтер уже встречал его, исполненный ложной признательности.

– Да наградит вас Бог, Зигфрид! – воскликнул король. – Вы снова не позволили врагам восторжествовать над нами, и я навеки ваш должник. Вы один мне дороже во сто крат, чем все мои друзья. И теперь, когда вы так напугали саксов и датчан, я предлагаю отправиться завтра в Вогезский лес, чтобы поохотиться на медведей и кабанов. (То было сказано по подсказке хитрого Хагена.) Мы выезжаем на рассвете, и пусть все, кто хочет размяться, отправляются с нами. Те же, кому лень гоняться по чаще за зверем, пусть остаются дома и развлекают дам.

Зигфрид не отказался от участия в охоте.

– Если вам угодно взять меня, я буду рад отправиться с вами. Мне нужен ловчий да пара добрых псов, и я готов хоть сейчас ехать в лес.

Бургундский владыка заверил:

– Конечно, ловчий для вас найдётся. И даже не один, а три или четыре, и все они так хорошо знают лес, что вечером вы непременно вернётесь со знатной добычей.

С тем Зигфрид ушёл к жене, а король с Хагеном решили наедине обсудить, как лучше сгубить могучего витязя.

Нет, такой неверности не должна носить земля!

ЦВЕТОВА XVI

О том, как
Зусфруд
был убит

Наутро Гунтер и отважный Хаген в самом весёлом расположении духа отправились из Вормса в густой лес, чтобы поохотиться там на лосей, медведей, кабанов да зубров. Что может быть милее охотничьей забавы для истинных рыцарей? С собой бургунды, как и положено, везли немало съестных припасов.

Безо всякой опаски отправился Зигфрид с друзьями. Однако вышло так, что у лесного ручья смельчак лишился жизни из-за мстительной Брюнхильды.

Бойцы споро навьючили на лошадей поклажу, очень уж не терпелось им очутиться в лесах, что лежали за Рейном. Перед самым отъездом Зигфрид зашёл к супруге, чтобы попрощаться. Сердце королевы угнетал страх – видя это, витязь обнял супругу и принялся утешать:

– Даст Бог, скоро снова увидимся – я уезжаю всего на три-четыре дня. А вы покуда побудьте с роднёй здесь, в Вормсе.

Тут страшная догадка, словно молния, озарила разум Кримхильды. Вспомнила она, что открыла Хагену тайну супруга и, не в силах признаться, залилась бессильными слезами раскаяния.

– Не ездите на охоту, – попросила она. – Я видела страшный сон, будто бы за вами гнались по лугу два кабана, и все цветы внезапно стали красными. Не ездите, мой дорогой муж! Я плачу от страха, мне всё кажется, будто у нас с вами есть тут тайный враг, и он может из мести доставить нам немало бед. Оставайтесь, не ездите, прошу вас!

– Дорогая, я недолго буду в отъезде, – ответил ей Зигфрид. – Да и к тому же ни с кем у меня здесь не было ссор – все мне тут рады, ведь я желал вашей родне только добра.

– Поверьте, я плачу не без причины. Мне снился ещё один сон: будто бы стояли вы меж двух гор, которые внезапно рухнули и раздавили вас. Оставайтесь, чтобы ваш отъезд не разбил мне сердце.

Витязь, однако, не внял словам, обнял супругу, нежно поцеловал и на том простился с ней. Больше не довелось ей увидеть мужа живым.

Кони унесли героев в дремучий лес. Первые люди Бургундии отправились тогда вместе с Гунтером. Лишь Гизельхер и Гернот не поехали с ними – двум младшим королям было не до веселья.

Сначала за Рейн переправили большой обоз. Всего хватало в тяжёлых вьюках – вина, хлеба, мяса, рыбы и прочих

припасов, которых всегда в достатке у радушного государя.

Стан разбили на лесной опушке, откуда должен был начаться гон. Как только Гунтеру доложили, что прибыл его зять, король отдал приказ о начале охоты. Через минуту все были на своих местах.

– Кто же поведёт нас сквозь чащу леса к местам, где сможем мы поднять зверя? – спросил храбрый Зигфрид.

– Давайте поделимся, – ответил Хаген, – и не станем сходитья до самого окончания охоты. Пусть каждый промышляет самостоятельно, а потом мы посмотрим, кто из нас удачливее. Мы поделим меж собою ловчих и псов, а потом направимся в любую сторону по своему выбору. И честь тому, кто станет победителем!

– Мне нужно немного, – сказал супруг Кримхильды. – Вполне достаточно будет одной собаки. И если то будет проворный пёс да с хорошим нюхом, ни один зверь не уйдёт от нас.

Искусный ловчий, взяв подходящую собаку, лесными тропами повёл нидерландца в места, где дичи водилось столько, что Зигфрид едва поспевал за псом. И сколько бы зверей ни поднимал пёс, а поднял он их немало, каждого настигал смертельный удар героя. Конь под ним летел резвее любого зверя в округе, да и сам витязь был охотником хоть куда. Всегда и во всяком деле первенствовал Зигфрид, так и в этот день он первым уложил добычу – без промаха сразил дикого подсвинка. Потом герой наткнулся в лесу на огромного льва. Поднятый собакой зверь пустился наутёк, но Зигфрид достал тугой лук, и хищник,

трижды прыгнув, упал на землю бездыханным. Немало похвал услышал храбрец за эту добычу.

Затем, пронзённые златопёрыми стрелами витязя, упали матёрый тур, четыре зубра и лось. Никакая добыча не в силах была ускользнуть от Зигфрида, а скакун его мог настичь даже быстроногую лань. Пёс вновь взял след и устремился в чащу вслед за матёрым кабаном. Зигфрид, спасая пса, галопом понёсся к зверю. Разгневанный секач увидел охотника, кинулся на него, но герой взмахнул мечом и кабан упал на землю. Да, такое мог совершить только Зигфрид! И пока он, стоя над зверем, свистом подзывал к себе собаку, слух о его деянии облетел округу.

– Зигфрид, – притворно взмолились охотники, – ради Бога, не опустошайте лес! Оставьте и на нашу долю хоть немного добычи.

Витязь улыбнулся, шутка польстила ему.

А в роще, где ещё недавно царила тишина, стоял шум и гам. Эхо разносило по горам и долам смех, крики, конский топот и лай борзых, целых две дюжины которых носилось под сенью деревьев.

Много добычи настреляли удальцы, каждый хотел блеснуть своей охотничьей удачей, однако Зигфрид превзошёл их всех.

Летний зной утомил героев, и они, следуя лесными тропами, потянулись к стану. Каждый из охотников вёз обильную добычу, повара у костров хлопотали без усталости. Гунтер распорядился поторопить гостей – настало время вернуться и подкрепить силы обильной трапезой. Громкий

рог разнёс повсюду весть, что государь желает встретиться со своими друзьями за богатым столом.

– Прошу прощения, – сказал ловчий нидерландскому витязю, – но я слышу вдали звуки рога. А это знак того, что Гунтер на привале и ожидает нашего возвращения.

Сказав это, ловчий приблизил рог ко рту, чтобы подать ответный сигнал.

– Так поспешим же, – молвил смелый Зигфрид, и свита его отправилась следом за ним.

Но тут стук копыт их коней поднял медведя. Смелый нидерландец, услышав медвежий рёв, крикнул:

– Спускайте пса! Славную потеху я устрою, когда привезу на привал живого и невредимого медведя! Лишь бы только зверь не сбежал.

Спустили пса, медведь исчез в кустах. Зигфрид помчался за ним, но коню было не продраться сквозь заросли, и все уже подумали, что медведь уйдёт, но тут Зигфрид спрыгнул на землю и пешим стал преследовать зверя. Уже через мгновение он настиг его, только не убил и даже не ранил, а крепко скрутил ремнём и приторочил к седлу. Не мог медведь пустить в ход ни зубы, ни когти, и нидерландец без помех доставил его в лагерь, чтобы распотешить своих друзей.

Как красив и лих был в тот момент ликующий герой! Как царственно и гордо ехал он через лес! На боку его висел рог с золотой насечкой, широкий клинок доставал до самых шпор, и тяжёлое копьё вздымал он в руке на всём скаку. Мир не видел ещё охотника более нарядного! На

плащ героя пошёл мех выдры, а поверх него искусные мастерицы нашили меха других цветов – хорош был плащ, просторен, лёгок, прострочен насквозь золотой канителью. Шапка у него была из соболей, кафтан – из шёлка, чёрного, как уголь, по колчану вилась дорогая тесьма. От самого колчана струились неслыханные ароматы, ведь на отделку его пошла шкура пантеры*. Стрелы, которыми полнился колчан, имели наконечники шириной в пядь, и те, кого пронзали они, уже не поднимались. Лук же у героя был таков, что только сам Зигфрид мог без ворота, одною силой рук, натянуть его. Меч Зигфрида, Бальмунг, сделанный из лучшей стали, отличался изрядной длиной и шириной, а в сражении пробивал любые шлемы и латы.

Вот так выглядел Зигфрид, когда, могуч и весел, ехал он к привалу. К охотничьему стану он примчался, словно вихрь, и бургунды тут же обступили его. Витязь спрыгнул с коня, бросил им поводья, а потом развязал путы на медведе.

Пленник расправил лапы, заревел и бросился бежать, не разбирая дороги. Какой переполох начался в лагере! Залаяли собаки, завопили слуги. Удирая куда глаза глядят, перепуганный зверь забежал на кухню, нагнал страха на поварят, опрокинул в костры котлы и вертела. Сколько яств пропало тогда, извалявшись в золе! Челядь и господа переполошились, повскакали с мест. Медведь остервенился – король приказал спустить на него свору борзых,

---

* По средневековым представлениям шкура пантеры источала аромат, приманивавший всех зверей.

а охотники схватились за оружие. Ах, какая лихая забава пошла тут!

Стрелять по зверю витязи опасались, чтобы не поранить собак, и потому погоня продолжалась долго. Лес гудел от топота, лая и людских голосов. Медведь был скор, охотникам никак не удавалось настичь его. Лишь смелый муж Кримхильды сумел догнать зверя в лесной глуши и там поразить мечом. Проворство героя изумило бургундов.

Гунтер пригласил усталых охотников за стол. Они уселись кругом на зелёной поляне, слуги принесли яства. Всяких кушаний там было в достатке – король мог бы гордиться, что задал такой пир, только вот не хватало там вина. Но причина тому крылась не в скупости хозяина, а в злом умысле.

– Король, я удивлён, – сказал Зигфрид. – Еды тут довольно, а вина совсем нет. Коли этак принимают у вас охотников, в следующий раз я вряд ли поеду с вами.

С лицемерным прискорбием король ответил ему:

– То произошло по вине Хагена. Видно, придётся нам вино чем-нибудь заменить.

– Да, то моя оплошность, – согласился владетель Тронье. – Мне, государь, отчего-то подумалось, что мы повезём гостей на охоту в Шпессарт, туда я и отправил всё вино. Впредь будет мне наука.

– Что и говорить, знатно вы удружили нам, – сердито сказал Зигфрид. – Вам бы следовало доставить вьюков семь с кларетом и медами. А если уж их нет, то стоило бы разбить стан поближе к Рейну.

На что хитрый Хаген ответил:

– Не сердитесь, друзья. Я знаю, где протекает ручей со студёной водой и, если угодно, кажу вам дорогу к нему.

Сколь многим витязям принёс горе этот совет!

Зигфрид был так измучен жаждой, что тут же поднялся и вместе с Гунтером и Хагеном отправился к ручью. На беду внял он совету владетеля Тронье!

Тем временем зверей, которых добыл Зигфрид, положили на телеги, чтобы отправить в столицу. Все вокруг дивились, сколь велика добыча нидерландца.

Пока герои шли к ручью, Хаген сказал:

– Слышал я, что наш знатный гость непобедим в беге, и никто не может сравниться с ним. Хотелось бы знать – ложь это или правда?

– В том, думаю, вам будет лучше убедиться своими глазами, чем доверять чужим речам, – ответил доблестный Зигфрид. – Давайте побежим к ручью наперегонки, и кто первый будет на месте, честь тому и хвала.

– Согласен, – сказал Хаген. – Размяться мне сейчас будет нелишне.

– Тогда я дам вам фору. лягу на землю, а вы бегите вперёд.

Гунтер рад был слышать, что всё идёт, как они и задумывали.

– Догонять вас я стану со всем охотничьим снаряжением, – продолжил нидерландец. – На руке у меня будет щит, за спиной колчан. Стальной меч, лук и копье тоже будут при мне.

Гунтер снял с себя всю одежду, вплоть до сорочки, вассал последовал примеру господина. Бургунды, понеслись к ручью, будто две пантеры, однако Зигфрид всё равно обогнал их – что бы ни делал этот витязь, всегда и во всём был он первым. Поджидая отставших, герой спустился к воде, поставил тяжёлое копьё к липе, рядом положил щит, меч и колчан. И пусть Зигфрид был еле жив от жажды, но и тут он оставался учтив и любезен: сперва дал напиться государю бургундов.

Ах, как же несправедливо был вознагражден храбрец за вежливость!

Ручей был студён и чист, Гунтер с наслаждением припал к воде. Затем над родником склонился его храбрый зять. Вот тут-то друг и воздал ему за добросердечие. Хаген отнёс подальше меч и лук нидерландца, взял копьё и всмотрелся в одежду героя, отыскивая крестик, что нашла Кримхильда. Едва Зигфрид зачерпнул рукою воду, владетель Тронье нанёс удар. Копьё пронзило рёбра и дошло до самого сердца – кровь брызнула из раны струей.

Никто с тех пор не совершал подобного злодейства!

Никогда не бегал Хаген так быстро, как тем солнечным полднем. Рана привела Зигфрида в неистовство. Витязь вскочил и с засевшим меж лопаток копьём попытался найти лук или добрый меч, чтобы покарать изменника. Однако рана была столь тяжела, что меча он не смог отыскать – нашёл лишь щит, который, как и прежде, лежал возле липы. Схватив его, храбрец бросился

вдогонку за Хагеном – хотя рана его была смертельной, он жаждал отомстить и швырнул щит в своего убийцу. От удара щит лопнул, и украшавшие его драгоценные камни осыпались, словно дождь. Хаген упал и ударился о землю, так что гул прошёл по всей округе. Будь у героя меч, не миновать бы владельцу Тронье смерти, ведь даже в миг предсмертных мук витязь был страшен. Но тут героя покинули силы, он пошатнулся, глаза его померкли, прекрасный лик стал белее мела и печать смерти проступила на нём.

Ах, скольким прекрасным дамам пришлось потом проливать слёзы из-за гибели Зигфрида!

Герой всем могучим телом упал в цветы, и кровь его рекой полилась на траву. Но, уходя в беспамятство, он сумел всё же проклясть тех, кто сгубил его.

– Вы низкие и трусливые люди, если таким образом отплатили мне за верность и преданность, – сказал сражённый воин. – За это ждут вас и весь ваш род позор и вечное презрение. Меня вы убили подло, предательски, и кровь моя пребудет на вас и ваших детях. Что толку в утолённой жажде мести, если каждый честный человек теперь вправе считать вас предателями?

Охотники сбежались к павшему Зигфриду. Для многих тот день стал днём гнева и печали. Каждый, для кого слово «честь» не было пустым звуком, рыдал над героем. Да и то сказать, нельзя было не горевать о таком рыцаре! Стал оплакивать его и бургундский владыка – заметив это, раненый сказал:

– Что толку от того, если сам виновник зла льёт слёзы о совершённом злодействе? Притворной скорбью не скрыть постыдных дел.

– Скорбеть нам и вправду незачем, – ответил Хаген, – теперь мы освободились от многих забот. Отныне некого нам бояться, и я рад, что избавил своих государей от этого спесивца.

– Теперь можете хвастаться! – еле слышно произнёс Зигфрид. – Если бы я мог подозревать друзей в предательстве, давно изничтожил бы вас. Но хватит об этом! Мне надо подумать о судьбе жены. Да и участь сына также страшит меня. Надеюсь, Господь не допустит, чтобы на нём с детства и до могилы лежала печать позора за низкие поступки, совершённые его родичами.

В последний раз доблестный нидерландец возвысил голос:

– Король, если в вас осталась хоть капля чести и если вы способны ещё хоть кому-то быть верным, молю, не оставьте мою жену и будьте ей опорой. Кримхильда должна жить при вас со всеми почестями, подобающими королеве. Будьте ей защитником, как и надлежит брату. А мне уже не увидеть ни её, ни батюшку.

Цветы под героем меж тем совсем промокли от крови. Храбрец вступил в борьбу со смертью, но борьба та была недолгой, и вскоре отошёл в мир иной.

Когда вормсцы поняли, что сын Зигмунда уснул вечным сном, тело его положили на золочёный щит и стали думать, как хитрее скрыть преступление Хагена.

– Вина в этом убийстве лежит на нас, – сказали друг другу собравшиеся. – И чтобы отвести от себя подозрения, должны мы твердить одно и то же. Скажем, что Зигфрид охотился в одиночку, заблудился в лесу и был убит разбойниками.

– Я сам отвезу труп, – сказал владетель Тро-
нье. – Пусть Кримхильда видит, что мы ничего не боимся. Гордячка бросила тень на честь Брюнхильды – с какой стати теперь я должен жалеть её?

ЦВЕТЫ РА XVII

О том, как
Зигфрид был
оплакан и погребён

Двор вернулся за Рейн только в сумерках. Едва ли ещё случалась охота более несчастливая, чем эта. Ведь пролилась из-за неё не только звериная кровь, но и кровь витязей и горькие слёзы женщин.

Теперь же нам предстоит рассказать, как высокомерный Хаген под покровом ночного мрака велел отнести убитого им Зигфрида к дверям Кримхильды. Труп владыки нибелунгов был положен у самого порога. Хаген знал, что едва рассвет озарит небеса, Кримхильда отправится к заутрене в собор и непременно наткнётся на тело супруга.

Едва только зазвонили колокола, Кримхильда разбудила своих девиц. Те принесли ей одежду и ночник, и тут один из постельничих заметил тело Зигфрида. Труп был столь сильно забрызган кровью, что слуга, хоть в руках его и горел факел, не смог узнать своего короля. Дамы были уже готовы идти в храм, когда постельничий предстал перед госпожой:

– Королева, – сказал он, – у вашего порога лежит убитый витязь.

Кримхильду внезапно охватила столь сильная тревога, что она не смогла сдержать слёз. Она ещё не знала, что это её муж, но сердце уже подсказало ей, что утратила она своё счастье. Нет, не случайно уговаривал её Хаген, чтобы выдала она тайну Зигфрида! Догадка так поразила её, что королева, не произнеся ни слова, упала без чувств, но тут же с громким криком снова пришла в себя. Приближённые стали утешать её:

– Быть может, к вашему порогу подкинули чужой труп.

– Нет, – вскричала королева, и от горя кровь брызнула с губ её, – я знаю, там лежит мой Зигфрид! Хаген предательски убил его, чтобы угодить Брюнхильде!

Кримхильда велела отвести себя к двери, опустилась к мертвецу и белою своей рукой приподняла его прекрасную голову. И хоть лик убитого был искажён предсмертной мукой и красен от крови, она тотчас узнала своего супруга. Стон вырвался из груди королевы.

– О, горе мне! – принялась рыдать она и проклинать свою судьбу. – Муж мой, ты сражён не в бою, а пал от руки убийцы, ведь щит твой цел и невредим. Ах, если б я знала наверняка, кто совершил это злодейство!

Придворные рыдали вместе с ней, всей душой скорбя о погибшем Зигфриде.

Вот так Хаген убил героя, чтобы отомстить Кримхильде за оскорбление своей повелительницы.

– Немедля разбудите нибелунгов, – приказала королева. – И сообщите Зигмунду, что убит сын его, доблестный Зигфрид. Пусть придёт и оплачет его вместе со мной.

Один из слуг отправился будить Зигфридовых людей, что спокойно спали в эту пору. Те поначалу решили, что гонец лжёт, но женский плач убедил их в правдивости его слов.

Затем вестник отправился к почтенному Зигмунду. Тот не спал, тревога и кручина томили его душу. Верно предчувствовал, что беда случилась с его сыном.

– Вставайте, государь! Кримхильда прислала меня со страшной вестью. Случилась беда, равных которой не найти.

– Ты в своём ли уме, мой друг? – спросил его старец, поднимаясь. – Что могло случиться с Кримхильдой?

– Не смею скрывать от вас, – рыдая, ответил гонец. – Зигфрид, ваш отважный сын и непревзойдённый воин, убит.

– Что это за шутки? – молвил почтенный Зигмунд. – Лишь шуткой я могу счесть такое известие.

– Вы можете не верить мне, но слышите ли вы плач? То госпожа Кримхильда вместе со свитой рыдает над телом супруга.

Зигмунд побледнел, и великий страх объял его. Немедля собрал он сотню своих витязей, и они бегом отправились туда, где слышались рыдания женщин. За ними, обнажив стальные мечи, устремились ещё десять сотен нибелунгов. Одни из них, собравшись второпях, всё же успели из уважения к дамам одеться поприличней, другие же спешили

на шум и крик в чём были – от горя многие из них совсем обезумели.

С тоской вошёл к Кримхильде Зигмунд.

– В недобрый час поехал я в край бургундов. Ах, как хотел бы я знать, кто лишил вас мужа, а меня сына! И это здесь, в стране, где для всех был он другом!

– Знай я точно, кто это сделал, сумела бы отомстить! Не дождался б убийца от меня пощады, и долго плакала бы о нём его родня!

Зигмунд склонился над сыном и поцеловал его в уста. Все – вассалы, дамы и челядь – горевали о павшем герое столь сильно, что стон стоял не только во дворце, но и во всём городе.

Тем временем слуги совлекли с Зигфрида одежды, омыли, с тщательностью обрядили снова и под рыдания и вопли его людей водрузили на носилки.

Нибелунги же, посоветовавшись, решили:

– Тот, кто заколол Зигфрида, живёт здесь, во дворце. Нам надлежит призвать его к ответу и осуществить правосудие.

И с тем они бросились надевать доспехи и доставать оружие.

Под командой Зигмунда было одиннадцать сотен закалённых в битвах бойцов, чьи шлемы и щиты сверкали сталью и золотом, а сердца горели жаждой мести. Зигмунду стоило только отдать приказ, а он не меньше нибелунгов желал наказать убийцу, и в Вормсе началось бы большое смертоубийство.

Одного не знали гости – с кем надлежит им биться? Вполне возможно, что с самим Гунтером, ведь это он увёз нидерландского героя на охоту. Вид кипящих яростью воинов перепугал Кримхильду. И, зная, что в открытом бою бургунды раздавят их, она принялась увещевать своих друзей:

– Что вы задумали, государь мой Зигмунд? Под рукой Гунтера несметное число вассалов, и если вы решитесь вступить с ними в бой, наши витязи все до одного полягут здесь мёртвыми.

В ответ храбрые нибелунги лишь тесней сомкнули ряды. И как ни пыталась она удержать их просьбами и приказами, никто не желал внимать ей: не слышит голос разума тот, кем владеет ярость.

– Нам надо затаиться и выжидать, – сказала она Зигмунду. – Но когда я доподлинно узнаю, кто преступник, не избежать ему заслуженной кары. Сейчас ещё не время мстить злодею – слишком велика рать бургундов и по тридцать рейнцев придётся на каждого из вас. Однако придёт срок, и Господь дарует бургундам такую удачу, какую они заслужили. А сейчас, дорогой свёкор, пусть наши люди помогут мне положить в гроб моего супруга.

– Да будет так, – ответили ей Зигмунд и дружинники.

Едва ли удастся мне поведать вам, как безутешно рыдали по Зигфриду в Вормсе. Бургунды скорбели наравне с гостями, простолюдинки вторили рыданиям знатных дам, и мало кто из них знал, по чьей вине погиб доблестный Зигфрид, лучший из витязей.

Кузнецы принялись ковать гроб для героя. Был он сделан из литого золота и серебра, надёжно обшит стальными полосами. И как же заплакали женщины, услышав удары молотов в кузне!

Когда приблизилось утро и небо окрасилось красным, Кримхильда велела нести тело любимого супруга к собору.

Мрачный звон пролился с высоких колоколен, созывая к заупокойной службе. Гунтер явился к храму в окружении дружинников. Хагену волей неволей тоже пришлось прийти на скорбный призыв.

– Сестра, не передать, какая жалость к тебе переполняет меня! – сказал король Кримхильде. – Безмерная печаль гнетёт нас, и мы будем вечно скорбеть по вашему супругу.

– К чему скорбеть вам? – ответила несчастная вдова. – Когда б нашлась в вас жалость к сестре, мне не пришлось бы убиваться по своему супругу. Зло не произошло бы, не поощряй вы его. Ах, лучше б мне самой умереть вместо Зигфрида! Но тому, кто невиновен, и оправдаться будет нетрудно. Ему только и нужно, что подойти к трупу вплотную, и этого будет достаточно, чтобы навеки очистить себя от подозрений.

На памяти людей такие чудеса происходили не раз: стоило злодею приблизиться к трупу, как раны убитого открывались и вновь начинали кровоточить. Так и был уличён Хаген – чуть подошёл он к телу, из раны снова полилась кровь, и весь Вормс, завидя это, огласился криком.

Однако же Гунтер молвил:

– Нет вины Хагена в этой смерти. Лесные разбойники убили Зигфрида.

– Я знаю тех разбойников, – ответила Кримхильда. – И да поможет Господь моим друзьям отплатить им. Ведь это вы и Хаген отняли у меня супруга.

Тут гости схватились за оружие, и бой уже готов был грянуть, но вдова снова сказала вассалам «ещё не время», и те подчинились.

Затем к останкам зятя с непритворной печалью в глазах приблизились Гернот и юный Гизельхер.

Началась служба, труп внесли в храм. Множество мужчин, женщин и детей вошло следом. Все в Вормсе любили Зигфрида, и неудивительно, что весь город проливал о нём слёзы.

– Сестра, уймите скорбь, покойник от этого не пробудится, – сказали Гизельхер и Гернот. – Мы же не оставим вас заботой и будем любить, пока живём на свете.

Но речи эти принесли вдове мало утешения.

К полудню кузнецы окончили работу. Труп, хоть Кримхильда и противилась этому, переложили с носилок в гроб и обвили драгоценным шёлком. И королева Ута, и её свита, и все, кто видел тело, плакали навзрыд, печалась о Зигфриде, славнейшем из витязей. Едва герой был положен в гроб, и причт* начал службу, все, и друзья, и враги, принялись подавать медь и золото на помин его души.

---

* Состав лиц, служащих при какой-либо одной церкви (приходе): как священнослужителей (священник и дьякон), так и церковнослужителей (псаломщики и др.).

Скорбящая Кримхильда сказала свите:

– Я не хочу, чтобы люди входили в расход из-за меня, несчастной, и моего супруга. И потому раздам на помин мужниной души его казну.

И взрослых, и детей оделили деньгами, чтобы каждый мог внести поминальную лепту. Друзья героя шли в храм до самой ночи, и более ста панихид было в тот день пропето по нему.

Когда же пение в соборе смолкло и все разошлись, Кримхильда попросила:

– Пусть кто-нибудь останется в соборе и вместе со мной бодрствует всю ночь до рассвета над тем, чья смерть навсегда лишила меня счастья. Хочу я наглядеться на мужа и все оставшиеся три дня и три ночи проведу над гробом без сна. Может, Господь и меня приберёт за это время и дарует благодетельный конец моим скорбям.

Горожане вернулись домой, а Кримхильда осталась горевать о супруге. Лишь причт, монахи да свита были с ней вместе в течение этих скорбных ночей и дней. И столь тяжело им было, что многие от горя не могли ни есть, ни пить, хотя слуги Зигмунда принесли в собор немало яств.

Да, великая беда постигла нибелунгов!

Все трое суток служили священники панихиду над покойным, и беднейший из них стал тогда богачом, так много золотой казны было принесено на помин души, и так много тысяч марок раздала вдова. Дабы вовек не исчезла память о Зигфриде, Кримхильда одарила монастыри землями, а нищие и недужные калеки ушли от неё в новых одеждах.

Предания говорят, что до погребения витязя Кримхильда раздала тридцать тысяч марок золота.

Когда на третье утро началась обедня, на соборном кладбище, где с ночи собралась вся рейнская столица, снова раздался великий плач и стоны о погибшем – даже после смерти всем был дорог Зигфрид.

Но вот обедню допели до конца, вассалы подняли на руки гроб и понесли его к могиле. Тоска и скорбь переполняли сердца всех присутствующих, и слёзы ручьями лились из глаз.

На кладбище великое множество клириков в последний раз отпело Зигфрида.

Бедняжку Кримхильду, пока она дошла до могилы, свита не раз отливала холодной водой. Свет ещё не видел, чтобы кто-то горевал так сильно. И хотя дамы окружили её заботой и вниманием, лишь чудом осталась она жива.

– Окажите милость, прошу вас, – обратилась вдова к вассалам Зигфрида. – Дайте мне, злосчастной, малое утешение, позвольте в последний раз взглянуть на лик моего супруга.

И так жалобно она умоляла, так проливала слёзы, что витязям ничего не оставалось, как снять крышку с пышного гроба. Белоснежной рукой приподняв прекрасную голову Зигфрида, Кримхильда в последний раз поцеловала благородного рыцаря. И от тоски не слёзы, а кровь текла из глаз её. Едва живая от горя, долго прощалась с телом несчастная вдова, теряла сознание, а когда настало время уходить, не смогла идти сама, и слугам пришлось её нести на руках.

И вот героя опустили в сырую землю. Нибелунги грустили о Зигфриде безмерно, а Зигмунда смерть сына поразила так сильно, что больше никто не видел, чтобы он улыбнулся. Объятые горем и проклинаящие недругов, некоторые из вассалов Зигфрида не ели целых три дня. Но настал день четвёртый, и горе отпустило их – нельзя живым вечно грустить о мёртвом.

ЦВЕТУРА XVIII

**О том, как
Зисмунд
возвратился домой**

Настал день, Зигмунд пришёл к Кримхильде и, грустя, сказал ей:

– Таким гостям, как мы, не очень-то рады на Рейне, и потому хочу я вернуться на родину. Не желаете ли и вы, Кримхильда, отправиться вместе со мной? Никто не может поставить сестре в вину измену брата, и я никогда не упрекну вас в гибели Зигфрида. Больше того, в память о сыне стану заботиться о вас, как о дочери. Даже после смерти мужа должны вы сохранить всю власть, какою обладали ранее. Носите нидерландский венец на страх врагам, а люди Зигфрида станут охотно служить вам.

Кримхильда ответила согласием, и начались приготовления к отъезду. Вассалы принялись седлать ретивых скакунов, а дамы и девицы доставать дорожные наряды. Всех тяготило пребывание в стане врагов. Узнав, что Зигмунд хочет взять Кримхильду с собой в Нидерланды, бургундская родня принялась упрашивать вдову, чтобы та осталась с матерью и братьями.

– Как я смогу жить здесь, – ответила она с горечью, – если каждый день буду видеть того, кто отнял у меня супруга?

– У вас есть мать, – ответил ей Гизельхер, – и быть при ней – ваш прямой дочерний долг. Не будете вы зависеть от своих недругов, я сам обеспечу вас всем необходимым.

Но Кримхильда в ответ возразила ему:

– Нет, я умру от горя, если увижу Хагена. Вид его невыносим для меня.

– Я и близко не подпущу его к вам. Сестра, живите у меня, я сумею утешить вас в горести.

– Это верно, – молвила вдова, – я нуждаюсь в утешении.

Но не только младший брат уговаривал Кримхильду. Все – мать, Гернот, родичи – убеждали, что сумеют позаботиться о ней, в то время как во владениях Зигмунда у неё нет родных.

– Всех нас ждёт могила, – прибавил Гернот. – Смерть побеждает даже сильнейших. Смиритесь и покоритесь судьбе. А жить всего разумнее вам здесь, среди родных.

Так уговаривали они Кримхильду, пока та не уступила им.

Зигмунд тем временем закончил приготовления к путешествию. Погрузил на лошадей поклажу и доспехи, и явился к невестке.

– Мои нибелунги снаряжены в дальний путь. Мы ждём лишь вас, чтобы покинуть вражескую страну.

– Не ждите, – ответила ему Кримхильда. – Родня убедилась, что я остаюсь в Бургундии. Ведь в краю нибелунгов я буду чужой.

Ответ её поверг почтенного короля в печаль.

– Выслушайте мои слова, – обратился он к ней. – По-едемте со мной, и я отдам вам власть над всей страной. Никто не обвинит вас в гибели Зигфрида. Долг ваш – отправиться со мною: вспомните, у вас есть сын и, оставшись здесь, вы осиротите его. Когда он вырастет, станет вам опорой. А до тех пор, пока он мал, мои люди будут вам защитой.

– Нет, мой дорогой свёкор, – ответила она, – я не поеду с вами. Куда разумнее мне остаться здесь с роднёй, которая меня любит и утешит в скорби.

Люди Зигфрида, услышав это, пришли в раздражение.

– Верно, мало ещё бедствий приключилось с нами, если наша королева решила бросить друзей и остаётся жить среди врагов. Не приведи нам Господь снова отведать такого пира, как этот!

– Мои вассалы, возьмите поводья и отправляйтесь домой, – сказала им Кримхильда. – Когда же вернётесь в край Зигфрида, служите его наследнику столь же верно, как служили некогда моему супругу.

Горько зарыдали люди Зигмунда, услышав такие речи. Старик-король с тоской слушал невестку – каждое её слово причиняло ему боль.

– Будь проклят этот пир! – вскричал в сердцах старый король. – Клянусь, мир ещё не видел, чтобы кто-то

принял гостя хуже, чем бургунды моего несчастного сына! Никогда больше не будет здесь моей ноги!

– Как знать, – сказали нибелунги. – Может, нам и придётся снова наведаться сюда, если проведем, кто сгубил Зигфрида. Тогда враги узнают, сколь сильно любили мы своего короля.

Зигмунд на прощание обнял невестку и грустно молвил:

– С тяжёлым сердцем возвращаемся мы в родные края. Слишком много горя пришлось нам испытать здесь.

С тем король вывел своих людей из Вормса и направился Рейну. Нибелунги никого не боялись и отправились без охраны. Если бы кто и рискнул напасть на них, дружина сумела бы постоять за себя.

Ни с кем из бургундов не захотел проститься старый король, но Гизельхер и Гернот сами подошли к нему и поклялись, что скорбят вместе с Зигмундом, и нет на них вины в смерти его сына.

– Ведает Бог на небесах, что невиновен я в гибели Зигфрида, – сказал со скорбью Гернот. – Я не слышал здесь ни одного дурного слова о Зигфриде и буду оплакивать его всю жизнь.

Млад Гизельхер всё же приставил к гостям охрану и проводил до самых Нидерландов.

С недоброй вестью явились домой старый Зигмунд и его дружина. Рыдания встретили их.

Что было с ними дальше, я не могу вам сказать. Знаю лишь, что сильно горевала Кримхильда в Вормсе и одоле-

ла своё отчаяние лишь потому, что рядом с ней всё время был юный Гизельхер.

Так настал час торжества Брюнхильды. Ей и горя не было, что вдова днём и ночью пребывает в скорби – лишь вражду питала она к ней, чем однажды и навлекла беду на себя и всю страну.

ЦВЕТУРА XIX

**О том, как
Бургунды
завладели кладом
Нубелунгов**

После того, как Кримхильда лишилась мужа, граф Эккеварт остался при ней вместе с толпою слуг. Целые дни напролёт проводил он с безутешной вдовой, всем сердцем горя о Зигфриде.

Для вдовы был выстроен просторный, пышно обставленный дом рядом с собором. В нём и заперлась Кримхильда, лишь по утрам отправляясь со свитой в храм помолиться о покойном муже. Оттуда в жару и метель шла она на кладбище, где укрытый сырой землёй лежал Зигфрид. Как верная жена, молила она там Господа о спасении души своего супруга. То и дело с утешениями приходила к ней королева-мать, но ничто не могло облегчить горе её дочери. Ни одна жена вовеки не печалилась так о безвременно ушедшем супруге – создатель наделил её твёрдой душой.

Долго грустила она о Зигфриде, но в конце концов кара её настигла изменников.

Три с половиной года предавалась слезам и тоске Кримхильда. За всё это время не сказала она ни слова Гунтеру и не подняла глаз на лихого Хагена, убийцу её мужа.

И вот однажды владетель Тронье обратился к королю:

– Государь, хорошо бы вам снова, как в прежние времена, сблизиться с сестрой. Если б вы опять вошли к ней в доверие, мы смогли бы заполучить клад нибелунгов и перевезти его на Рейн.

Король счёл совет разумным.

– Я попрошу братьев – они друзья с Кримхильдой – убедить её помириться со мной.

У Хагена, однако, были сомнения.

– Боюсь, не захочет она мира с вами, – сказал он.

В зал позвали маркграфа Гере, Ортвина и те вместе с Гизельхером и Гернотом отправились к вдове.

Гернот принялся уговаривать Кримхильду:

– Сестра, довольно вам печалиться о супруге. Он умер, и ни слезами, ни скорбью тут не поможешь. Король Гунтер, наш брат, жаждет примириться с вами и шлёт поклон. Ещё он велел передать, что нет у вас причин винить его в убийстве мужа.

– Я его в том и не виню, – ответила Кримхильда. – Моего супруга убил Хаген, а не он. Я открыла злодею, где уязвим мой Зигфрид, и за эту неразумную откровенность каюсь каждую минуту. Не выдай я тайны супруга, не пришлось бы мне сейчас терзаться и скорбеть. Но того, кто отнял у меня Зигфрида, я вовек не смогу простить.

Тут и Гизельхер принялся уговаривать сестру простить Гунтера. После долгих увещеваний Кримхильда согласилась на встречу с королём, и вскоре Гунтер вместе с придворными явился к ней. Хаген же не решился тогда предстать перед вдовой. Гунтер оправдался, и сестра простила его – в знак примирения они расцеловались. Давно бы уже король снова сблизился с Кримхильдой, если б не знал, что и вправду виноват перед ней. Немало брат и сестра пролили слёз радости при том примирении. Кримхильда забыла причинённое ей зло, и лишь к Хагену по-прежнему таила вражду – в нём видела она убийцу мужа.

Затем братья исподволь внушили ей, что сокровища нибелунгов должна она перевезти на Рейн – ведь это свадебный подарок её мужа, и такое богатство не следует выпускать из рук.

За кладом, сокрытым в глубинах гор, отрядила она отряд в восемь тысяч бургундов под командой Гизельхера и Гернота. Узнав о приезде бургундов, карлик Альбрих сокрушённо сказал друзьям:

– Они явились к нам от Кримхильды, чтобы забрать клад. И я не посмею отказать своей госпоже, раз уж супруг отдал ей сокровища как свадебный подарок. Клад, конечно, остался бы у нас, не погибни безвременно доблестный Зигфрид и не унеси он с собой в могилу плащ-невидимку, который всегда был при нём. Уж лучше бы витязь никогда не объявлялся в наших краях. На горе себе он взял в бою волшебный плащ и добыл наш отдалённый край в своё владение.

Сказав это, страж отправился за ключами от клада.

Рейнцы разбили возле горы лагерь, и несметные сокровища были переданы братьям вдовы.

Немало чудес рассказывают про тот клад. Четыре дня и четыре ночи перевозили его из недр горы на корабли. Двенадцать возов трудилось там, и каждый из них успевал съездить туда и обратно не меньше трёх раз в сутки. Состоял клад из одного лишь золота и драгоценных камней, и было их столько, что если б дать от него долю всем на свете, то и тогда он не стал бы меньше. Недаром Хаген и Гунтер так мечтали завладеть им. Среди сокровищ имелся волшебный жезл – тому, кто владел им, давал он власть над всем миром. Несчастья Альбриха однако же на этом не кончились, не только клад утратил он тогда, но и часть его родичей тоже отправилась вместе с Гизельхером и Гернотом.

Когда короли вернулись домой и передали сестре принадлежащие ей драгоценности, то все подвалы и башни дворца оказались забиты золотом. Отродясь не видывал мир такого богатства!

Но и тысячу кладов отдала бы безутешная Кримхильда, последней нищенкой согласилась бы стать, если б могла вернуть к жизни своего супруга. Не бывало ещё на свете жены более преданной.

Теперь, когда клад снова перешёл во владение Кримхильды, множество бойцов стали съезжаться на Рейн со всех сторон, ведь вдова была так щедра к ним, что добрая слава о ней прошла по всем землям.

Хаген от этого почувствовал тревогу и стал увещевать Гунтера:

– Она столько дарит, что витязи толпами стекаются к ней на службу и в верности их Кримхильде не приходится сомневаться. Поверьте, всё это таит для нас большую опасность.

– Она хозяйка клада, – ответил ему Гунтер. – И мне нет дела до того, как она поступает с сокровищами. Мы только недавно примирились, и я слишком дорожу нашими добрыми отношениями, чтобы мешать ей распоряжаться своим имуществом.

– Нельзя допускать женщин до казны, – сказал на это Хаген. – Вы должны отобрать богатства у сестры, пока она не довела всех нас до несчастья.

– Я поклялся, – воскликнул державный Гунтер, – что Кримхильде отныне не придётся терпеть от нас обид, и останусь верным своему слову!

– Пусть это вас не заботит, – возразил Хаген. – Я сам всё сделаю и отвечу за всё.

И снова, в который уж раз, Гунтер поддался на его уговоры. Клятва была нарушена, несметный клад у Кримхильды отобрали, а ключи от него Хаген передал в руки королю. Так беззащитной вдове была нанесена новая обида.

Гернота это оскорбило, как не оскорбляло ничто прежде, а Гизельхер сказал:

– Я найду управу на Хагена и не позволю ему притеснять Кримхильду. Не будь он моим родственником, давно бы разобрался я с ним.

– Одни беды нам от этого клада, – промолвил Гернот. – Давайте утопим его в водах Рейна, чтобы ни в кого он не вселял более зависти.

Тут к Гизельхеру, плача, пришла Кримхильда.

– Брат мой, – сказала она, – сестра ищет вашей защиты. Заставьте Хагена вернуть безутешной вдове её добро.

– Сейчас нам надо уехать по делам, – ответил ей Гизельхер, – а когда вернёмся, я сам возвращу вам клад.

Вскоре братья-короли вместе с множеством друзей и вассалов отправились в поездку, и один лишь Хаген остался дома – новые несчастья готовил он Кримхильде.

Пока бургундские владыки разъезжали по стране, Хаген вывез сокровища нибелунгов в Лохгейм* на Рейне и утопил там. В будущем намеревался он воспользоваться ими, однако его мечтам не суждено было сбыться.

Когда братья вернулись в Вормс, Кримхильда рассказала, что случилось в их отсутствие. Гизельхер, узнав, что сестра вновь была обижена владельцем Тронье, не мог сдержать негодования. На сей раз Хаген привёл своих господ в такой гнев, что ему надолго запретили появляться при дворе. И пусть впоследствии он был прощён королями, многострадальная вдова затаила к нему вечную ненависть.

Хаген показал трём королям, где находится клад, и все они дали друг другу клятву, пока живы, не прикасаться к сокровищам и никому не открывать, где они спрятаны.

---

* Лохгейм (в оригинале просто «Loche» – дыра) – о расположении этого места ничего не известно.

Совсем тяжкой стала доля вдовы – всего её лишили, и добра, и казны. Скорбь и печаль о Зигфриде томили её сердце, и только смерть способна была положить им конец. Никак не могла она забыть своего доблестного супруга. Люди, зная о том, дивились и воздавали королеве хвалу.

Цвѣтѹга XX

О том, как
король Эццель
посватался
к Крилхильде

Когда у короля гуннов Этцеля скончалась супруга Хельха, он, спустя некоторое время, стал снова думать о женитьбе и рассказал о том своим друзьям.

– Если у вас есть желание снова вступить в брак, – ответили они ему, – отправьте гонцов в бургундские земли. Там на Рейне живёт Кримхильда, вдова столь красивая и знатная, что сможет заменить вам Хельху. Трудно найти супругу более достойную, чем та, на которой тринадцать лет назад был женат сам Зигфрид.

– Мы с Кримхильдой не пара, – ответил Этцель. – Она молится Христу, я же – язычник. И если б вдова согласилась стать моей женою, я бы назвал это чудом.

– И всё же, почему бы не попробовать? – возразили советники. – Вы самый могучий и богатый владыка из всех, и ваши достоинства должны прийтись по нраву вдове.

– Кто из вас, – спросил Этцель, – знает прирейнские земли и живущие там народы?

Ответить владыке вызвался маркграф Рюдегер Бехларенский:

– Я помню Кримхильду ещё малым ребёнком. Да и братьев королевы тоже знаю с колыбели. Зовут их Гунтер, Гернот и Гизельхер. Могу сказать, что они умны, бесстрашны в бою и свято охраняют честь своего рода.

– Скажите по совести, – спросил Этцель маркграфа, – возможно ли меж нами супружество? И вправду ли Кримхильда столь красива, как о ней говорят?

– Государь, как ни прекрасна была Хельха, а Кримхильда всё же превосходит её красотой. Счастлив будет тот, кто возьмёт её в жены.

– Тогда отправляйтесь сватать за меня Кримхильду! – решил Этцель. – И знайте, что если наступит день, когда мне удастся возлечь с ней на ложе, вы, Рюдегер, будете щедро вознаграждены за труды. Коль вы готовы ехать, вам и свите немедля выдадут всё необходимое: скакунов, оружие, одежду.

– Нет, государь, – учтиво ответил ему Рюдегер, – не пристало мне тратить ваше достояние. В прежние времена вы были так щедры ко мне, что я не введу вас в новые расходы.

– В добрый путь! – сказал Этцель. – Я буду молиться об успехе сватовства, и да поможет вам моя удача.

– Я постараюсь отправиться как можно скорее, – сказал маркграф. – Но перед тем подберу оружие и одежду, чтобы на Рейне мы выглядели достойно. С собой я возьму пятьсот бойцов. Хочется мне удивить бургундов. Пусть,

увидев нас, скажут они: «Должно быть, богат и славен их король, если может разом отправить в посольство столько воинов!» А напоследок добавлю я, государь, вот что. Пусть не смущает вас, что Кримхильда когда-то любила Зигфрида. Вы помните его, он гостил в вашей стране. То был истинный рыцарь, и едва ли знал свет воина более доблестного.

– Если она была супругой столь славного и высокородного витязя, – сказал Этцель, – то и мне не зазорно искать её руки. Кримхильда от этого вдвойне желаннее для меня.

– Тогда я сообщу Готелинде, моей любимой супруге, что вы отправляете меня сватом к Кримхильде, – заключил Рюдегер. – Сборы же я обещаю закончить в двадцать четыре дня.

Узнав от мужниного гонца, что Этцель собрался свататься к Кримхильде, Готелинда испытала разом и радость, и горе. Лестно ей было, что муж её избран королевским сватом, но и забыть добродетельную Хельху она тоже никак не могла.

Задумалась Готелинда, какую королеву пошлёт ей судьба? Будет ли она добра к ней? Снова вспомнила добрым словом Хельху и подавила печальный вздох.

Рюдегер, изготовившись с усердием исполнить свой долг, вскоре покинул Венгрию, а Готелинда с дочкой стали ждать его возвращения.

По пути маркграф заехал в Вену, чтобы взять одежду для своих людей. Немало ценного везло с собой посольство

Рюдегера, однако охрана его выглядела столь грозно, что в пути никто не покусился на них.

Вскоре маркграф привёл своих бойцов в Бехларен, и, заботясь о каждом, разместил их в удобных палатах.

Готелинда безмерно радовалась приезду мужа, но дочь его была рада ещё сильнее. Давно хотела она повидать отца, да и посмотреть на гуннов ей тоже очень хотелось.

– Приветствую вас, отец мой и его воины! – с улыбкою произнесла дочь маркграфа.

Витязи учтиво поклонились ей в ответ.

Готелинде хотелось расспросить мужа о поездке, потому ночью в постели она обратилась к нему:

– Друг мой, скажите, в какие края посылает вас владыка гуннов?

– Государь отрядил меня сватом к бургундам, – сказал Рюдегер. – Ищет он подругу взамен прекрасной Хельхи и выбор его пал на Кримхильду. Она должна разделить с ним власть над землями гуннов.

– Да пошлёт тебе Господь удачу. О Кримхильде говорят немало хорошего, – ответила ему жена. – Надеюсь, она, как и Хельха, станет верной женой королю, а нам доброй госпожою.

– Моя дорогая супруга, – обратился маркграф, – я прошу тебя подготовить достойное платье для витязей, что отправятся со мной на Рейн.

– Каждого из воинов, кто будет готов принять дар из моих рук, я одену как нельзя лучше, – пообещала маркграфиня.

Из кладовых принесли лучшие меха и шелка, и вскоре дамы сшили из них плащи для доблестных воинов. Рюдегер помогал супруге в выборе ткани, и свита была с ног до головы одета в прекрасные новые одежды.

На рассвете седьмого дня Рюдегер со своими людьми выдвинулся через баварские земли в Бургундию. Отряд снова вёз с собою немало ценностей, но разбойники опять не посмели напасть на него.

Минуло двенадцать дней и посольство прибыло на Рейн. Братьям-королям немедля доложили о том. Гунтер собрал вельмож и спросил, знает ли кто-нибудь, что за люди явились к ним. Глядя на чужаков, бургунды удивлялись пышным одеждам и обилию поклажи – по всему было видно, что явились к ним люди богатые и высокородные. Гостей уже разместили на отдых, а во дворце, да и во всём Вормсе, не стихали разговоры: что это за чужеземцы и из каких краёв они прибыли?

– Знаешь ты, кто эти люди? – обратился король к Хагену.

– Попробую ответить, – сказал владетель Тронье, – но сначала хорошо бы посмотреть на них. Если и тогда нечего мне будет сказать вам, значит, явились они из совсем уж отдалённых земель.

Послы отдохнули, переменили дорожные одежды на прекрасные, искусно скроенные наряды, и всей свитой поехали в королевский дворец.

Много повидавший в жизни Хаген посмотрел на них из окна и сказал Гунтеру:

– Хоть давно не был я у Этцеля, но готов поручиться, что едет к нам Рюдегер, доблестный маркграф из Бехларена.

– Не может быть, – ответил Гунтер. – Зачем бы ехать ему сюда из края гуннов?

Хаген вместе с друзьями отправился во двор встречать славных гостей. Те уже спешили – пятьсот бойцов, все в пышных платьях и сияющих доспехах.

Приём гунны встретили самый радушный.

– Приветствую вас, дорогие гости! – обратился к ним Хаген. – Бехларенский маркграф и его благородные витязи, мы рады видеть вас на Рейне.

Бургунды обступили гостей, а Ортвин Мецский с поклоном сказал:

– Не покривлю душой, если скажу, что ничей приезд ещё не радовал нас так, как ваш визит.

Рюдегер от всей души поблагодарил его, и хозяева повели посольство в дворцовый зал, где сидел Гунтер с друзьями. Король любезно поднялся с трона и направился навстречу гостям. Следом за братом к приезжим подошёл и Гернот. С большим радушием ответив на приветствие, короли учтиво взяли маркграфа за руки и в знак уважения усадили рядом с собой. Кравчий нацедил приезжим лучших медов и вин, какие только есть в прирейнских краях.

Тут явился на встречу с гостями Гизельхер, а с ним вместе Гере, Данкварт и Фолькер. Все они тепло поздравили посла с прибытием. Им, равно как и остальным, была приятна эта встреча.

Хаген обратился к Гунтеру:

– Должны мы проявить к гуннам большое уважение. Муж добродетельной Готелинды – наш старый и верный товарищ. Окажите самый радушный приём ему самому, а также его дружине и слугам.

– Расскажите, что происходит в далёких гуннских землях? – стал спрашивать бургундский владыка. – Надеюсь, Этцель и Хельха здравствуют, как и прежде?

Рюдегер и все, кто был с ним, встали.

– Если вы желаете узнать, что за события происходят у нас в стране, дозволейте сообщить вам весть, с которой мы прибыли сюда.

– Маркграф, – сказал Гунтер, – принимать вас у себя большая честь, и я готов выслушать вас немедленно.

– Мой великий король Этцель велел передать уверения в своей преданности и шлёт вам, вашим приближённым, а также всем вормсцам поклон. Ещё сообщает он о своём большом горе. Его супруга, прекрасная Хельха, отошла в мир иной и осиротила своих подданных. Весь двор и гуннский край объаты печалью, а Этцель никогда не сможет забыть своей утраты.

– Да воздаст Господь владыке гуннов за добрые чувства, которые он питает к нам, – ответил Гунтер. – Все мы рады его приветствию и со своей стороны всегда готовы служить ему.

Отважный Гернот молвил:

– Сильную боль причинили вы нам, рассказав о смерти Хельхи. Мы глубоко чтим её за добродетели.

Многие вормсцы согласились со словами короля.

– Ещё мой господин велел передать, – снова заговорил Рюдегер, – что, схоронив Хельху, сильно затосковал он от одиночества. И слышал наш владыка, что погибший во цвете лет Зигфрид оставил вдовой красавицу Кримхильду – поэтому, если вы на то согласны, гуннский властитель просит у вас руки прекрасной королевы, чтобы разделить с ней престол.

Учтивый Гунтер сказал на это:

– Я отвечу после того, как спрошу Кримхильду, по нраву ли ей ваше предложение. Через три дня приходите за ответом, я сообщу решение королевы.

Бургунды хорошо позаботились об убранстве гостевых покоев, и Рюдегер сразу понял – здесь его окружают друзья. Все вормсцы заботились о нём, будто о родственнике, а Хаген старался больше всех. Он дружил с маркграфом в те далёкие времена, когда гостил в гуннских землях.

Король меж тем распорядился, чтобы его вассалы и родня держали совет, должна ли Кримхильда выходить замуж за Этцеля.

Все единодушно согласились отдать королеву в жёны гуннскому владыке, и только один Хаген был против:

– Обдумайте ещё раз ваше решение, – сказал властитель Тронье. – Что бы ни решила Кримхильда, мы должны помешать этому браку.

– Кримхильда моя сестра, – воскликнул Гунтер, – и я не вправе мешать её счастью. Если она готова стать супругой Этцелю, мы можем лишь порадоваться за неё.

– Когда б вы знали Этцеля так, как знаю его я, – возразил Хаген, – то отвергли бы это сватовство. Если владыка гуннов возведёт Кримхильду на трон, дорого заплатите вы за своё решение.

– Не бывать тому, – ответил король. – Не верю я, чтобы наш зять смог причинить нам зло.

– Король, это плохая затея, – твердил Хаген.

Гунтер обратился к Гизельхеру и Герноту, спросил, отдавать ли Кримхильду замуж за гуннского короля, и оба брата дали согласие на брак. Один Хаген продолжал стоять на своём.

– Хаген, вы причинили Кримхильде много горя, – взывал Гизельхер Бургундский к разуму вассала. – И если уж выпала ей судьба вновь познать счастье, не след вам препятствовать её замужеству.

– Вы один повинны в том, что моя сестра полна к вам ненависти, – добавил Гизельхер. – Столь великую обиду нанесли вы ей, что никто из жён не сравнится с ней в горе и несчастьях.

– Я бы не спорил, если б не знал, о чём говорю, – ответил Хаген. – Если Этцель назовёт Кримхильду супругой, на службе у неё будет немало добрых воинов. И вот тогда она, наш давний враг, сумеет отомстить нам.

– Пустое! – ответил Гернот. – Не верю я, что Этцель или Кримхильда захотят принести нам вред. Особенно, если мы никогда не явимся во владения гуннов. А выступить против этого брака нам не позволит честь.

– Вам не переубедить меня, – упрямо повторял Хаген. – Если Кримхильда взойдёт на трон вместо Хельхи,

она непременно навлечёт на нас беду. Нет, даже и думать нельзя о её замужестве!

Юный Гизельхер вспыхнул:

– В отличие от вас, мы не враги Кримхильде. И что бы вы ни говорили, я рад её счастью. Она моя сестра и я не стану желать ей зла.

Хаген помрачнел и умолк, а братья-короли порешили, что если сестре будет угодно выйти замуж за Этцеля, они не станут ей препятствовать.

– Я без труда внушу вдове, что отвергать сватовство гуннского короля неразумно, – сказал славный Гере. – Много могучих вассалов служат Этцелю, и брак с ним станет наградой ей за все страдания.

К Кримхильде немедленно отправили гонца, отважного Гере, и он, радушно принятый королевой, сказал:

– Готовьте мне награду за прекрасную новость, госпожа. Отныне конец вашим бедам и великий почёт ждёт вас. Ваш брат державный Гунтер велел передать вам, что из далёких земель прибыло к нам посольство: сильный и славный король желает видеть вас своей супругой.

– Ни вам, ни государю не к лицу насмехаться над бедной женщиной, – ответила она. – Кому я нужна? Какую радость может дать супругу такая жена?

Узнав, что Гере не удалось убедить Кримхильду, к вдове отправились Гернот и Гизельхер. Долго внушали они ей, как братья и друзья, что она непременно должна выйти замуж за Этцеля. Короли старались, как могли, но Кримхильда осталась непреклонной.

– Хорошо, сестра, пусть будет по вашему, – согласились они, – но позвольте гуннскому послу хотя бы поговорить с вами.

– Пусть приходит, – ответила она. – Рюдегер достойный рыцарь и всегда был любезен мне – если б сюда приехал иной посол, вовеки не допустила бы я его к себе. Передайте гонцу, чтобы пришёл ко мне для разговора завтра поутру. Я сама объявлю маркграфу о своём отказе.

С тем королева снова погрузилась в печаль и скорбь.

Славному Рюдегеру только и надо было, чтобы разрешили ему повидаться с Кримхильдой. Мудр был маркграф и светел разумом, он верил, что сумеет убедить вдову.

Когда в храме окончилась ранняя обедня, многие пришли поглядеть на гуннского гонца, который вместе со свитой, одетой в дорогие платья и золочёные доспехи, шёл к Кримхильде. Та всю ночь печалилась, не смыкая глаз, а рано поутру села возле окна. На ней, как обычно, были вдовьи траурные одежды, зато дамы из её свиты разоделись со всей пышностью.

Маркграф вместе с одиннадцатью спутниками вошёл в её покои. Кримхильда встала ему навстречу и приветствовала у самого порога, чтобы показать, сколь уважаем ею вошедший.

Вдова предложила гостям свободные стулья. Множество милых дам сидело вместе с нею, а вот бургундских вельмож, за исключением смелого Эккеварта и Гере, не было вовсе. В покоях Кримхильды не цвели улыбки и не слышался смех – все сочувствовали горю вдовы. У самой

же королевы, как успел заметить зоркий бехларенец, от безутешных слёз вымокло платье. Посол встал, учтиво поклонился и сказал:

– Госпожа, позвольте мне сообщить новость, ради которой мы прибыли сюда.

– Я всей душой рада вам, – ответила она. – И с большой охотой выслушаю вас.

Впрочем, многие сразу догадались, что не по сердцу ей придётся весть, принесённая из гуннских краёв.

– Меня вместе со свитой отправил к вам мой государь Этцель, – сказал вдове бехларенец. – Он просит вас, Кримхильда, чтобы согласились вы стать его женой. Гуннский властитель предлагает вам свою любовь и верность и хочет в мире и согласии жить с вами до самой могилы. Так, как жил он с покойной ныне Хельхой, оплакивал которую много дней и ночей.

– Маркграф, – ответила Кримхильда, – если бы вы знали, как сильно гнетёт меня тоска по умершему супругу, то не стали бы уговаривать меня согласиться на брак с другим. Ведь мне довелось узнать любовь лучшего из мужчин.

Однако посол продолжал стоять на своём:

– Если болит у вас душа, найдите мужа по сердцу и снова оживёте. Ничто не лечит лучше, чем преданность и верная любовь. Мой повелитель – обладатель двенадцати корон и всеми повенчает он вас, когда станете вы его супругой. Вы будете вольны распоряжаться в тридцати государствах, что находятся под его дланью. У вас, как и у

покойной Хельхи, на службе будет множество доблестных бойцов, а свиту вашу составят самые высокородные дамы и девушки. Этцель обещает, что коль согласитесь вы на брак, то станете править государством гуннов столь же полновластно, как правила Хельха.

– Но рассудите сами, – сказала вдова, – как могу я, изведав столько страданий, снова вступить в супружество? Столько мною пролито слёз, что отныне и до самой смерти никому я не стану женой.

– Ваши слова несправедливы, – возразили гунны. – Новый брак даст вам всё, что пожелаете – почёт, богатство, счастье. Супруг станет предугадывать каждое ваше желание, и то же самое будут делать его слуги и ленники. Из дев, что служили Хельхе, и тех, что сейчас служат вам, у вас составитя свита столь прекрасная, что съезжаться к вам будут рыцари со всех краёв света. От всей души просим, не отвергайте наше предложение.

– На сегодня мы закончим нашу беседу, – учтиво молвила Кримхильда. – Но если завтра утром вы снова придёте сюда, я сообщу вам своё окончательное решение.

На этом гуннские посланники оставили королеву.

Когда посол и его спутники ушли, Кримхильда призвала к себе в покои Гизельхера и Уту и объявила, что никогда более не пойдёт замуж и остаток жизни проведёт, тоскуя и печалась о Зигфриде.

– Гунны пообещали мне, – молвил Гизельхер, – что, став их королевой, ты забудешь грусть, ведь Этцель, как ни посмотри, лучший из женихов. От Роны и до Рейна нет

короля более прославленного, и пойдя с ним под венец, ты, без сомнения, снова обретёшь радость.

– Брат мой, как можешь ты говорить такие слова? – горько удивилась вдова. – Покуда теплится во мне жизнь, мой удел – слёзы. Да и как сможет украсить гуннский двор та, чья красота давно и безвозвратно исчезла?

Королева Ута молвила ей ласково:

– Дитя моё, послушайся совета братьев. Для своего же блага послушай их. Слишком долго печаль терзает твою душу.

Задумалась Кримхильда. Выйдя замуж, она снова будет богата и вольна одарять слуг золотом и платьем. Именно об этом она так часто просила Господа с тех пор, как безвременно погиб Зигфрид.

– Но ведь я христианка, – спохватилась вдруг вдова, – и невместно мне выходить замуж за язычника, не то придётся жить в стыде до самой смерти. Нет, Этцелю не прельстить меня своим могуществом.

Хоть и приняла решение дочь почтенной Уты, однако размышлений не оставила, день и ночь продолжала думать и рыдать о своей доле. Прекратила плакать лишь тогда, когда настало время отправляться в храм к заутрене.

После заутрени, идя из Божьего храма, братья снова завели речь о том, что не след ей отвергать руку гунна, но Кримхильда опять не захотела внять их советам.

Затем к ней в покои пригласили послов. Тех уже утомило ожидание, и они хотели услышать в ответ либо «да», либо «нет», и потом на долгие годы распротиться с бур-

гундами. Маркграф сказал радушным хозяевам и их сестре, что не может больше ждать, ведь им предстоит ещё неблизкий путь домой.

Кримхильда встретила Рюдегера у порога. Он принялся вновь уговаривать её выйти замуж за Этцеля. И снова услышал, что вдова не желает вступать в повторный брак.

– Госпожа, – произнёс маркграф, – зачем бесполезно губить свою красу, когда вы могли бы подарить счастье новому мужу?

Долго блистал красноречием посол, пока в конце концов не убедил вдову, что брак облегчит её горе и вознаградит за годы, которые она провела в печали.

– Утрите слёзы, владычица моя, – промолвил он. – Да будь я даже единственным вашим другом у гуннов, и тогда никто не спас бы оскорбившего вас от возмездия.

Услышав это, вдова утешилась и попросила маркграфа:

– Тогда поклянитесь, что воздадите за меня любым врагам.

– Клянусь!

Он встал перед ней вместе со своими вассалами, крепко стиснул её руку в своей и во всеуслышание поклялся во всём служить Кримхильде и без промедления обнажить меч, если это будет нужно для защиты её чести.

Но даже и в этот миг, соглашаясь на брак с Этцелем, вдова осталась верной своему первому мужу. «Пусть ославит меня молва, – решила королева, – но что мне до того, если я найду меж гуннов друзей и с их помощью отомщу

врагам за смерть Зигфрида. Немало храбрецов находится под властью Этцеля, и я сумею привязать их к себе – не трудно быть щедрой при богатом муже. В Вормсе же скаредный Хаген отнял у меня мой клад».

– Я могла бы дать согласие на брак, – молвила вдова, – но ваш король язычник и не собирается креститься. К лицу ли мне, христианке, идти за такого мужа?

– Пусть эти мысли не тревожат вас, – ответил ей сват. – У Этцеля на службе состоит немало христиан, и вам не придётся страдать без единоверцев. К тому же, что мешает вам склонить его к крещению? Нет, я не вижу препятствий для того, чтобы соединиться вам узами супружества.

– Соглашайтесь, сестра, – снова обратились к ней братья. – Давно пора позабыть вам грусть и тоску.

И так они втроём упрашивали Кримхильду, что дала она согласие на брак с владыкой гуннов.

– Я готова отправиться вместе с вами в край гуннов, – сказала вдова, пожимая руку маркграфу. – Но прежде я позову с собой тех, кто решится сопровождать меня в далёкие края.

– Я вижу при вас только двух витязей, – сказал бежларенец. – Со мной же их пятьсот. Такая рать будет нам надёжной защитой в дороге а посему не набирайте свиту в Бургундии. Медлить не стоит, поспешим с отъездом. Поверьте, я помню свой обет и беспрекословно исполню его, или пусть позор и бесчестье падут на мою голову и головы моих вассалов. Послушайте дружеского

совета: велите слугам готовить сбрую, а сами собирайте в дорогу дев. Немало рыцарей захотят примкнуть к нам, когда увидят их.

У Кримхильды оставались кое-какие запасы с тех давних дней, когда она вместе с покойным Зигфридом приехала в Вормс. Королева сумела достойно снарядиться в путь – хватило и одежд, и крепких сёдел.

Запас платья вдова сохранила ещё с прежних времён. Теперь она распределила его между спутницами, чтобы тем не пришлось краснеть за своё невзрачное убранство, когда приедут они к богатому и пышному двору короля гуннов. Четыре с лишним дня королева разбирала ларцы и скрини, затем приказала открыть кладовые, чтобы достойно наградить людей посла. Хоть она и лишилась клада нибелунгов, но и того золота, что у неё не отняли, не вывезти было на ста лошадях.

Хаген и тут стал противиться её приказу.

– Я не жду, что Кримхильда простит меня, – сказал он, – и не отдам ей ключей от кладовых, чтобы не навлечь на нас беду. Я прекрасно знаю, как она хочет распорядиться золотом. Вдова раздаст его моим врагам, а потом натравит их на меня, будто собак на вепря.

От таких речей Кримхильда разрыдалась. Братья-короли взялись помочь ей, но даже им надменный вассал ответил отказом. Рюдегер же, улыбнувшись, сказал вдове:

– Госпожа, не тужите о золоте. Этцель так влюблён, что не пожалеет для вас своей казны. А её, поверьте, вам не растратить и до самой смерти.

– В мире нет королевы, – ответила она, – которой принадлежал бы клад, подобный моему. Но вероломный Хаген наложил на него руку.

Гернот услышал о новых бедах Кримхильды и, устыдившись, сам пошёл в сокровищницу. Распахнув двери, он своей королевской рукой вернул сестре тридцать тысяч марок, а затем вместе с нею принялся оделять гуннов золотом. Гунтер, видя это, радовался всей душой.

Этцелев посол однако же сказал:

– Государь, пусть даже королеве вернут весь клад нибелунгов, ни я, ни моя госпожа не примем его. Спрячьте деньги, в них нет нужды. Я и сам привёз сюда немало золота, его с лихвой хватит на обратный путь. Прошу, не гневайтесь, но я ничего не приму от вас.

Девы Кримхильды меж тем, не мешкая, грузили добро королевы в двенадцать сундуков, да так, что ухитрились набить их доверху одним только чистым золотом. Только десять сотен марок и не смогло поместиться там, и Кримхильда раздала их по храмам, чтобы там усердно молились за Зигфрида.

– Найду ли я в родном краю друзей, что готовы последовать за мной в страну гуннов? – обратилась вдова к бургундам. – Тот, кто согласится ехать, получит из моей казны деньги на покупку платья и скакунов.

Храбрый Эккеварт так ответил ей:

– Королева, уже много лет состою я у вас на службе, и что бы ни случилось, всегда оставался верен вам. Столь же преданным слугой намерен я пребывать и дальше. К гуннам

со мной отправятся пятьсот воинов, они послужат вам надёжной защитой. Только смерть заставит меня разлучиться с вами.

Королева в ответ на такие слова признательно поклонилась витязю.

Настало время отъезда, во двор привели запряжённых коней. Глаза Кримхильдиных друзей заволокли слёзы. Уту и многих дам переполняла грусть – очень жаль им было расставаться с королевой.

Сто знатных юных дев отправились вместе с Кримхильдой, и та, как и подобает, пышно одела их. Безутешно рыдали они в тот день от горя, но вскоре у гуннов нашлись для них утешители.

Как велят обычаи, млад Гизельхер и Гернот, вместе с дружиной в тысячу воинов, долго сопровождали свою сестру. Брат их Гунтер вернулся домой с половины дороги. Начальник кухни Румольт и Ортвин, а также благородный Гере до самого Дуная с большим усердием заботились о том, чтобы у путешественников не было ни в чём нужды. Перед отъездом из Вормса Рюдегер отправил к Этцелю гонцов с известием, что маркграф сумел добыть своему владыке в Бургундии жену и везёт прекрасную Кримхильду к гуннам.

ЦВЕТУРА XXI

О ПУТЕШЕСТВИИ
КРИЛХИЛЬДЫ
К СУННАМ

Теперь мы оставим гонцов и поведаем о том, как посол вёз невесту в гуннские края. Гизельхер и Гернот в течение многих дней сопровождали её и бехларенца и, лишь достигнув Пфферринга, что стоит на берегу Дуная, попросили разрешения вернуться домой на Рейн. Пролив немало слёз, братья расстались с сестрой и расстались они друзьями.

– Сестрица, не забудь, – молвил юный Гизельхер, – если кто обидит тебя или попадёшь ты в беду, зови меня на помощь и я примчусь по первому зову.

Дружинники маркграфа простились с бургундами, вдова в последний раз прижала к груди родных и близких и поспешила в путь. Вместе с ней ехали сто четыре девушки в дорогих одеждах из разноцветных, играющих на солнце шелков, а также множество бехларенских бойцов, каждый при копье, щите и булатном мече.

Путь Кримхильды лежал через баварский край на Пассау, где Дунай сливается с Инном. Там и доньне стоит

старинный монастырь. Владел городом в те времена святой муж епископ Пильгрим.

Когда стало известно, что к ним направляется дочь Уты, епископ отправился навстречу приезжим. Он был в родстве с Кримхильдой – приходился ей родным дядей, и весь Пассау вышел за ним следом. Не зря торопились баварцы увидеть гостей – девицы из свиты королевы тут же пленили их взоры. Каждый воин желал познакомиться с ними.

А пока епископ Пильгрим и его племянница Кримхильда находились в пути, городские купцы подготовили для них торжественную встречу.

Епископ просил королеву задержаться в Пассау, но Эккеварт сказал ему:

– Мы приносим извинения, но погостить нам здесь не удастся – в Бехларене очень ждут приезда королевы.

Готелинда с дочерью меж тем готовилась к приезду супруга и бургундских гостей. Жена маркграфа была предупреждена, что вдове надо выказать должное почтение, поэтому Готелинда собрала дружину и выехала из города, чтобы встретить путешественников на Эннсе. За ними следом – кто верхами, кто пешком – двинулся и остальной люд.

Кримхильда со свитой добралась до Эфердинга, что стоит в баварской земле. А там, нужно сказать, на дорогах с незапамятных времён беспокойно и многие промышляют разбоем. Разбойники вполне могли бы ограбить и свадебный поезд Кримхильды, но Рюдегер и днём и ночью был настороже. С ним вместе путешествовало более тысячи

бойцов, да к тому же множество вассалов следом за маркграфинею выдвинулись встречать невесту на Эннс.

Переправив приезжих за Траун, сват доставил их к Эннсу, где стараниями Готелинды были уже разбиты шатры, и имелось всё нужное для отдыха и утоления голода.

Маркграфиня со свитой выехала навстречу королеве. Издалека был слышен звон бубенцов, нашитых на сбрую коней – вдоль дороги вассалы Готелинды то и дело устраивали ратные игрища в честь королевы, и Кримхильда была тронута таким вниманием. Чем ближе подъезжали удалцы к бургундским дамам, тем больше ломалось крепких копий – бойцы выказывали чудеса отваги, ведь прекрасные очи следили за ними.

Но вот схватки затихли, два поезда встретились и отовсюду раздались приветственные кличи. Рюдегер направился навстречу супруге, а та, увидев его живым и здоровым, тут же забыла свои печали и страхи. Муж её вернулся, и вернулся он не один, а с красавицей-вдовой. Обменявшись приветами со своей супругой, маркграф велел вассалам помочь женщинам сойти с лошадей, и витязи были рады возможности услужить милым дамам.

Увидев, что маркграфиня спешила и в окружении подруг направляется к ней, Кримхильда с помощью приближённых тоже сошла с коня на землю. Толпа с почтением расступилась перед королевой, гостя сердечно обнялась с Готелиндой.

– Госпожа Кримхильда, – учтиво сказала жена маркграфа, – я от всей души рада вас видеть и поздравляю

с прибытием в наши края. Вы, слухи не лгали, действительно самая прекрасная женщина в мире.

– Да воздаст вам Бог за доброту, – ответила вдова. – А я, пока жива сама и пока жив мой жених Этцель, могучий сын Ботлунга, всегда буду вашей должницей.

Ах, тогда они ещё и не подозревали о своей злосчастной судьбе!

Красавицы бургундки устремились к пригожим бехларенкам и расселись на траве, чтобы за беседой свести знакомство поближе. Витязи были здесь же и всячески старались угодить дамам. Хозяева распорядились подать гостям вина и сладких медов. В полдень дамы снова сели на лошадей и переехали в просторные шатры, где и укрывались от жары до наступления вечерней прохлады. Там же провели они и ночь.

Маркграф тем временем оставил гостей и отбыл в Бехларен, чтобы лично убедиться, всё ли готово к приезду путешественников.

Город принял чужеземцев с большим радушием, все окна и двери распахнулись им навстречу. Для всех нашлись покои в Бехларене и каждый гость остался доволен приёмом.

Увидев, что мать везёт Кримхильду в замок маркграфа, дочь Рюдегера вышла со свитой им навстречу и поклонилась новой королеве.

Множество знатных девушек сошлось там с обеих сторон. Познакомившись и взявшись за руки, они отправились в главный зал. Размерами и красотой убранства он

поразил взоры гостей, а под окнами его день и ночь шумел широкий Дунай. Там путницы и отдыхали всё утро. Мне неизвестно, как проводили время девицы, знаю только, что витязи, не стесняясь, выражали недовольство: бургундам надоело столь долгое путешествие, а бежларенцам же не терпелось отправиться в дорогу вместе с прекрасными спутницами.

Радушие Рюдегера так тронуло Кримхильду, что она подарила юной маркграфине двенадцать золотых запястий и своё лучшее платье с узорчатой вышивкой. И хотя лишилась она бесценного клада нибелунгов, однако же располагать к себе людей отнюдь не разучилась. Поэтому, оставшись щедрой даже в скудости, сумела одарить подарками весь двор маркграфа.

Готелинда не осталась в долгу и всем без исключения бургундским витязям вручила от себя щедрые дары: праздничные одежды и множество слепивших взгляд драгоценных камней. Когда гостья садилась в седло, хозяйка так тепло и почтительно служила ей, что королева в благодарность обняла её дочь.

– Я знаю, что батюшка был бы рад видеть меня вашей придворной, если на то будет ваше разрешение. А для меня это было бы высшей наградой, – сказала напоследок девица, чтобы выказать свою верность.

Простившись с Готелиндой и дочерью маркграфа, Кримхильда вместе с дружиной и свитой направилась к городской ограде. Бежларенки долго махали им вслед руками.

Гости без остановок добрались до замка Мельк – его владелец Астольд встретил их на дороге и немедля велел подать гостям вина в золотых чашах. От Астольда Кримхильда узнала, что ей предстоит спуститься вдоль Дуная до Маутерна, а там уж они не собьются с дороги: австрийцы повсюду собираются встречать их. Тут епископ тепло простился со своей племянницей и пожелал ей жить с мужем в счастье и согласии, а также попросил, чтобы она, как и Хельха, заботилась о подданных. Да, высоко вознеслась теперь Кримхильда!

Поезд прибыл в Трайзен на закате. Бехларенцы оттуда отправились домой: в их охране больше не было нужды, навстречу путешественникам уже спешили гунны.

Там на речном берегу стоял знаменитый красивый, крепкий и просторный замок Трайзенмауэр. Этцель с королевой Хельхой часто жила в нём.

Кримхильда стала достойной заменой Хельхе. И в щедрости, и в справедливости бургундка не уступала покойной, за что и чтили её в гуннском краю, где после многих горестей она снова ожила душой. Слава об Этцелевом дворе шла по всей земле, и отовсюду стекались туда ищущие службы удалцы. С каждым был учтив гуннский король, и не делал различий меж бойцами христианской и языческой веры. Теперь такого обращения уже не встретишь. Любой человек, служивший владыке гуннов, какой бы веры он ни держался, за верность щедро вознаграждался государем.

ЦВЕТОВА XXII

О СВАДЬБЕ КРИХИЛЬДЫ И ЭЦЕЛЯ

Все три дня, что Кримхильда гостила в Трайзенмауэре, к замку стекались вассалы короля. И было их столь много, что по дорогам плыла густая пыль, словно загорелись окрестные поля.

Меж тем приближённые сообщили Этцелю, что Кримхильда, забыв о прежних горестях и боли, прибыла в его страну. Великий король тут же выдвинулся навстречу невесте в сопровождении бойцов из самых разных стран. Были тут и русы, и греки, и валахи, и поляки. Вздывая на дыбы лихих коней, с громкими криками неслись они за королём, и каждый старался выделиться бесстрашием и ловкостью. Печенеги, тут были и они – мчались шумливой и дикой толпой, били влёт любую птицу меткими стрелами. Вслед за ними скакали бойцы из Киевской земли. Множество воинов, чьи речь и вид были незнакомы Кримхильде, собрались в австрийском Тульне, что стоит на Дунае. И все они впоследствии из-за её мстительности укрылись могильной землёй.

Выказывая уважение к своей невесте, владыка гуннов послал ей навстречу две дюжины князей и королей, что были его вассалами. Каждый из них был знатен и учтив и каждый жаждал поскорее увидеть преемницу Хельхи. Вместе с дружиной из семисот воинов явился в Тульн храбрец из храбрецов валашский герцог Рамунг. На скакунах, что быстрее птиц, прибыл король Гибих. С ними и отважный Хорнбог тоже отправился встречать невесту Этцеля – за ним следовало десять сотен вассалов.

С шумом и гиканьем, как и следовало по гуннскому обычаю, лихие наездники влетели в городские ворота.

Датчанин Хаварт, тюрингский удалец Ирнфрид, прославленный храбрец прямодушный Иринг, и другие Этцелевы вассалы в сопровождении тысячи двухсот бойцов с достоинством предстали перед дорогой гостьей. Брат Этцеля высокородный Бледель во весь опор примчался к своей будущей невестке. Затем прибыл сам Этцель и Дитрих Бернский. За королём скакали бесчисленные толпы гуннов, и при виде такого множества воинов печаль Кримхильды исчезла без следа.

– Приехал ваш супруг, – сказал ей Рюдегер. – Вам следует поцеловать его высокородных вассалов, на которых я укажу.

Невесте короля помогли сойти с коня на землю. Два знатных властителя несли шлейф за Кримхильдой. Державный Этцель, не в силах дольше медлить, заторопился навстречу той, с кем был счастлив разделить трон и власть.

Невесту подвели к Этцелю и она поцеловала его в знак приветствия.

При этом с золотых волос её сползла повязка, лицо зарделось пленительным румянцем, и всякий тогда решил, что она ещё прекрасней Хельхи.

Первым пожелал расцеловаться с ней Бледель, и Рюдегер посоветовал невесте принять его поцелуй. За ним настала очередь Гибиха и Дитриха Бернского. Затем было ещё двенадцать витязей, а оставшихся воинов невеста поприветствовала поклоном.

Молодёжь тем временем затеяла ратные игрища – юность всегда готова блеснуть на поле чести. И бились они бок о бок, не разбирая, кто из них язычник, а кто христианин.

Как великолепно Дитриховы люди умели метать дротики! Делали они это с такой силой, что стальная защита прошивались ими насквозь. И, надо сказать, немало щитов было пробито немцами в тот день. Звенело оружие, пыль, словно туча, висела над сражением – и гости Этцеля, и гунны, все бились с изумительной доблестью, пока король не подал знак о прекращении турнира.

Затем он проследовал с невестой в великолепный шатёр, что стоял в окружении палаток размером поменьше. Там утомлённые женщины нашли желанный отдых.

В шатре для королевы Рюдегер установил великолепный укрытый дорогими коврами трон. Сам владыка гуннов, увидев его, пришёл в восторг и поблагодарил вассала за старание.

Неведомо, о чём беседовали Этцель и бургундка, но известно, что государю пришлось смирить свою страсть, ибо маркграф до свадьбы позволил им лишь рукопожатия.

Ратные забавы меж тем достойно окончились. Витязи расстались довольные собой и противниками. Снова повсюду воцарились покой и тишина – люди Этцеля разошлись по палаткам для отдыха.

Воины безмятежно проспали всю ночь, а когда заря рассеяла мрак, проворно поднялись на ноги и снова устремились на ристалище, чтобы продолжить турнир в честь Этцеля. Затем королевский поезд направился из Тульна в Вену. Там их уже ждали, и множество знатных дам и витязей вышло встречать свою новую госпожу. Всё было готово для встречи. Король решил почтить невесту самой пышной свадьбой. Народу прибыло столь много, что разместить всех в одной лишь Вене было невозможно, и тех, кто не был гостем короля, Рюдегер поселил в селениях за городской чертой.

Кримхильду с утра и до вечера окружало множество знатных витязей. Рюдегер и Дитрих, два благородных воина, не отходили от неё ни на шаг. Остальные гуннские вельможи, не жалея сил, старались угодить гостям.

Король вступил с Кримхильдой в законный брак на Троицу. О таком могуществе она раньше не могла и мечтать: ведь даже доблестный Зигфрид, её прежний муж, не мог держать столько слуг и дружинников.

Королева раздала гостям столько дорогих подарков, что витязи в изумлении шептались:

– Говорили, Кримхильда живёт в бедности, а на деле оказалось, она по-прежнему не ведёт счёта деньгам.

Семнадцать дней продолжался в Вене весёлый пир, и было бы пустым хвастовством сказать, что этот мир видел свадьбу богаче. Всех прибывших Этцель одел в новые одежды. Никогда, ни в прежние, ни в наши дни, не раздавал государь в подарок плащей столь просторных и удобных, какие раздал Этцель всем приехавшим на свадьбу.

Знатные гости не отставали от хозяев, раздавали щедрой рукой всё, что имели. Никто там не слышал слова «нет», и так уж вышло, что многие отправились домой, имея только одежду, в которой приехали.

Но Кримхильда и в этот радостный час не могла забыть Зигфрида. Непрошенные слёзы то и дело закипали в её прекрасных глазах и одной лишь силой воли сдерживала она их, дабы не омрачить праздник гостям и новому супругу.

Как уже было сказано, скупости не было места на том пиру, и всё же Дитрих Бернский оказался многократно щедрее других вельмож: он раздал всё, что получил за службу у Этцеля. Рюдегер тоже не отставал от Дитриха, да и Бледель, властелин Венгрии, к восторгу гуннов и чужеземцев опорожнил немало сундуков с серебром и золотом. По десять сотен марок, а то и более, досталось двум храбрым шпильманам Этцеля – Вербелю и Свеммелю.

Так прошла свадьба гуннского короля и прекрасной бургундки Кримхильды.

Через семнадцать дней молодожёны покинули Вену, и на протяжении всего пути до самого прибытия на родину гунны устраивали в честь новобрачных ратные игрища.

Путешественники встали на ночлег в старинном Хаймбурге, и такого наплыва гостей город не знал за всю свою историю. Несметными были дружины Этцеля и множество красавиц цвело в его землях! В богатом Майзенбурге свадебный поезд пересел на суда, и река стала более напоминать сушу – столько людей и коней оказалось там, что за ними не было видно воды.

Гунны соединили свои ладьи так, чтобы речное течение и волны не могли разделить их. На палубах установили множество шатров, и путешественники словно бы стояли на земле, а не плыли по речной глади.

Этцель отправил гонцов в свой замок. Те рассказали о новой королеве, и все обитатели замка возрадовались. Свита Хельхи поняла, что и при новой госпоже жить им будет не худо. Кримхильду там встретило множество высокородных девиц – одних лишь королев среди них было семь. Когда Хельха скончалась, их приняла под своё крыло её племянница Геррата, дочь славного короля Нентвина и супруга Дитриха. Она искренне радовалась приезду Кримхильды и раздала гостям немало богатых подарков.

Этцель был доволен женой. Он уверился, что дал своей стране достойную госпожу. Гунн свёл жену по корабельным сходням и представил ей стоявших на берегу девиц. Те с почтением поклонились, приветствуя наследницу Хельхи.

Всякий считал за честь услужить Кримхильде. А та щедрой рукой раздала всё, что привезла. Много получили от неё гунны драгоценных камней, одежды, серебра и золота.

Великую власть дал Этцель новой жене, даже Хельха не обладала такой. Множество людей, от самых знатных до самых простых, беспрекословно повиновались ей. Во время её правления страна гуннов забыла печаль. Днём и ночью шли игры и забавы в королевском замке – Этцель и Кримхильда умели так встретить гостей, чтобы каждый нашёл себе развлечение по нраву и остался доволен хозяевами.

Цвентофа XXIII

**О том, как Этцель
пригласил Бургундов
на пир**

Шесть лет прожила Кримхильда в супружестве с Этцелем. На седьмой год их брака к великой гордости отца, его дружины и всей страны гуннов Господь послал им сына. Весь гуннский край ликовал при его рождении. Королева сумела улестить повелителя гуннов, так что Этцель, будучи язычником, позволил ей окрестить ребёнка. В купели новорождённому дали имя Ортлиб.

Хельха при жизни заботилась о подданных, словно мать о детях, и Кримхильда в этом старалась быть на неё похожей. Геррата, хоть и продолжала скорбеть о покойной королеве, как могла, помогала бургундке узнать обычаи страны и нравы гуннов.

И в гуннских владениях, и в окрестных странах все только добром поминали Кримхильду, поскольку была она щедра как никакая другая королева на свете. Так во славе прожила она двенадцать с лишним лет. Не раз за это время убедилась дочь Уты, что каждый из мужниных

ратников с готовностью исполнит любые её приказания. При том часто вспоминала она великую честь, какая оказывалась ей в стране нибелунгов, и Хагена, поступившего с ней столь незаконно. И задумалась Кримхильда, как отомстить ей убийце. «Прежде всего для этого нужно, чтобы злодей оказался здесь», – решила королева.

Верно, сам дьявол снова пробудил жажду мести в бургундке. И хоть облобызалась она когда-то с Гунтером в знак примирения, вновь были влажны от слёз обиды её одежды. И днём и ночью горевала она, что стала женой язычнику. Но кто заставил её? Кто в том виноват? Всё те же самые Гунтер и Хаген, убившие Зигфрида.

Отныне все мечты её были лишь о мести. «Раз я теперь снова в силе, – думала она, – должна я сполна отомстить моим обидчикам. Пришёл для Хагена с Гунтером час расплаты, поскольку не забыла я, кто отнял у меня Зигфрида. И если судьба снова сведёт меня с ними лицом к лицу, оба они заплатят за свои деяния».

Каждый из вассалов был предан своей королеве, и никто в державе не посмел бы ослушаться её. Не зря достойный Эккеварт, казначей Кримхильды, раздавал гуннам богатые дары от имени королевы.

И вот какой план созрел в голове у жены Этцеля. «Мой муж добр, и если я попрошу, охотно согласится позвать в гости бургундских королей вместе с Хагеном», – решила она.

Если б кто мог знать тогда, сколько смертей принесёт её замысел!

И вот однажды, когда король, отходя ко сну, сжимал в нежных объятиях свою прекрасную жену, она промолвила:

– Дорогой мой супруг, если я ничем не огорчила вас и вы по-прежнему довольны мною, исполните одну мою просьбу.

– Я готов удовлетворить любое ваше желание, – ответил прямодушный Этцель, любивший Кримхильду больше самой жизни.

– Очень хочу я, чтобы млад Гизельхер, Гернот и Гунтер побывали у меня в гостях. А то люди уже стали называть меня безродною.

– Владычица моя! – пылко воскликнул Этцель. – К вашим братьям я питаю самую искреннюю дружбу и, если дальняя дорога не испугает их, почту за честь оказать им гостеприимство.

Наполненное жаждой мести сердце Кримхильды возликовало от этих слов.

– Тогда уведомьте ваших шурьев в Вормсе, что сестра и зять с нетерпением ждут их в гости вместе с дружиной, – молвила королева.

– О том меня не стоит просить дважды, – заверил её король. – Увидеть сыновей достойной Уты я жажду не меньше, чем вы. Жаль, что сами они до сих пор не вспомнили о нас. Двух доблестных шпильманов отправлю я гонцами на Рейн. И если вы согласны, то уже завтра на рассвете поспешат они в бургундские края.

На заре смелых шпильманов призвали к королю. Те без промедления явились перед Этцелем и его супругой.

Король выбрал им две дюжины сотоварищей, снабдил платьем и приказал отправляться с посольством в Вормс, чтобы позвать трёх королей на честной пир.

– Скажите моим шурьям, – велел державный Этцель, – что я желаю им всевозможных благ и жду, что они придут к нам на пиршество этим летом. Передайте, что во всём свете нет для меня гостей приятней, чем они.

Отважный Свеммель, один из шпильманов, спросил:

- К какому сроку велите звать гостей?
- К ближайшему солнцевороту, – ответил король послу.
- Исполним, – заверил своего владыку Вербель, второй шпильман.

Королева же успела шепнуть гонцам, чтобы перед отъездом они зашли к ней в покои для разговора.

Да, немало добрых воинов сгубила потом эта беседа.

– Если вы окажете мне одну услугу, я обещаю богато наградить вас. Дам и казну, и платье. Когда будете говорить с моими братьями, чаще упоминайте, что живу я здесь в большом довольстве и вам ни разу не случилось видеть меня грустной. Пусть откликнутся на просьбу моего супруга и приедут хотя бы лишь для того, чтобы не смели гунны звать их сестру безродной. Скажите моему прославленному брату Герноту, что никем он так не любим, как мной. Надеюсь, что на праздник придёт он вместе с лучшими вассалами, и тем окажет мне большую честь. Передайте юному Гизельхеру, что ни разу в жизни не приходилось мне проливать слёз по его вине, и я с радостью распахну объятия тому, от кого видела лишь любовь и вер-

ность. Уте расскажите, каким почётом окружена здесь её дочь. А у Хагена, если он вдруг захочет остаться дома, спросите: разве кто-то знает пути в края гуннов лучше него? Ведь в молодости он долго жил здесь.

Не догадались посланцы, для чего Кримхильда хочет заполучить владетеля Тронье в гости. Свою недогадливость им потом пришлось искупить в жестоком бою, и Хаген дорого взял с них за свою жизнь.

Гонцам вручили послание к трём королям, а также снабдили казной и пышным платьем, чтобы им было в чём покрасоваться при бургундском дворе.

С тем Этцель и Кримхильда и отпустили их в дальнюю дорогу.

ЦВЕТУРА XXIV

**О том, как Вербель
и Свелмелъ зазвали
бургундских королей
в гости**

И хотя шпильманы ехали без задержек и промедлений, весть о том, что Этцель зовёт своих шурьев на праздник, летела быстрее них. Целыми днями не слезая с седла, мчались посланцы из страны гуннов к бургундским границам – нельзя медлить тому, кто едет с посланием могучего властелина.

По пути гонцы заехали в Бехларен. Местный маркграф Рюдегер с почётом принял гуннских послов, снабдил их всем необходимым и попросил передать от него, жены и дочери привет и поклон друзьям в Вормсе. Сыновьям почтенной Уты наказал сообщить, что всей душой уважает и чтит их. А Брюнхильду просил уверить, что искренне ей предан и всегда рад услужить.

Перед отъездом гости получили дорогие подарки, а хозяйка пообещала молить за них Творца.

В Баварии Вербель и Свеммель задерживаться были не в праве, но в Пассау на денёк всё же задержались. Не знаю, что просил передать епископ Пильгрим своей

родне, скажу лишь, что прелат отсыпал шпильманам изрядно золота и молвил:

– Скажите рейнцам, что я буду очень рад повидать детей моей сестры здесь в Пассау, ведь навестить их на родине мне вряд ли удастся.

В дороге никто не пытался ограбить гонцов Этцеля – все воры и разбойники страшились гнева гуннского владыки.

Так, спустя двенадцать дней после отъезда два доблестных шпильмана и их свита объявились в Вормсе.

Королям немедленно доложили, что приехали некие чужестранцы, и Гунтер обратился к своим придворным с вопросом:

– Знаете ли вы, кто эти люди и из какой страны они прибыли?

Ни один из вельмож не смог ответить королю. Тогда в зал спешно призвали Хагена. Он тут же узнал Вербеля и Свеммеля и доложил:

– Эти лихие шпильманы служат Этцелю. В пору моей юности мы с ними крепко дружили. И не ошибусь, если скажу, что прислала их ваша сестра. Уважая Этцеля, мы должны принять их с большим почётом.

Гонцы меж тем въехали на дворцовый двор. Столь гордых шпильманов свет ещё не видел. Толпа проворных слуг поспешно окружила их, чтобы принять вещи и оружие.

Одеты гунны были столь богато, что даже в дорожном наряде могли бы тут же предстать перед королём. Однако послы сочли, что он всё же недостаточно пышен и пред-

ложили слугам принять их одежды в дар. Меж бургундов нашлись желающие принять подарки, а послы облеклись в наряды столь богатые, что, ручаюсь головой, не припомнят ввек гонцов, одетых роскошнее. Затем их с почётом отвели в зал, где в окружении своей родни ожидал их Гунтер.

Хаген, встав с места, пошёл им навстречу, и посланцы в свою очередь поблагодарили его за учтивость. Владелец Тронье осведомился у старых друзей о здоровье Этцеля и событиях, происходящих в гуннских землях.

– Наш монарх пребывает в добром здравии, – ответил один из шпильманов, – да и край процветает.

Вербеля, Свеммеля и их спутников провели сквозь толпу витязей, заполнивших зал, и подвели к трону. Гунтер приветствовал гуннов, как и надлежит приветствовать королевских послов.

– С прибытием, господа. Что бы ни происходило, я всегда рад людям Этцеля. Поведайте мне, достойные шпильманы, с каким поручением отправил вас сюда супруг моей сестры?

– Вы совершенно правы, я прибыл сюда по воле моего владыки, – кланяясь, ответил Вербель. – Король и королева передают вам горячий привет и заверяют, что любят вас всей душой.

– Мы рады это слышать, – ответил король. – Как поживает Этцель и хорошо ли моей сестре Кримхильде в вашей стране?

– Уверяю вас, на свете нет человека более счастливого, чем она, – ответил храбрый шпильман. – Этцель, дружина,

да и вся страна живут в довольстве и радости. Когда я отправлялся к вам, и мой властелин, и вся его родичи были живы и здоровы.

– Сердечное спасибо вам, гонцы, за доставленную весть, – сказал Гунтер. – А то я уже начал тревожиться о Кримхильде.

Два младших брата вошли в зал чуть позже остальных, придворные слуги не сразу успели известить их, что прибыли послы от любимой сестры.

– Подданные нашего зятя Этцеля – всегда желанные гости для нас, – сказал юный Гизельхер, сердечно приветствуя послов. – Когда бы ни приехали вы в Вормс, здесь всегда ждут вас друзья и радушный приём.

– Мы никогда не сомневались в этом, – ответил Свеммель. – Король и королева шлют вам самые тёплые слова приветствия, а королева отдельно просила напомнить, что вы с ней всегда были особенно близки друг к другу. Однако нужно сказать и о главном деле, которое привело нас сюда: Этцель и Кримхильда зовут всех вас прибыть на пир и просят не отказывать в этой просьбе. Но если вы не желаете повидать сестру, владыка гуннов рассчитывает, что отказав ему, вы хотя бы сообщите, чем он рассердил вас. Будь вы даже не родственником моему владыке, но и тогда стоило бы вам навестить его. А уж родных братьев своей жены он и подавно вправе увидеть у себя в стране.

– Доблестный Свеммель, – спросил Гунтер, – когда состоится пир?

– В ближайший солнцеворот, – молвил гонец.

Король задумался и ответил так:

– О нашем решении, послы, я сообщу вам спустя некоторое время. А пока же пройдите в палаты и отдохните с дороги. Скоро вас снова ждёт далёкий трудный путь.

– Прошу простить меня за дерзость, – обратился к королю Вербель. – Отдохнуть мы ещё успеем. Прежде нам хотелось бы повидаться с госпожой Утой.

– Мы не станем вам в этом препятствовать, – ответил ему Гизельхер. – Моя матушка охотно примет вас и с радостью услышит вести о дочери.

Он отвёл гуннов к Уте, и та была весьма рада видеть послов из страны, где жила теперь её дочь.

Храбрый Свеммель вышел вперёд и сказал:

– Наша королева шлёт вам сердечный привет. И я хочу вас уверить, что сильнее всего на свете Кримхильде хотелось бы прижать к груди свою мать.

– Увы, – со вздохом произнесла Ута. – Тут ничего не поделаешь. Если бы наши страны находились хоть немного поближе, я бы и сама давно навестила дочь. Дай Бог счастья ей и её супругу Этцелю. Я очень рада вашему приезду и прошу, когда настанет вам срок отправляться в обратный путь, заранее уведомить меня об этом.

Гонцы пообещали известить её о дне отъезда, а затем были отведены в покои для отдыха.

Меж тем бургундский король вместе с друзьями обдумывали, разумно ли ехать им в страну гуннов. Знатнейшие и достойнейшие витязи королевства уверили его, что он

обязательно должен отправиться на празднество к Этцелю. Лишь Хаген, разъярённый, как никогда, отговаривал его:

– Король, если поедem, все там погибнем. До самой смерти надлежит вам сторониться вашей сестры. Слишком много обид пришлось ей вытерпеть от нас. Я своей рукой убил её супруга, а вы хотите ехать к Этцелю на праздник!

– Что было, то прошло, – ответил король. – Кримхильда вернула нам свою любовь, когда в знак примирения поцеловала меня. Нет, Хаген, если к кому она и может испытывать ненависть, то только к вам.

– Нельзя верить словам послов, – бросил угрюмо Хаген, – до самой могилы не забудет Кримхильда нанесённых обид. Жизнь и честь утратите вы у гуннов. Уверен я, что ваша сестра готовит нам тайную месть.

Гернот снова не согласился с ним:

– У вас Хаген, не спорю, есть причина бояться мести. Но то, что вы страшитесь за свою жизнь, не означает, что и мы должны избегать встречи с сестрою.

– Если вы признаёте вину перед Кримхильдой, – добавил юный Гизельхер, – останьтесь здесь, в Вормсе. А нас сопровождать будут те, кто не наносил ей обид.

Хаген вскипел от этих слов:

– Я, слава Богу, знаю дорогу в край Этцеля лучше, чем кто-либо! И вы, государь, убедитесь в этом, если отказываетесь внимать моим советам.

Румольт, начальник кухни, держался того же мнения, что и владетель Тронье:

– Короли, вы всегда доверяли советам Хагена и никогда не жалели о том. Но раз уж теперь владетель Тронье вышел из доверия, другой ваш преданный слуга повторит вслед за ним. Зачем вам ехать к гуннам? Чем не мил вам родной дом? Здесь всё у вас есть и здесь вы под защитой. А там... Кто знает, что может случиться с вами в тех далёких краях?

– Пустой разговор, – остановил его Гернот. – Зять и сестра радушно зовут нас в гости, и наш отказ станет бесчестным поступком. Те же, кто тяжёл на подъём, пусть остаются на Рейне.

– Скоро мы узнаем, на чьей стороне правда, – сказал Хаген. – Вы вольны осуждать меня за строптивый характер, но для поездки к гуннам нам следует вооружиться так основательно, чтобы даже самый хитрый враг не смог захватить нас врасплох. Если ваше решение остаётся неизменным, отдайте приказ вассалам собраться в столице. Я выберу из них десять сотен лучших бойцов, чтобы, если случится схватка, смогли они дать отпор ратникам Кримхильды.

– Вот такой совет мне по нраву, – обрадовался Гунтер и распорядился отправить гонцов во все края страны, чтобы созвать вассалов в Вормс.

Ах, если бы кто мог предугадать тогда, какая горькая судьба их ждёт!

Более трёх тысяч вассалов собрались по зову своего господина. Всех, кто отправлялся к гуннам, король одарил конями и платьем. Данкварт привёл из Тронье сто

восемьдесят витязей – каждый с блестящим оружием и в дорогом одеянии.

Шпильман Фолькер тоже присоединился к королевской дружине. А с ним вместе тридцать богатырей, все в нарядах столь богатых, какие не стыдно носить и королям. Фолькер происходил из семьи очень знатной и влиятельной. А шпильманом его прозвали только лишь потому, что с молодых лет он искусно владел смычком.

Из тех, кто явился, Хаген отобрал десять сотен лучших удалцов, чья доблесть была ему хорошо известна и в ком он был уверен.

Посланцы гуннского властелина то и дело заводили речь об отъезде, ведь задержка могла навлечь на них гнев Этцеля. Но Хагеном руководил свой расчёт, и он всячески старался задержать их.

– Мы должны как можно дольше чествовать гостей, – говорил он Гунтеру. – Нужно устроить так, чтобы они отбыли только за семь дней до того, как мы тронемся в путь. Тогда нашим врагам будет труднее устроить ловушку – Кримхильда не успеет собрать достаточно своих друзей, чтобы потом натравить их на нас. Но, впрочем, если и натравит, им же придётся хуже. С тысячью воинами мы дадим отпор кому угодно.

Дружинников снабдили всем, что могло понадобиться – оружием, конской сбруей, дорогой одеждой. И лишь когда приготовления были закончены, король снова призвал к себе гуннских послов.

Когда гонцы вошли в зал, Гернот объявил им:

– Король ответил согласием на приглашение явиться к зятю на праздник. Мы поедem вместе с ним и с искренней радостью обнимем сестру.

В тот день король разрешил гостям встретиться с благородной Брюнхильдой. Однако в дело вмешался Фолькер – он загодя знал, что явление послов Кримхильды не доставят королеве радости:

– Моя госпожа нынче не в духе, и вот мой вам совет – обождите до завтра. Тогда она обязательно вас примет.

Но и назавтра послов к королеве не допустили.

Тогда, чтобы гости не затаили обиды, Гунтер стал к ним вдвойне радушной: вручил им щиты с золотом, да и весь двор по мере сил старался не отставать от него.

Гизельхер, Гернот, Ортвин и Гере в свою очередь тоже надарили им столько добра, что и сосчитать трудно. Однако послы боялись прогневить Этцеля и отказались принять дары.

Вербель так сказал королю:

– Государь, умоляю вас взять назад свои дары. Этцель загодя наказал нам ничего не брать, ведь у его подданных нет ни в чём недостатка.

Рейнский владыка был сильно разгневан на послов и всё же заставил их принять и казну, и одежду.

Перед отъездом шпильманы попросили юного Гизельхера отвести их к почтенной Уте, и он исполнил их просьбу. Та велела послам уверить дочку, что желает ей счастья и удачи во всём. Затем она одарила послов парчой

и золотом, поскольку так и должна поступать любая мать, когда хочет показать, как ценит она дочь и зятя. Волей-неволей гонцам пришлось взять подарки.

Гонцы простились и отправились в обратный путь к Дунаю. А чтобы обезопасить их в дороге от разбойников и грабителей, Гернот велел охране проводить их до самой Швабии.

Но даже и после того, как охрана оставила их, никто не посмел напасть на посланцев Этцеля – имя владыки гуннов наводило страх на разбойников. По пути гонцы уведомляли друзей, что скоро здесь проедет Гунтер с дружиной. Известили они об этом и Пильгрима в Пассау, и Рюдегера в Бехларене. И епископ, и маркграф с женой несказанно обрадовались, узнав, что три брата-короля вскоре придут к ним в гости.

Приехав в Гран, где находился Этцель, гонцы, как и положено, немедля предстали пред государем. Когда владыка гуннов услышал, что шурья были рады получить от него известия и шлют ему поклон, лицо его зарделось от радости. А королева, узнав, что братья собираются прибыть на торжество, возликовала и, как того требовала честь, щедро наградила послов.

– Вербель и Свеммель, – спросила Кримхильда, – кто из моей родни дал согласие приехать к нам на пир и что говорил королям Хаген?

– Я слышал, – ответил один из послов, – как владелец Тронье отговаривал бургундов от поездки. Все вокруг говорили, что зазорно им будет не побывать на празднике,

и лишь Хаген повторял, что в стране гуннов хотят их смерти. Несмотря на это, все три ваших брата без сомнения будут тут. Кого из вассалов они возьмут с собой, нам неизвестно, скажем лишь, что шпильман Фолькер отправится сюда вместе с королями.

– Невелика беда, – сказала Кримхильда, – если я никогда в жизни не увижу Фолькера. А вот Хаген – другое дело. Он прославленный воин и мне очень хочется, чтобы он прибыл сюда.

Кримхильда обратилась к своему супругу и с ласковой улыбкой спросила:

– Довольны ли вы вестями с Рейна, мой король? Я очень рада, ведь исполнится моё желание, и я смогу повидаться с родственниками.

– Я счастлив, что смог угодить вам, – ответил жене повелитель гуннов. – И могу вас уверить, что братья ваши мне едва ли не дороже, чем кровная родня. Весть об их прибытии наполнила ликованием моё сердце.

Державный Этцель немедля отдал слугам приказ уставить палаты и зал скамейками, столами и прочей мебелью, чтобы желанные гости могли с удобством разместиться там.

Вскоре ему придётся заплатить дорогую цену за своё гостеприимство.

---

* Начиная с авантюры XXV племенное имя «нибелунги» то и дело переносится на бургундов.

Цвѣтѣра XXV

О том, как
Нубелунги* ехали
в страну Суннов

Теперь мы оставим гуннов и расскажем, как собирался в дорогу бургундский двор. Мир давно не видывал таких высокородных и надменных гостей. Всего у них было в достатке и изобилии: и оружия, и платья, и скакунов. Одну тысячу и шесть десятков лихих витязей взял с собой Гунтер. Да кроме того ещё девять тысяч слуг и простых бойцов шли с ними. Всех их вскоре пришлось оплакивать.

Когда взнуздали коней и наступил миг прощания, шпайерский епископ, седой старик, сказал Уте:

– Король готов к отбытию. И да защитит Господь честь наших родичей.

Ута обратилась к детям:

– Оставайтесь здесь, прошу вас. Сегодня ночью мне приснился плохой сон, будто неведомый недуг в один миг сразил всех птиц в Бургундии.

На это Хаген гордо ей ответил:

– Кто верно служит долгу и чести, не боится дурных снов. Всем нам охота поскорее отправиться к Кримхильде. Знаю, у неё найдётся дело для каждого, кто готов блеснуть отвагой во имя государя.

Гернот принялся насмехаться над ним:

– Хагену ли не знать, кем был убит Зигфрид. Наверное, страшится, что Кримхильда тоже о том не забыла.

– Мне неведом страх! – вспыхнул владетель Тронье. – И поэтому я вслед за моими государями отправляюсь к Этцелю.

Да, немало щитов и брони изрубил потом Хаген в гуннских землях!

Суда стояли у берега реки, слуги проворно грузили поклажу, чтобы переправить королей и дружину через Рейн. Государи велели не мешкать, и к закату подготовка была окончена.

Гунтер велел разбить стан за Рейном. Брюнхильда хотела провести с ним ещё одну ночь, и до самого рассвета король вместе с супругой вкушали радости брачного ложа.

На заре лагерь был разбужен звуками трубы. Герои в последний раз обняли жён. Больше им, увы, не суждено было увидеться – Кримхильда навсегда разлучила их.

Румольт, верный вассал бургундских королей, приблизился к Гунтеру и сказал:

– Я глубоко скорблю, что вы позволили гуннам заманить вас к себе и едете к Этцелю. Но раз уж вы никак не хотите остаться, скажите хотя бы, кто должен блюсти престол в ваше отсутствие.

– Ты, Румольт, без меня будешь хранить трон и моего сына. Угождай Уте и Брюнхильде и не бойся, что Кримхильда причинит нам вред.

Витязи отправились к коням, а дамы с печалью смотрели им вслед. И многим из них, наверное, шептало тогда сердце, что в последний раз видят они своих мужей и братьев.

Взметнулись знамёна, колонны дружинников пришли в движение. Бургунды со склонов холмов наблюдали, как несутся во весь опор их ликующие земляки-витязи. Вместе с королями в земли гуннов отправилось около тысячи вассалов-нибелунгов, и всех их ждала смерть на чужбине – кровь Зигфрида, как прежде, жгла сердце прекрасной Кримхильды.

Отважный Данкварт взял под своё начало дружину, а Хаген, опытный воин, поскакал во главе войска, выбирая дорогу для спутников. Владетель Тронье повёл бургундов вдоль Майна в восточную Франконию, и далее к Швабенфельду*. Вид героев был так грозен, броня их сверкала под солнцем столь ярко, что люди повсюду дивились им.

На заре двенадцатого дня войско вышло к Дунаю. Хаген первым спустился вниз к воде. Спрыгнул с коня, держа в руках поводья, и привязал скакуна к прибрежной ветле.

То происходило в пору разлива, и на всей реке не было видно ни плота, ни лодки, а без них Дунай не переплыть –

---

* Здесь опять сказывается плохое знание автором географии Западной Германии.

слишком широк. Нибелунги поняли, что придётся им нелегко, и в тревоге сошли с коней.

– Король, – воскликнул опытный Хаген. – Седой Дунай разлился и высокие волны гуляют по нему. Если мы решим переправляться здесь, многие встретят сегодняшней вечер на дне.

– Я и сам это вижу, – в раздражении ответил Гунтер. – А вам стоило бы не пугать нас, а помочь. Ступайте да найдите брод, где пройдёт обоз и смогут переправиться люди.

– Что ж, – ответил Хаген, – я и сам не собираюсь тонуть. Прежде чем я отправлюсь в могилу, гуннам придётся померяться со мной силами, и обещаю, что дорого возьму за свою жизнь. Вы пока подождите здесь, а я отправлюсь на поиски: наверняка где-нибудь неподалёку есть перевозчик*, он всех нас и доставит в край Гельфрата.

С этими словами отважный Хаген взял свой добрый щит, надвинул на лоб блестящий шлем, а на пояс поверх кольчуги повесил меч, что мог пронзить любой доспех.

Блуждая по прибрежным зарослям, воин услышал шум воды, и вскоре глазам его предстал ключ с хрустальной водой, в котором со смехом плескались две морские девы, вещие сёстры. Как ни старался Хаген ступать тихо и держаться тени, сёстры заметили его. Они тут же отделились от берега и принялись, словно птицы, кружить

---

* Перевозчик – в данном случае вассал баварских маркграфов, охраняющий стратегически важную переправу. В юности Хаген некоторое время служил перевозчиком.

над водою, едва касаясь волн. Витязю осталось довольствоваться лишь их одеждой.

– Хаген, – сказала одна из вещей жён по имени Хадебурга, – если вы вернёте наши наряды, мы откроем, чем окончится для вас пиршество у гуннского владыки.

Хагена охватило любопытство – если уж морским девам дано видеть грядущее, он обязан вызнать, что станется с ним и его спутниками.

– Я ручаюсь, – сказала вещунья, – что в чужих краях с вами не случится беды. Отправляйтесь без страха и знайте, что найдёте у Этцеля неслыханный почёт.

Хагена так обрадовали её слова, что он без промедления вернул сёстрам их волшебные одежды.

А провидицы, облачившись в свои наряды, решились открыть рыцарю правду.

Вторая из сестёр, Зиглинда, воскликнула:

– Хаген, сын Альдриана, мы солгали вам. Мы боялись, что вы, рассердившись, откажетесь вернуть нам платье. Знайте, что вам и вашим собратьям грозит гибель. Вернитесь, пока не поздно. Не с добрыми целями вас звали к гуннам, и едете вы на смерть, а не на пир. Люди Этцеля перебьют вас всех до единого.

– Вам не пристало лгать, – отвечал Хаген. – Не может быть, чтобы все мы погибли только потому, что одна особа желает нам зла.

Но сёстры продолжали убеждать его:

– Вам и всем вашим друзьям судьбою предначертано лишиться жизни в этой поездке. Мы знаем, что лишь

дворцовый капеллан единственный из всех вас вернётся домой.

Смелый Хаген разгневался и крикнул:

– Достаточно, всезнайки! Хотел бы я посмотреть на того храбреца, кто осмелится сказать трём нашим государям, что всем им суждена смерть у Этцеля! Скажите лучше, как нам переправиться через Дунай.

– Что ж, – ответила ему одна из морских сестёр, – если вы стоите на своём, я укажу вам путь – в той стороне за рекою есть дом. В нём живёт единственный перевозчик на всю округу.

Хаген, едва выслушав ответ, заторопился в путь.

– Подождите! – окликнула его вещая дева. – Я дам на прощание один совет, чтобы ваш отряд спокойно и без большого урона одолел дорогу. Здешней страной владеет маркграф Эльзе. А брат его, Гельфрат, владыка баварских земель на том берегу Дуная. По его землям вам надлежит ехать с большой осторожностью. Но больше всего бойтесь рассориться с перевозчиком, без которого вам ни за что не перебраться через реку. Он верный слуга Гельфрату и страж переправы, а кроме того, очень вспыльчив, и худо вам придётся, если вы с ним поссоритесь. Пусть ваш владыка не скупится и щедро оплатит его труды. Если же перевозчик не захочет явиться на зов, прокричите ему: «Я – Амелрих злосчастный». Жил в здешних местах рыцарь с таким именем. Спасаясь от врагов, был он вынужден покинуть родину. Услышав подобный призыв, перевозчик обязательно приплывёт к вам.

Хаген кивнул в знак признательности и, не сказав больше ни слова, исчез в кустах. Он пошёл в указанном направлении и вскоре действительно увидел дом на противоположном берегу.

Зычным голосом, легко пересекшим Дунай, владетель Тронье закричал:

– Перевозчик, живее лодку сюда! Коль перевезёшь меня на баварский берег, получишь в награду золотой браслет. Смотри, разве он не хорош?

Перевозчик был богат и прельстить его платой за проезд было не так-то просто. Да и слуги у него были ему под стать, надменные и спесивые. Долго пришлось Хагену ждать на берегу, но никто к нему не приплыл. Тогда, перекрывая шум волн и вой ветра, герой снова возвысил могучий голос:

– Я Амельрих, что служил у Эльзе, пока враги не изгнали меня с отчизны!

Браслет он держал над собой на кончике меча. Блеск золота всё же сделал своё дело, разжёг алчность в перевозчике, и тот взялся за весло.

Нет тому спасения, кто обуян корыстью. Глупец польстился на золото, хотел подарить браслет молодой супруге, и нашёл свой конец в стычке с отважным Хагеном.

Перевозчик преодолел Дунай, но за рекой встретил совсем не того, кого ожидал увидеть. Это привело его в столь сильную злобу, что он свирепо бросил грозному владельцу Тронье:

– Быть может, вас и зовут Амельрихом, только я думал увидеть здесь совсем другого человека – того, кто

является мне родным братом. Вы солгали мне, и в наказание за обман оставайтесь сидеть на этом берегу!

– Заклинаю небом, уймите свой гнев, – ответил ему Хаген. – Знайте, если вы перевезёте меня и моих товарищей, пришедших из дальних стран, золото прольётся на вас потоком.

– Не разбрасывайтесь понапрасну обещаниями! – ответил ему надменный перевозчик. – У тех, кому я служу, хватает врагов, и я не намерен возить к ним неизвестно кого. Прочь с моей лодки, если дорога вам жизнь!

– Возьмите браслет, – повторил витязь, – и помогите моему отряду. В нём десять сотен коней и столько же человек.

– Никогда! – вскричал перевозчик.

С этими словами спесивец хватил героя по голове тяжёлым веслом, да так, что от удара Хаген упал на колени. Затем, чтобы чужестранец не смог подняться и взяться за оружие, перевозчик ударил его багром по темени, и тем окончательно разъярил Хагена. Багор сломался о шлем, Хаген же достал свой стальной клинок, и голова у наглеца слетела с плеч, а потом вместе с телом отправилась в реку.

Едва труп упал в воду, как ладью стало сносить течением. Владетель Тронье встал на корме, налёг на весло, но повернуть назад у него получилось совсем не сразу. Когда же лодка всё-таки двинулась вверх по реке, широкое весло внезапно переломилось. Но смельчак не оробел – не найдя другого весла, он сумел связать обломки старого подбитым ремнём и, хоть и с большим трудом, но смог пристать к берегу.

Гунтер, да и вся дружина несказанно обрадовались возвращению Хагена и тут же отправились к лодке. Увидев ещё дымящую свежую кровь, что натекла на доски из срубленной головы дерзкого гордеца, Гунтер быстро догадался, как его отважный вассал завладел ладьёй.

– Как вы раздобыли лодку, Хаген? – спросил он. – И где сам перевозчик? Судя по всему, вы убили его?

– Я нашёл этот чёлн привязанным к прибрежной ветле, – отпёрся хитрый Хаген. – А перевозчика даже и в глаза не видел. Но если же он и вправду убит, то в этом нет моей вины.

Гернот оборвал их беседу:

– Мне тревожно за жизнь моих друзей. Получится ли у нас без перевозчика переплыть Дунай?

– Эй, слуги, снимайте с коней поклажу, – приказал Хаген. – В юности мне доводилось служить на перевозе и равного мне в мастерстве не было на всём Рейне. Даст Бог, я сумею доставить вас к Гельфрату.

Коней загнали кнутами в воду, и лихие скакуны одни, без седоков, переплыли Дунай, хоть течение и снесло самых усталых из них вниз по реке. Затем на ладью погрузили казну и поклажу, владетель Тронье взялся за весло, и вскоре его стараниями все бургунды оказались на другом берегу. Сначала он перевёз за реку десять сотен вормсцев, потом своих вассалов, а уже после них доставил девять тысяч простых бойцов и слуг.

До самого позднего вечера трудился владетель Тронье, и когда весь отряд оказался на другом берегу, Хаген

вспомнил, что сказали ему вещие жёны, которых он застал врасплох за купанием. За это дворцовый капеллан едва не поплатился жизнью.

Служитель Господа стоял возле церковной утвари рядом с бортом ладьи. Священный сан не остановил Хагена, и несчастный священник без жалости был выброшен за борт.

– Остановитесь, Хаген! – закричали все вокруг.

Юный Гизельхер едва не онемел от гнева, увидев такой поступок, а король Гернот воскликнул в сердцах:

– Что вы творите? Зачем швырнули в Дунай нашего капеллана? Соверши это кто другой, не сносить бы ему головы!

Напрасно бедный священник пытался вскарабкаться обратно на борт, Хаген концом шеста отталкивал его, норовя спровадить слугу Христова на дно. Священник был плохим пловцом, но, поняв, что вернуться на судно ему не дадут, отпустил ладью и пустился вплавь. Бог не оставил его, избавив от жестокой смерти. Он добрался до берега, вылез на песок и, благодаря Творца за милосердие, принялся отжимать платье. Увидев, что капеллану удалось спастись, Хаген помрачнел и подумал про себя: «Похоже, нам действительно суждена смерть. Правду сказали мне сегодня вещие жёны».

Едва перенесли на берег поклажу, владетель Тронье разбил чёлн, а обломки оттолкнул подальше от берега.

– Зачем вы это сделали, брат? – спросил его Данкварт в изумлении. – Как мы переправимся через Дунай, когда пойдём обратно в Бургундию?

Хаген в тот момент не стал рассказывать ему, какая судьба ожидает их в стране гуннов, лишь промолвил:

– Я для того разбил лодку, чтоб ни один предатель, если таковые найдутся среди нас, не решился бросить своих товарищей. Смерть настигнет труса повсюду – и на воде, и в битве.

Среди бургундов был один витязь, звали его Фолькером – большой удалец: в делах смел, в речах прям и остёр. Ему пришлись по сердцу слова, сказанные Хагеном.

Витязи взнуздали коней и принялись собираться в дорогу. Всюду слышался смех и громкие разговоры. И то верно, грустить бургундам пока было не о чем. А то, что капеллану пришлось в одиночестве пешком возвращаться на Рейн, виделось не слишком большим горем.

ЦВЕНТОРА XXVI

О том, как
ДАНКВАРТ бился
с **СЕЛЬФРАТОМ**

Покончив с челном, Хаген обратился к королям с такой речью:

– Господа, я принёс вам плохую весть. Никто из нас не вернётся обратно в Бургундию. Сегодня утром вещие жены, которым дано знать будущее, открыли мне, что все мы найдём гибель в краю гуннов. Я был уверен, что вещуньи обманули меня, когда сказали, что из всех нас один лишь капеллан вернётся домой живым. Но оказалось, это не ложь. Вы видели, я хотел утопить его, но он, несмотря на все мои старания, всё-таки спасся. И потому говорю вам, готовьтесь дать отпор врагам, их найдётся здесь немало.

Это известие в мгновение облетело войско. Воины почувяли беду и побледнели. Легко ли, отправляясь к друзьям на пир, внезапно узнать, что обретёшь там гибель?

Вспомнив, как у переправы под Мерингом он обезглавил дерзкого перевозчика, Хаген сказал:

– Я уже успел нажить себе здесь врагов, и они наверняка не преминут напасть на нас. Так вышло, что я сразил мечом здешнего перевозчика, и это, без сомнения, уже известно нашим недругам. Нам нужно достойно встретить их – пусть Эльзе с Гельфратом узнают, остры ли наши клинки. Враг смел, стычки не придётся ждать долго. Нам лучше перевести скакунов на шаг, чтобы никто не подумал, будто мы убегаем.

– Он прав, – воскликнул Гизельхер. – Надо быть готовыми к рубке. А пока давайте решим, кто пойдёт первым и будет нам проводником в здешних землях.

– Пусть Фолькер ведёт нас, – ответили бургунды. – Храбрый шпильман знает здесь все пути и тропы.

Скрипач встал во главе дружины. Броня на нём сверкала, конь был резв и горяч, на острие копья бился значок из багряной ткани.

Пройдёт немного времени и шпильману придётся принять гибель за своих королей.

Гельфрат и Эльзе, узнав, что перевозчик, верный их вассал, убит, пришли в великий гнев и принялись собирать войско.

Не прошло и полдня, как под их началом было уже войско в семьсот воинов. Все пылали желанием отомстить за своего собрата. Маркграфы, ослеплённые гневом, отправились вдогонку за врагами, но кончилось эта погоня для них бедой.

Хаген прикрывал бургундов с тыла. С ним вместе шли его вассалы и младший брат Данкварт.

Когда угас закат и на мир сошла тьма, мудрый Хаген велел вассалам не опускать щитов – баварцы могли напасть в любое мгновение.

Послышался стук копыт – бургунды поняли, что погоня настигает их.

– Подвяжите шлемы потуже, – сказал своим воинам отважный Данкварт. – Сейчас начнётся бой.

Бойцы остановились и увидели в темноте блеск оружия.

– Кто вы и почему преследуете нас? – спросил владелец Тронье.

– Мы прибыли сюда по следам врагов, – ответил баварский маркграф Гельфрат. – Сегодня кто-то убил моего перевозчика, и душа моя полна скорби об этом достойном воине.

– Его я убил, но он сам виновен в том, – сказал Хаген. – Ваш вассал первым затеял ссору и едва не прикончил меня. Я попросил его переправить нас через реку, а взамен посулил одежду и золото. Он же вспылал и так ударил меня веслом по голове, что я пришёл в ярость и воздал ему злом за зло. Мой острый меч заставил его тело расстаться с не в меру гордой головой. Впрочем, знайте, я готов дать за него немалый выкуп.

– Хаген, – вскричал Гельфрат, – я не сомневался, что если Гунтер поедет через мои земли, то причинит мне немалый урон! И за перевозчика вы заплатите мне выкуп своей головой!

Маркграф направил конец своего копья на Хагена, и противники во весь опор ринулись навстречу друг другу.

Эльзе бесстрашно кинулся на Данкварта. Сталь зазвенела во тьме, битва началась.

Вряд ли видели вы бойцов отважней!

Могучий Гельфрат нанёс удар и сшиб владельца Тронье наземь – у коня бургунда порвалось поперсие. Впервые кому-то удалось выбить Хагена из седла.

Всюду ломались копья и лилась кровь. Хагена оглушил удар о землю, но он быстро пришёл в себя и вскочил на ноги – удар маркграфа лишь добавил ему ярости. Враги, в душах которых бушевал пожар гнева, поручили вассалам стеречь коней и отважно схватились в пешем бою. Как ни был силён и быстр владелец Тронье, маркграф успел ударить первым. Меч его с неистовой силой обрушился на Хагена, и добрый щит бургунда, не выдержав, лопнул. Воин Гунтера почуял, что поединок грозит ему смертью, и позвал Данкварта:

– Брат, придите на помощь или дерзкий враг погубит меня! В одиночку мне со столь сильным воином не справиться.

– Я без труда одолею его, – ответил ему Данкварт.

Одним прыжком он приблизился к баварцу, и маркграф пал от меча бургунда. Как ни стремился Эльзе отомстить за Гельфрата, его вассалы дрогнули и обратились в бегство.

Много горя принесла та ночь злосчастному Эльзе. Сам он был ранен, брат его убит, да ещё восемьдесят лучших воинов приняли смерть от мечей и копий храбрых чужаков. Баварская дружина бесславно бежала с поля боя. Те,

кто промедлил хоть минуту, погибли. Люди Хагена помчались в погоню за отступающими, но вскоре Данкварт вложил в ножны булатный меч и остановил преследователей.

– Время повернуть обратно! – громко крикнул он. – Недруг устиляет путь отступления собственной кровью. Мы сбили с него спесь и хорошо проучили! Вот только пока мы здесь, некому прикрывать тыл нашим друзьям.

Когда отряд вернулся обратно к месту схватки, Хаген приказал дружине:

– Посчитайте, скольких недостаёт меж нами, и выясните, кого потеряли мы в сражении с Гельфратом.

Лишь четверо бургундов погибло в той схватке. Да и те были уже отомщены – щиты победителей потускнели от крови баварцев. Более сотни осталось их на поле брани. Месяц выглянул на мгновение из-за тучи, и Хаген обратился к вассалам:

– Прошу вас пока не говорить ничего королям о бое. Пусть до утра ничто не омрачает их мысли.

Когда бойцы нагнали основное войско, многих из них одолела усталость – ночная схватка нелегко далась им, и они начали роптать:

– Скоро ли привал? – спрашивали воины.

– Мы не в гостях и никто нам тут не рад, – отвечал им Данкварт. – До наступления дня и не надейтесь сойти с седла.

– Дружина измотана, давайте поищем место для отдыха, – сказал ему отважный Фолькер.

– Мы не слезем с коней до рассвета, – ответил непреклонный Данкварт. – А утром вы сможете поспать прямо на траве.

Такой ответ не особенно обрадовал тех, у кого панцири побурели от вражьей крови, пусть этого и не было видно в темноте.

Когда же из-за гор вышло солнце, Гунтер грозно посмотрел на Хагена и спросил:

– Я вижу, вас не очень заботит честь ваших королей, если вы ввязались в схватку, не оповестив меня. Чья кровь на вашем щите?

– Баварцы навязали нам бой этой ночью, – признался Хаген. – Но только их соратник, перевозчик, так и остался неотомщённым. Гельфрат сражён бесстрашным Данквартом, а Эльзе бежал с поля боя, лишившись сотни бойцов. Я же потерял только четверых из вашей дружины.

Вскоре по придунайским землям разлетелась весть, что братья-короли спешат на празднество, и каждый житель Пассау обрадовался их приезду.

Князь-епископ Пильгрим ликовал более остальных, так счастлив он был видеть в своей стране племянников – детей достойной Уты. Славный приём устроил он им и их дружине. Город был слишком мал для такого многочисленного войска, и нибелунги разбили лагерь вне его стен, за Дунаем. Пробыли они там ровно сутки и ни в чём не видели отказа от епископа.

Далее короли отправились в Бехларен, о чём известили Рюдегера и людей его земли.

Когда бургунды въезжали в ту область, их взорам предстал некий воин, спящий прямо на границе. Сон его был столь крепок, что Хаген легко завладел клинком воителя. Эккеварт, так звали витязя, проснулся и увидел, что остался без оружия. Пропажа смутила и расстроила его, по всему выходило, что плохо охраняет он рубежи. Смельчак впал в уныние:

– Только и остаётся мне теперь, что умереть от позора. С тех пор, как погиб Зигфрид, мне не мил белый свет и я беспрестанно скорблю о нём. Ах, господин мой Рюдегер, совсем позабыл я свой долг!

Услышав эти слова, Хаген вернул бойцу меч да ещё дал шесть браслетов впридачу.

– Прими их на память, и будем друзьями. Я вижу, ты не трус, коль вышел в одиночку сторожить границу.

– Благослови вас Бог, – отвечал ему Эккеварт. – А я же прошу вас не ездить к гуннам – среди них у вас хватает врагов, и они готовят месть убийце Зигфрида.

– Да будет Господь нам защитой, – сказал Хаген. – А пока неприятель не тревожит нас, меня занимает только один вопрос: где нам переночевать сегодня? Наши кони устали, запасы съестного истощены. И напрасно пытаться купить здесь что-то за деньги. Поэтому хотели бы мы найти того, кто великодушно согласится предоставить нам приют и хлеб.

– Рюдегер охотно даст вам и пищу, и кров, если вы согласитесь завернуть к нему, – заверил их страж. – И я клянусь, нигде вы не найдёте хозяина более гостеприимного.

Всем известен он своим радушием, да и прочих достоинств в нём столько, что сосчитать их труднее, чем цветы на пышном весеннем лугу. Ворота его замка всегда открыты для гостей.

– Тогда, может, вы согласитесь быть моим посланцем? – сказал ему Гунтер. – Скажите и спросите, согласится ли маркграф, наш старый друг, принять меня вместе с дружиной. И пусть знает, я вовек не забуду его услугу.

Страж охотно согласился выполнить приказ и тут же с лёгким сердцем отправился в путь, чтобы рассказать маркграфу приятную весть.

Увидав скачущего по дороге посланца, Рюдегер с тревогой сказал бежларенцам:

– Граф Эккеварт, вассал Кримхильды спешит к нам. Неужели некий враг напал на нас?

Маркграф сам вышел встречать гонца к воротам. А тот, спрыгнув на землю и отвязав меч, пересказал слова чужеземцев:

– Я прибыл с поручением от Гунтера, бургундского короля. Он, Гизельхер и Гернот, их родственники, а также Хаген и Фолькер передают поклон своим бежларенским друзьям. Гунтер просил узнать у вас, сможете ли вы найти хлеб и кров для королей и их дружинников?

Маркграф ответил с сердечной улыбкой:

– Я с радостью приму и трёх королей, и всех, кто их сопровождает. Столь желанные гости ни в чём не увидят у меня отказа. Служить своим друзьям я почитаю за счастье, и всем им, сколько бы их ни было, найдётся здесь

место. А теперь, мои вассалы и родственники, устремимся навстречу королям!

Слово господина – закон. Все, и рыцари, и дружинники, бросились к скакунам. А поскольку приказ пришёлся им сильно по душе, исполнили они его особенно ретиво.

Лишь Готелинда, супруга Рюдегера, пока ничего не знала о происходящем.

ЦВЕТУРА XXVII

О том, как
Бургунды прибыли
в Бехларен

Маркграф отправился к жене и дочери, чтобы сообщить им радостную весть – сегодня он встретится со старыми товарищами, тремя братьями Кримхильды.

– Любезная жена, когда явятся короли, примите их со всей сердечностью, – сказал Рюдегер Готелинде. – Да ещё особым вниманием почтите Хагена, Данкварта и Фолькера. Всех шестерых вы и дочь должны поцеловать в уста и быть с ними любезными, чтобы снискать их доверие и дружбу.

Пообещав маркграфу, что всё будет исполнено в точности, мать и дочь созвали своих девиц и дам и принялись доставать из ларцов свои лучшие платья. Да, большой переполох вызвал среди женщин приезд удалых бургундов! Немало времени провели прекрасные дамы перед зеркалами, готовясь к встрече с рейнскими витязями. На лица они нанесли румяна, косы каждой из дев украшал золотой венок, так что даже самый буйный ветер не смог бы растрепать их чудесные волосы.

Пока дамы занимались своими делами, друзья маркграфа, оседлав лихих коней, отправились встречать венценосных братьев.

Когда бургунды приблизились к городу, хозяин вышел им навстречу из ворот и молвил:

– Для нас большая честь принимать у себя столь именитых гостей. Вас, государи, сердечно любят в Бехларене и всегда вам рады.

Ценя его приветливость и дружелюбие, короли признательно поклонились ему. Не обошёл хозяин вниманием и Фолькера с Данквартом, и, тем более, Хагена – маркграф водил с ним давнее знакомство.

– Благодарим вас за тёплые слова, – сказал Данкварт, помня о своих воинах. – Но где, скажите, найдёт приют наша дружина?

– Ложитесь спать и ни о чём не беспокойтесь, – ответил ему маркграф. – Мои люди позаботятся о ваших воинах. Хоть вы и привезли с собой немало ценного добра, никто его и пальцем не тронет. Я окружу гостей такой надёжной стражей, что даже шпору, и ту не украдут у вас. Бойцы, вот открытое место, живее ставьте шатры! С коней снимите узду и пустите их пастись. А если что и похилят у вас, я лично готов возместить потерю.

Разве видели вы, чтобы кто-то принимал гостей радушнее?

На поле, в лёгких палатках расположились для отдыха дружинники, и нигде не доводилось им отдыхать лучше. Короли остались увиденным очень довольны и вместе со свитой отправились в замок.

В воротах, ожидая прибытия знатных гостей, стояла маркграфиня и её дочка в сопровождении множества дам и девиц. Наряды их были украшены драгоценными камнями, поверх шёлковых рукавов блестели золотые запястья, и все они были красивы на загляденье.

Подъехав, бургунды сошли с сёдел. Ах, как учтивы были их речи, как горда осанка!

Помня о просьбе отца, дочь Рюдегера поцеловала в уста каждого из бургундских королей. Подарила свой поцелуй и Хагену, хоть и не сразу смогла перебороть свой страх перед ним – много раз краснела и бледнела, прежде чем исполнила отцовский приказ. Затем почтила лобзанием отважного Данкварта, а также славного Фолькера. После чего взяла за руку молодого Гизельхера и они вдвоём проследовали в замок. Державный Гунтер подал руку хозяйке и вошёл в обширный зал вместе с Готелиндой. Отважный Гернот прошествовал в паре с самим маркграфом.

Дамы и витязи разместились за столом, хозяин велел подать гостям вина. Нигде не принимали их с большим радением!

Витязи не могли отвести глаз от дочки маркграфа, так красива была она лицом, такими учтивыми манерами обладала. При этом мужчины хорошо понимали всю тщету своих мечтаний. Впрочем, там было немало других дам, одна прекрасней другой, и вскоре бойцы утешились, да и к тому же скрипач развлекал гостей выше всяких похвал.

Затем, как и положено исстари, витязям и дамам пришлось расстаться на час-другой, а хозяин за это время распорядился приготовить зал к пиру. Маркграф не пожалел для гостей ни еды, ни питья. Жена его также села за стол с приезжими, дочке же идти на торжество не разрешила. Пришлось ей остаться со сверстницами, и это весьма расстроило многих гостей. Поэтому, когда было съедено немало яств и выпито вина, бургунды стали просить, чтобы дочь хозяина всё же вышла к ним. Фолькер, который всегда был остёр на язык, воскликнул:

– Благородный маркграф! – громко воскликнул шпильман. – Господь был столь щедр к вам, наградив такой разумной и красивой женой, с которой вы живёте в мире и покое. Я же, будь я могучим государем, а не простым вассалом, взял бы в жёны вашу дочь и жил бы с ней счастливо до скончания моих дней! Не встречал я ещё девицы добродетельней, высокороднее и прекрасней!

– Я и мечтать не смею, – ответил Рюдегер, – что моя дочь станет когда-нибудь супругой короля. Ведь мы изгнанники и живём в чужой земле. Пусть она и красавица, что в том толку?

Гернот учтиво, как он умел, ответил ему:

– Если б случилась мне нужда искать невесту, я бы не мог и мечтать о супруге лучшей, чем ваша дочь.

Хаген поддержал своего короля:

– Вашему младшему брату Гизельхеру давно настало время жениться. И я, как и все его вассалы, буду счастлив и горд, если он пойдёт под венец с юной маркграфиней.

Любой из нас за честь почтёт служить столь достойной госпоже.

Маркграфу с Готелиндой пришлись по сердцу такие речи, и все тут же решили, что Гизельхер должен прямо здесь назвать дочь Рюдегера Бехларенского своей невестой, ведь по своему рождению она ничуть не ниже бургундских королей.

Сказано – сделано. Родители позвали прекрасную девицу в зал и поклялись взять Гизельхера в зятя. Он же дал обет вечно любить их дочь. Гунтер и Гернот со своей стороны пообещали, что после брачной ночи дадут молодой жене немало земель и замков.

– У меня нет ни земель, ни замков, – ответил на это Рюдегер. – Но я обещаю весь свой век верно служить вам. А чтобы в Вормсе не сочли брак неравным, я дам за дочкой в приданное сто лошадей с серебром и золотом.

Как положено по обычаю, жених и невеста встали на середине зала, и ликующие вассалы обступили их кольцом. Все витязи в тот миг завидовали Гизельхеру. Затем, как заведено, бехларенку спросили, согласна ли она взять молодого короля в супруги. Но та, краснея от смущения, долго не могла вымолвить долгожданного «да». Что поделать, девушкам всегда нелегко делать такие признания. Выждав некоторое время, Рюдегер приказал ей ответить Гизельхеру согласием, и молодой витязь заключил деву в объятия.

Увы, недолго герою суждено было принадлежать своей невесте!

– Короли бургундов, – сказал гостям маркграф, – я отдам вам дочь, когда вы будете возвращаться от гуннов обратно на Рейн.

Все присутствующие согласились со столь мудрым решением.

Тут хозяин решил, что настала пора отдохнуть. Невеста до утра ушла к себе в светлицу, отправились и гости в отведённые им покои.

Когда же настал день, маркграф снова пригласил всех за стол.

Окончив трапезу, Гунтер велел свите собираться в дорогу, но Рюдегер и слышать о том не желал:

– Друзья, побудьте ещё хоть немного. Столь дорогие гости нечасто ко мне заглядывают.

– Нет, – ответил на это Данкварт. – Грех нам задерживаться. Разве достанет у вас хлеба и вина, чтобы продолжать кормить такое воинство?

– Не срамите меня отказом по столь обидной причине, – попросил маркграф. – Ещё не оскудели добром бехларенцы – и для вас, король, и для всех ваших людей, запасов хватит у нас на две недели. Державный Этцель достаточно дал мне всяческих богатств.

И как ни пытались вормсцы поскорее отправиться в путь, ещё три дня не отпускал радушный хозяин своих гостей. Коней и платья пораздарил он им столько, что молва далеко разнесла весть о его гостеприимстве.

Но настал день отъезда, королевские оруженосцы взнуздали ретивых коней и подвели их к воротам. Бургундам,

покидавшим Бехларен, хозяин на прощание раздал небывало щедрые подарки. Воистину Рюдегер готов был и последнее им отдать, ведь совсем скоро он надеялся назвать Гизельхера зятем.

Гунтеру маркграф вручил надёжную кольчугу, и высокородный гость, хоть и не любил принимать подарки, а всё же не смог огорчить его отказом. По приказанию мужа Готелинда вручила Герноту стальной меч, и тот в дальнейших боях ни разу не подвёл своего нового хозяина – в числе многих и сам Рюдегер пал от того клинка. Хозяйка пожелала и Хагена почтить вниманием, но тот, хоть и знал, что король принял подарок маркграфа, всё же отказал ей.

– Всего у меня в достатке и ничего мне не надо, – сказал владетель Тронье. – Однако если вы столь горячо хотите одарить меня, знайте, я был бы рад захватить к гуннам щит, что висит там, на стене.

Хозяйка выслушала ответ, и на глаза её навернулись горькие слёзы: Готелинде припомнился Нудунг и то, как безвременно расстался он с жизнью в бою с Витеге.

– Я исполню ваше желание, – сказала маркграфиня. – А плачу же я о том, кто погиб во цвете лет и кого этот щит не смог спасти.

Грозный Хаген был достоин такого подарка. Маркграфиня своими белыми руками сняла тяжёлый щит со стены. Тот был обтянут парчою, сплошь усеян драгоценными камнями и так сверкал на солнце, что слепил взоры, будто огонь. В любое время его владельцу дали бы за него все десять сотен марок, а то и более.

Так получил свой подарок Хаген.

Не остался обделённым и удалой Данкварт: юная маркграфиня вручила ему богатые одежды, в которых он потом щеголял при дворе Этцеля.

Ни короли, ни их вассалы, конечно, не взяли бы подарков, если бы не сердечность хозяина, не уступить которой было попросту невозможно. И всё же случилось так, что вскоре маркграф пал от мечей бургундов.

Чтобы почтить хозяйку, учтивый Фолькер сыграл для неё на скрипке и спел при этом такую песню, что мысль о скором расставании повергла в печаль всех присутствующих. Маркграфиня велела принести шкатулку и, вынув из неё двенадцать браслетов чеканного золота, надела их на руку герою.

– Возьмите эти запястья с собой на пир к Этцелю и в память обо мне носите, не снимая. Когда же будете возвращаться обратно на Рейн, доставьте нам радость и снова приезжайте с визитом в Бехларен.

Первое желание дамы скрипач исполнял до самой смерти.

– Чтобы на вас не напали в дороге, – сказал гостям Рюдегер, – я сам поеду с вами и возьму с собой отряд удальцов.

Пять сотен дружинников отправилось вместе с маркграфом. Все в прекрасных одеждах и на лихих скакунах. С весёлым сердцем мчались они вслед за хозяином, и никому из них не довелось вернуться домой.

На прощание маркграф прижал к груди дочь и супругу, млад Гизельхер поцеловал в уста невесту, бойцы обняли своих пригожих жён.

Ах, как же горько пришлось потом женщинам оплакивать их!

Все окна были раскрыты настежь, отовсюду смотрели люди на отъезд витязей.

Герои двинулись в путь. Ручьями лились слёзы у дам и дев, плохое предчувствие угнетало их. А витязи, следуя идущей вдоль Дуная тропе, ликующей лавиной мчали к гуннам.

Где-то на середине пути маркграф обратился к бургундам с советом:

– Отправьте к Этцелю гонца с известием, что вы с дружиной спешите в их владения. Такое сообщение обрадует его.

Гонец стрелой полетел по Австрии, и вскоре гуннский двор переполошила весть о приближении гостей с Рейна. Этцель был несказанно рад этому и велел вассалам готовить встречу.

– Нибелунги уже недалеко, – обратился он к Кримхильде. – Большую честь оказали нам бургундские короли своим приездом, и потому, жена моя, прими братьев со всем радушием.

Королева поднялась с места, встала у окна. Как подруга ждёт друга, ждала она земляков и не могла оторвать взора от показавшихся вдали бургундов.

– Настал день моей радости! – воскликнула Кримхильда. – Наконец-то мои родственники пожаловали сюда. И теперь пусть каждый гунн, кто жаждет золота и чести, вспомнит, сколько обид посмели они нанести мне!

ЦЕНТРОФА XXVIII

О том, как
бургундские короли
прибыли к Эццелю

Погрустнел Дитрих Бернский, когда его седой вассал Хильдебранд явился к нему с известием о приближении вормсцев. Однако же, чтобы соблюсти приличия, приказал принять бургундов приветливо – распорядился подать коней и вместе с Вольфхартом и другими витязями отправился в поле, чтобы встретить там гостей и предложить свои услуги.

Рейнцы меж тем уже разбили шатры. Когда Хаген увидел, кто направляется к ним, то почтительно обратился к своим королям:

– Господа, я попрошу вас подняться и с честью встретить тех, кто едет сюда. То доблестные сыны земли Амелунгов. Души их полны мужества и благородства, а ведёт их Дитрих Бернский, достойнейший и отважный рыцарь, дружить с которым большая честь.

Как велит долг радушия и учтивости, Дитрих и его отряд спешили и устремились к палаткам бургундов, приветствуя заезжих витязей.

Дитрих приехал сюда с тяжёлыми предчувствиями. Он надеялся, что Рюдегер сумеет отговорить рейнцев от визита к гуннам, и потому обратился к детям Уты с такими словами:

– Привет вам, Гунтер, Гернот и млад Гизельхер. А также вам, Хаген, шпильман Фолькер и отважный Данкварт. Неужели не ведомо вам, что Кримхильда до сих пор не может забыть Зигфрида и всё ещё скорбит о нём?

– Что нам за дело до её печали? – высокомерно ответил Хаген. – Уже немало лет прошло со дня его кончины. Королеве разумней любить нового мужа. К чему рыдать о том, кто не воскреснет?

– Оставим Зигфрида, пусть он спит вечным сном, – молвил Дитрих. – Сейчас, державный Гунтер, я веду речь не о нём, а о вас. Вы – опора nibелунгов и, покуда не сочтены дни Кримхильды, вам стоило бы побереечь свою жизнь.

– Как же мне ещё беречься? – удивился король. – Как я могу не поверить своему зятю, если два его шпильмана пригласили меня приехать на торжество?

– Государь, – сказал владетель Тронье, – нужно во что бы то ни стало уговорить Дитриха и его друзей открыть нам планы Кримхильды.

Короли последовали совету Хагена, отвели Дитриха в сторону и обратились с таким вопросом:

– Поведай нам, достойный Дитрих, что замыслила против нас королева?

– Что ещё я могу открыть вам? – ответил могучий бернец. – Каждый день на заре я слышу, как Кримхильда приносит Царю Небесному свою печаль о Зигфриде.

– Этому горю ничем не помочь, пусть хоть век плачет, – воскликнул отважный шпильман Фолькер. – Мы же поедem ко двору, а там сами увидим, какой приём нам приготовили гунны.

И с тем бургунды бесстрашно отправились дальше.

Всю дорогу до самой столицы гунны жадно разглядывали приезжих, сиюсь угадать меж ними Хагена. В здешних землях каждый знал, чьим копьём был убит Зигфрид Нидерландский – величайший воин из когда-либо рождавшихся на свет. Все обсуждали владетеля Тронье, его внешность, одежду, оружие. Сказать по правде, бургунд был хорош собой – высок, осанист, с длинными ногами и косою саженью в плечах. В кудрях его серебрилась седина, а грозный взгляд и висящий на поясе Бальмунг внушали страх окружающим.

Для знатных гостей Этцель отвёл богато убранные покои, а слуг и простых бойцов Кримхильда, лелея в уме тайный план, поселила в отдельном зале, где вся рейнская челядь была потом перебита. Старшим над слугами Гунтер поставил Данкварта, наказав усердно заботиться о них.

Неласково встретила гостей хозяйка. Обнялась с одним лишь Гизельхером, прочих вовсе не удостоив приветствия. Увидев это, Хаген потуже подтянул завязки у шлема.

– Приём столь холоден и обиден, что в кого угодно вселит тревогу, – рассудил владетель Тронье. – Похоже, не всем из нас здесь рады.

– Учтив с гостями лишь тот хозяин, – ответила ему Кримхильда, – кому доставляет радость их приход. А с чем таким сюда явились вы, чтобы я радовалась вам?

– Знай я заранее, – ответил Хаген с усмешкой, – что вы, королева, примете от меня, вассала, подарок, непременно преподнёс вам что-нибудь.

– Речь не о подарке – я прошу своего. Верните мне клад нибелунгов. Что с ним случилось и где вы его спрятали? Я его единственная полноправная владычица, и сам Бог велел вам привезти его сюда.

– Разве вы забыли, что много лет назад, выполняя волю моих государей, я утопил этот клад в водах Рейна? Там, на дне реки, он и будет лежать до самого Страшного суда.

– Много слёз пролила я о нём, – ответила ему королева. – Это был подарок мужа, и я полагала, что хоть часть его вы обязаны вернуть мне.

– Пусть чёрт носит вам клады! – ответил ей владетель Тронье. – И без того довольно привёз я на себе: щит, меч, броню. Но хоть и происходят они из тех земель, где вы родились, а всё же не станут для вас подарками!

– У нас гости сдают оружие при входе в зал, – предупредила Кримхильда нибелунгов. – Я приму его у вас на сохранение.

– Вовек не бывать тому, – возразил Хаген. – Разве допущу я, чтобы хозяйка при людях надрывалась, таская мои доспехи? Отец учил меня беречь прекрасных дам. И раньше, и впредь, сам я буду носить своё оружие.

– Измена! – сказала Кримхильда. – Верно, кто-то предупредил моих братьев и Хагена, оттого и не желают они снять доспехи. Если проведаю, кто виновник, ждёт его злая кончина.

– И трёх королей, и лихого Хагена, предостерёг я и никто другой, – побагровев, отвечал ей Дитрих. – Попробуй, дьяволица, расправься со мной!

Хоть и потемнело у Кримхильды в глазах от гнева, ничего она не сказала Дитриху – такой страх вызывал у неё этот воин. Окинув свирепым взглядом своих врагов, королева отошла от них подальше.

Два доблестных мужа – Хаген и Дитрих – пожали друг другу руки.

– Мне жаль, что вы дали заманить себя сюда, – заметил бернский витязь бургундскому. – И ваша ссора с Кримхильдой совсем не случайна.

– Посмотрим, что будет дальше, – ответил владетель Тронье.

И пока меж ними шёл разговор, державный Этцель всмотрелся в чужеземца.

– Как зовётся витязь, – спросил он у приближённых, – с которым так дружески беседует наш Дитрих? Всё в этом витязе обличает высокий ум и душу, должно быть, он сын доблестного воина.

– Мой господин, – сказал на это один из слуг Кримхильды, – этот муж уроженец Тронье и сын Альдриана. Пусть вид его и учтив, зато нрав очень суров. И вы ещё не раз убедитесь в моей правоте.

– Да с чего бы вдруг он стал проявлять здесь свой суровый нрав? – удивился король. – Он приехал на пир, а не на битву.

Этцель не подозревал о намерениях жены и не думал, что все приезжие уже обречены ею на гибель.

– Я помню Альдриана, он верно служил мне в былые дни и был за доблесть произведён в рыцари. Да и у Хельхи он пребывал в большой милости. Потом он прислал мне в заложники сына, и тот вместе с Вальтером Испанским жил у нас в стране. Когда Хаген вырос, я отпустил его домой, а Вальтер с Хильдегундой убежал в родные земли.

Этцель убедился, что видит перед собою бывшего соратника. Да, в молодые годы Хаген достойно послужил гуннам, зато перед смертью немало перебил их в бою.

ЦВЕТУРА XXIX

О том, как
Харен отказался
встать перед
Кривильдой

Расставшись с Дитрихом, бургундский храбрец обвёл глазами зал и увидел шпильмана Фолькера, что стоял рядом с Гизельхером. Его он и выбрал себе в спутники. Зная скрипача как сильного бойца, Хаген обратился к нему с просьбой составить ему компанию в прогулке за дворцовыми стенами. Покуда в людном зале шли приветственные разговоры, они спустились со шпильманом во двор и принялись прохаживаться. И хоть было их всего двое, никакие враги не смогли бы вселить в них страх.

Перед дворцом, в котором жила Кримхильда, воины уселись на скамью. Броня сверкала на них огнём, вид их говорил о доблести, и всем хотелось знать, кто они такие и как их зовут – целая толпа гуннов собралась посмотреть на них. Кримхильда тоже заметила их из окна, и тень набежала на чело прекрасной жены Этцеля. Глаза её затуманили горькие слёзы, и вассалы, завидя это, спросили, что столь внезапно повергло её в печаль?

– Витязи, Хаген причина моей печали, – отвечала она им.

Стали гунны допытываться у королевы:

– Почему? Пусть силён знатный спесивец, обидевший вас, только намекните, и он найдёт здесь гибель.

– Витязи, прошу вас, – отвечала им Кримхильда, – расправьтесь с моим обидчиком. Кто сумеет отомстить за меня Хагену, получит в награду всё чего только можно желать – золото, власть, почёт.

Шестьдесят бойцов немедля снарядились для боя – каждый готов был вступить за свою королеву. Посоветовавшись, горячие гуннские бойцы решили сейчас же убить Хагена, а вместе с ним и шпильмана.

Кримхильда увидев, сколько воинов готовы выступить против двух бургундов, воскликнула:

– Вас слишком мало – столь малой дружине не одолеть Хагена. Больше того, как бы ни был силён и свиреп в битве владелец Тронье, тот, кто сидит рядом с ним, ещё опасней. С ним вовек не совладете вам без подкрепления.

Храбрецы призвали на помощь своих товарищей. Четыре сотни гуннов по их зову взялись за мечи. Одной только мстью пылала душа королевы, и многим воинам пришлось заплатить потом за это жизнью.

Дружина приготовилась к схватке, однако прежде чем она двинулась на двух героев, Кримхильда сказала:

– Подождите немного. Сначала я в короне и полном королевском облачении подойду к своим врагам. Я хочу, чтобы вы сами слышали, в чём мой давний обидчик Ха-

ген виновен передо мной. Он гордец и потому не станет отрицать свою вину. А дальше делайте с ним, что хотите, мне всё равно.

Бесстрашный шпильман огляделся и увидел входящую во двор Кримхильду в сопровождении множества вооружённых воинов.

– Смотрите, мой соратник, – предостерег скрипач Хагена, – вот идёт та, что пригласила нас на весёлый пир, а на деле желает нашей смерти. За ней я вижу толпу бойцов с мечами, а под их шёлковыми одеждами огнём горит броня. Столь грозная свита составила бы честь любому владыке. Похоже, что вражда их направлена на вас. И, коли так, оставайтесь начеку, иначе быть беде.

– Я знаю, зачем они идут сюда! – воскликнул Хаген в гневе. – Им нужна моя жизнь! Поэтому все они в доспехах и при оружии. Но такие враги не станут мне помехой, чтобы вернуться на Рейн. Могу ли я просить вас, друг мой Фолькер, помочь мне отразить нападение? Если вы будете со мной в этот трудный час, обещаю, что тоже никогда не покину вас в беде и битве.

– Даже если вся гуннская рать выйдет против вас, я и тогда охотно приду вам на помощь, – ответил отважный шпильман.

– Благородный Фолькер, я рад, что в час опасности Господь послал мне столь отважного соратника, как вы. Пусть же враги идут, мы достойно встретим их.

– Однако пора бы нам встать, – сказал шпильман. – Не подобает витязям сидеть при появлении дам. А уж

оставшись сидеть в присутствии королевы, мы без сомнения уроним себя в глазах рыцарства.

Взор Хагена вспыхнул гневом:

– Клянусь нашей дружбой, никогда я не выкажу почтения этой королеве! Если я встану, бойцы её, чего доброго, решат, что я страшусь ссоры. Тут и говорить не о чем – пред той, что желает моей смерти, я не стану из вежливости гнуть шею!

Тут он высокомерно оглядел противников, вытянул ноги и положил на них меч в обшитых парчою ножнах. Узнав по отделанной золотом и украшенной зелёным, как трава, яблоком, рукояти меч Зигфрида, Кримхильда заплакала и поняла, что враг её намеренно хвастается им.

У скрипача Фолькера, как и положено, имелся смычок. И был он, надо сказать, столь остёр, тяжёл и широк, что не раз служил владельцу вместо меча. Видя приближающихся гуннов, шпильман положил его поближе. Так и сидели два героя рядом, дожидаясь прихода королевы. Страх был неведом их душам, бойцы решили не вставать пред ней.

Подойдя к витязям, Кримхильда молвила:

– Кто звал вас сюда, высокомерный Хаген? Неужто вы думаете, что я позабыла, сколько претерпела страданий из-за вас? Видно, гордыня совсем лишила вас разума, если посмели вы сюда явиться.

– Никто не звал меня, – ответил Хаген. – А здесь я лишь потому, что по долгу чести сопровождаю на пир бургундских королей, покорным вассалом которых являюсь.

– Хаген, вам известна причина моей к вам ненависти. Признайтесь, ведь это вы убили моего мужа Зигфрида, скорбеть о котором я буду до самой могилы.

– Да, я Хаген, и это моей рукой был повержен Зигфрид, – ответил он Кримхильде. – Я убил его, потому что вы бросили тень на честь моей королевы и своей бранью довели её до слёз. Не стану отпираться – я единственный виновник всех ваших бед и готов за то отвечать. И пусть тот, кто решит отомстить мне, сделает это сейчас и без лишних слов.

– Вы слышали, он признался в своей вине, – обратилась Кримхильда к вассалам. – Теперь мне всё равно, что произойдёт с ним дальше.

Гуннские бойцы переглянулись и ответили госпоже молчанием. Слишком хорошо понимали воины, что пусть врагов всего лишь двое, но оба они закалены в сражениях, и не видать гуннам победы в схватке с ними. Начни они бой, лишь новой славой покрыли бы бургундов. Страшно было им совершить то, что они поклялись исполнить.

Один из гуннов наконец вымолвил:

– Что вы смотрите на меня? Какие не сулите подарки, а нет таких, ради которых я готов расстаться с жизнью. Супруга Этцеля ведёт нас к смерти и более никуда.

– Согласен я с тобой, – сказал другой боец. – Пусть даже дают мне горы золота, не соглашусь я вступить в схватку с этим могучим скрипачом, чей взор столь яростен и лют. О Хагене я тоже знаю довольно. Мы знакомы с ним с юных лет и вместе прошли через двадцать два

сражения. Много жён из-за него тужат о своих мужьях. Когда его держали у нас заложником, он вместе с Вальтером Испанским не раз ходил в походы. Большую славу он стяжал себе в те годы и она по праву сохраняется за ним до сих пор. А ведь в ту пору он едва входил в силу! Теперь же грозный Хаген уже не юноша, а могучий муж, и к тому же в руках у него Зигфридов Бальмунг.

Вот так, не посмев начать сражение и тем повергнув Кримхильду в тоску и гнев, гунны сочли за благо поскорее исчезнуть, такой страх внушили им два бургундских витязя.

– Теперь я вижу, что не напрасно предостерегали нас от визита сюда, – сказал Фолькер. – Давайте поскорее вернёмся к нашим королям, пока недругам не вздумалось задеть их и втянуть в бой. Там, где друзья стеной стоят друг за друга, у врагов оружие само выпадает из рук. Покажем злодеям наше бесстрашие, и дурные мысли сами собой исчезнут из их голов.

– Согласен с вами, – сказал доблестный Хаген, и герои вернулись в зал, где короли вместе со свитой ожидали, когда же зять соизволит принять их.

Увидев такое непочтение к своим владыкам, отважный шпильман не стал молчать:

– Достойно ли, чтобы высокородные гости столь долго ожидали свидания? Велите, чтобы нас немедля пустили к Этцелю!

Витязи тотчас встали парами. Державный Гунтер оказался подле бернского владыки, удалого Гернота вёл храбрый Ирнфрид. За ними, держа друг друга за руки, шли

юный Гизельхер и бехларенский маркграф Рюдегер. Каждый гость стоял в паре с кем-то из хозяев, и лишь Хаген и Фолькер шли вместе. Только смерти удалось разлучить их, но до того многим жёнам пришлось заплакать из-за этих двух бургундов.

Братья-короли шествовали в сопровождении дружины из тысячи бойцов, да кроме того рядом шли ещё шестьдесят всегда готовых к бою вассалов Хагена. Чуть впереди королей, указывая им путь, шли Иринг и смелый Хаварт. Данкварт и Вольфхарт следили за порядком, и никто не смел им прекословить. Едва ли нашёлся бы здесь боец, равный этим двум мужам.

Когда Гунтер вступил в зал, державный Этцель немедленно поднялся с трона ему навстречу и приветствовал вошедших с таким радушием, какого бургунды не видели прежде нигде и никогда.

– Гунтер, Гернот и Гизельхер, примите мой привет. Долгие годы желал я встретиться с вами. Для этого и послал на Рейн своих гонцов. Теперь же я так рад, что вы и ваши витязи явились сюда. С двумя из вашей свиты встреча нам особенно приятна. Давно мы с женой ждали, когда вы, знатный Фолькер, и вы, Хаген, пожалуете к нам. Оттого и просили послов упомянуть вас особо.

– Послы так учтиво приглашали нас, – ответил Хаген, – что если б я не прибыл сюда вместе с моими королями, то только ради вас один явился бы на пир.

Хозяин взял королей за руки, усадил рядом с собой на троне и попросил чувствовать себя как дома. Проворный

кравчий доверху наполнил золотые чаши приезжих медами и сладкими винами.

– Да будет вам известно, дорогие гости, – молвил державный Этцель, – ничто в мире не могло так обрадовать меня, как известие, что вы не отвергли моего приглашения. А кроме того, ваш визит – большая радость для моей супруги и вашей сестры. Не раз я сам себе задавал вопрос, чем мог я так прогневить вас, что не хотите вы посетить меня. Теперь же я совершенно счастлив видеть вас у себя в стране.

Достойный Рюдегер ответил:

– Не напрасно сияет счастьем ваш взор. Братья вашей супруги верны и преданны вам, и много славных воителей привели они с собою.

Происходила та встреча в самый канун солнцеворота.

Ах, что за роскошный пир то был! Рекою лились вина и меды в золотые чаши, дубовые столы прогибались от тяжести яств. Сколько ни живу я, а всё же никогда не слышал, чтобы где-то встречали друзей радушнее.

Цвентофа XXX

О том, как
Хаген и Фролькер
охраняли сон
Бургундов

День клонился к закату, на мир сходил мрак. Бургунды утомились в дороге и больше всего хотелось им отдохнуть. Первым заговорил об этом Хаген, а потом и Гунтер сказал королю и королеве:

– Господь да хранит хозяев! Мы же хотим удалиться для отдыха, а утром в назначенный час снова явимся сюда.

Хозяин со всей сердечностью дал им на то дозволение.

Гости собрались уходить, когда на пути их встали гунны, обступили бургундов кольцом и принялись теснить их и жать.

– Да вы, верно, лишились ума, если смеее преграждать нам дорогу! – прикрикнул на них отважный Фолькер. – Даже не пытайтесь становиться у нас на пути, не то наживёте бед! Если разозлят меня, могу я так махнуть смычком, что многих из вас будут потом оплакивать родные. Подите прочь, пока я не разозлился – каждый считает себя смельчаком, да ведь не каждый смел на деле.

Увидев, как разъярился его друг, Хаген оглядел стоящих вокруг него гуннских бойцов и бросил:

– Шпильман дал вам добрый совет – не стоит толпиться здесь, воины Кримхильды. Если вы не желаете нам зла, не тратьте понапрасну силы. Если же что-то задумали, приходите завтра, как рассветёт. А ночью, как исстари повелось у достойных витязей, не мешайте нам спокойно почивать.

Приезжих разместили на ночлег в просторном зале, где для каждого нашлась просторная кровать. Там вполне можно было бы предаться спокойному сну, когда бы не жаждала Кримхильда отомстить родственникам.

На постелях, приготовленных для бургундов, лежали мягкие arrasские подушки из дорогих тканей, по пышным одеялам, изукрашенным парчовой каймой, вились золотые узоры, а на покрывала пошли белые горностаи и чёрные соболя. Так хорошо всё было там обустроено, что ни один король не мог бы мечтать о лучшем ночлеге.

– Хоть и удобно здесь, а всё же не к добру это, – промолвил Гизельхер. – Увы, не верю я сестре, и подозреваю, что бедою чреват радушный приём. Удастся ли кому из нас вернуться назад на Рейн?

– Покуда нам ещё не след страшиться, – сказал Хаген. – Я берусь всю ночь до зари простоять на страже вашего сна. А уж утром каждый из нас сумеет постоять за себя.

Бургунды поблагодарили его поклоном и разошлись. Каждый из них давно мечтал об отдыхе, а потому они без промедления сняли одежду и улеглись.

Владелец Тронье же, напротив, принялся вооружаться. Храбрый шпильман Фолькер, глядя на него, тоже решил не тревожить покровов кровати.

– Дозвольте мне, Хаген, – обратился он, – пока не вспыхнет заря и не рассеется мрак, стоять на страже вместе с вами.

– Да воздаст вам творец за верность, великодушный Фолькер! – с благодарностью отвечал тот. – Когда такой воин стоит рядом, меня не одолеть ни одному врагу. И коли останусь жив, поверьте, я отплачу вам за услугу.

Надев стальные латы и блестящие шишаки, герои повесили на руки щиты и, опершись о притолоки, стали на пороге зала сторожить покой своих друзей.

Вскоре Фолькер поставил свой щит на землю, вернулся в зал и отыскал там свою скрипку. Решил он усладить бургундам первый чуткий сон. Уселся во дворе на камень и так нежно и ласково заиграл в тишине, что все в зале заслушались его музыкой. Звуки скрипки плыли волнами, перетекая и журча, и вскоре бургунды уснули, убаюканные искусством музыканта.

Увидев, что соратники погрузились в сон, Фолькер опять встал возле двери рядом с Хагеном. Когда время подошло к полуночи, зоркий шпильман заметил, как в непроглядном мраке блещут чьи-то шлемы. То воины Кримхильды под покровом темноты сходились во двор, желая застичь врасплох спящих бургундов.

– Друг Хаген, – негромко сказал музыкант, – сдаётся мне, что скоро придётся нам достать мечи из ножен. Если

зрение не изменяет мне, там, в темноте, движутся вооружённые люди. Уверен, это гунны, и недобрые мысли у них на уме.

– Говорите тише, – ответил Хаген. – Они нас пока не видят, так пусть подойдут поближе. А мы их тут встретим и разобьём немало шишаков, прежде чем враги с позором побегут отсюда.

В этот миг один из противников заметил стражников и шепнул товарищам:

– Не получится у нас застать бургундов врасплох. У входа, охраняя сон соратников, стоят доблестный Хаген и лихой шпильман. На лбы их надвинуты блестящие шлемы, а латы, которые никто ещё не сумел пробить в схватке, горят, как жар, в полночном мраке.

Побледнев от страха, гунны повернули вспять. Фолькер, придя в великий гнев, молвил другу:

– Позвольте мне отправиться за ними вдогонку. У меня есть что сказать бойцам Кримхильды.

– Ради нашей дружбы не отходите от дверей ни на шаг! – ответил Хаген. – Их слишком много, и едва вы отойдёте, они окружат вас. Мне придётся прийти к вам на выручку и тогда уж не миновать нам беды. Покуда мы будем бить врагов, гунны проникнут в зал и успеют перебить столько спящих витязей, что слёзы лить нам придётся до самой смерти.

– Тогда я хотя бы оповещу гуннов, что мы видели их здесь, – сказал с досадой скрипач. – Пусть никто из них не сможет потом отрицать, что предательски посягал на жизнь гостей.

И Фолькер закричал вслед убегающим бойцам:

– Куда вы торопитесь? И почему на вас доспехи? Уж не на разбой ли вы отправляетесь? Если так, вы только скажите, мы с товарищем поможем вам.

Враги не отозвались – от страха они не могли вымолвить ни слова.

– Тьфу, трусы и подлецы! – в ярости возвысил голос шпильман. – Вы задумали перебить нас во сне? Верно, совсем потеряли вы честь, если решились напасть на спящих.

Когда королева узнала, что нападение не удалось, месть и ненависть ещё сильнее запылали в её сердце. И гнев её был столь ужасен и беспощаден, что многих доблестных бойцов вскоре сгубил он.

Цвентюра XXXI

О том, как Бургунды
ходили в собор
и были на турнире

— **С**овсем замёрз я в кольчуге, — сказал храбрый Фолькер. — Но, чую, пахнуло свежим ветерком, значит, недолго осталось ждать зари.

И витязи отправились будить соратников.

Лучи утреннего солнца наводнили зал. Настало время идти в собор к ранней обедне, уже вовсю звонили колокола. Из языческих храмов доносилось нестройное пение. Нет, всё же христианский обряд куда как красивей и благозвучней.

Герои поднялись с кроватей — никто не хотел пропустить службу.

Витязи надели богатые одежды, ни у кого в округе не было таких! Однако Хагену это не понравилось:

— Другие наряды нужны нам сейчас, — сказал он друзьям. — Теперь вы знаете, чего можно ожидать здесь, и сколько ненависти таит к нам Кримхильда. А потому вместо роз возьмите лучше мечи, а вместо обручей

водрузите на головы шлемы. Знаю наперёд, тяжёлый бой предстоит нам сегодня, – наденьте кольчуги вместо шелков и латы вместо украшений. И берите с собой не узорчатые плащи, а добрые щиты, чтобы отражать удары врагов. Государи, ведите в храм ваших вассалов. И раз уж всем нам суждено умереть на чужбине, пусть каждый помолится, чтобы Господь даровал ему лёгкую смерть. Пускай каждый честный воин покается пред всеблагим Богом в совершённых грехах, ведь только Творец знает, последняя то будет в нашей жизни обедня или нет.

Короли с дружиной направились к храму, но внутрь храма входить не стали, остались перед дверьми.

– Держитесь вместе, – дал им совет Хаген, – чтобы при нападении дать отпор неприятелю. Щиты поставьте рядом с собой, и каждого, кто скажет вам грубое слово или иначе заденет, рубите насмерть без пощады. Только дерзость отныне будет нам защитой.

Хаген и храбрый скрипач, оба исполненные гнева, отправились на площадь, очень уж хотелось им столкнуться в дверях с королевой. Вскоре туда подошли и Этцель с Кримхильдой, одетые в роскошные одежды. Несметное множество вассалов шествовало за ними следом, и пыль, вздымаемая их ногами, словно туча, повисла над площадью.

Заметив, что все гости вооружены и при доспехах, хозяин удивился и промолвил:

– Друзья мои, почему вы пришли в кольчугах? Чего вы опасаетесь? Если нанесена вам обида, я сумею заглавить её. Если нанесли ущерб, он будет беспрекословно

возмещён, только скажите, в чём дело. Я очень сожалею, если кто-то посмел оскорбить вас.

– Мы не оскорблены, – ответил Хаген. – Но обычай нашей родины велит нам три дня являться на пир в доспехах и при оружии. Если бы кто нас обидел, мы бы давно уже доложили вам.

Кримхильда разозлилась, услышав ложь Хагена, кинула на него злобный взгляд. Она хорошо помнила обычаи своего народа, но не стала опровергать слова владельца Тронье. Ведь если б её супруг, державный Этцель, проведal правду, он никогда бы не дал начаться раздору. Вот почему ей пришлось смирить свой нрав, хоть ненависть к родичам и продолжала бушевать в её душе.

Два бургунда стояли при входе в божий храм и лишь на две пяди отошли неспешно, когда высокомерная Кримхильда вместе с двором приблизилась к ним. От подобной дерзости гунны пришли в гнев и уже готовы были вступить в бой с бургундами, но, боясь Этцеля, сдержались, и дело ограничилось лишь толкотнёю в дверях.

После службы все снова собрались на площади, и гунны уселись на лихих коней. Семь тысяч бойцов, а также множество знатных молодых красавиц сопровождало Кримхильду. Королевская чета отправилась во дворец, там они вместе уселись у окна и принялись смотреть во двор, куда съезжались бойцы для участия в турнире.

Отважный Данкварт успел к самому началу схватки. За ним толпою шли оруженосцы и слуги. В поводу они вели осёдланных коней нибелунгов, и не было там скакунов,

убранных богаче. Когда короли и дружинники вскочили в сёдла, Фолькер обратился к ним:

– Соратники, постоим за честь родной земли! – сказал шпильман. – Бейтесь так, чтобы снискать почёт и славу.

Всем бургундам пришлось по нраву его слова.

Со всех сторон стекались витязи на просторный двор – каждый хотел показать свою удаль пред королём и королевой.

Далеко разносились громовые удары оружия, Кримхильда с королём не могли налюбоваться битвой.

Взметая пыль, примчались пятьсот храбрых воинов, служивших Дитриху Бернскому. И они все, как один, схватились бы с бургундами, если б их господин разрешил им. У бернцев хватало могучих воинов, но Дитрих знал силу бургундов и, опасаясь за своих подданных, не позволил им вступить в схватку.

Далее подоспели пятьсот бехларенцев Рюдегера. Прикрываясь щитами, во всеоружии, как буря пронеслись они перед дворцовыми стенами, но доблестный маркграф не был рад их появлению. Рюдегер немедля приблизился к своим вассалам и, как мог, вразумил их, объяснив, что рейнцы Гунтера пребывают в большом гневе, и бехларенцам не следует ввязываться с ними в схватку.

Бойцы Рюдегера покинули поле, но на смену им явились лихие тюринги и храбрецы из Дании. Как говорят, было их числом до десяти сотен. Во главе дружины шествовали Ирнфрид и Хаварт. Гости встретили их с надменным спокойствием и, изрубив немало крепких щитов, отразили натиск датчан и тюрингцев.

После брат Этцеля Бледель повёл на вормсцев трёхтысячную рать. Кримхильда, желая сородичам поражения, не отрывая глаз, следила за яростной схваткой.

Рамунг, Хорнбог, Шрутан и Гибих ринулись в бой. С удивительным бесстрашием дрались гунны и бургунды. Обломки копий летели во все стороны от места схватки. Но всё же то была лишь воинская игра, пусть даже и сражались вормсцы с такой отвагой, что от могучих ударов гудели зал и двор. Собравшиеся вокруг зрители громко славили героев.

Смельчаки рубились с таким рвением, что чепраки на их резвых конях вскоре побелели от пота. Но ни гости, ни хозяева не хотели уступать.

Доблестный шпильман Фолькер обратился к соратникам с такими словами:

– Давайте устроим передышку. Вряд ли враг отважится схватиться с нами всерьёз. Если уж они здесь не втянули нас в ссору, то и дальше затевать её не дерзнут. Пока же мы велим отвести наших коней в стойла для отдыха, а как начнёт смеркаться, возобновим турнир. Быть может, вечерняя свежесть охладит пыл Кримхильды и рассеет её злобу.

И едва он это сказал, как во двор влетел некий красавец-гунн. Одежда на нём была пышнее, чем на любой женщине – верно, очень желал понравиться одной из них.

– Не могу упустить такого случая, – сказал шпильман. – Посмотрите, как сейчас этот красавчик при всех дамах и девах рухнет в пыль. А если Кримхильда разъярится из-за моего поступка, что нам за дело до того?

– Оставьте эту затею, – возразил Гунтер. – Пусть даже ссора неизбежна, не мы её начнём. Вина за то будет лежать на гуннах, но никак не на нас.

– Мне тоже хотелось бы продолжить бой, – сказал Хаген, – дабы присутствующие витязи и дамы по достоинству оценили нашу доблесть. Если у хозяйки нет для нас наград, пусть хотя бы их приветственные кличи вознаградят бургундов.

Отважный Фолькер разогнал коня, и копьё героя насквозь пронзило прекрасного гунна. Множество дам и дев поверг скрипач в большое горе, и немало слёз пролили женщины о погибшем. За лихим шпильманом последовал Хаген, за ним ещё шестьдесят вассалов, и яростная схватка закипела вновь.

Хозяин и его супруга всё это время, сидя у окна, внимательно наблюдали за схваткой.

Чтобы не оставить Фолькера одного во вражеском окружении, три короля и тысяча их дружинников без промедления ринулись ему на помощь, сокрушив по пути немало щитов и копий. Когда скрипач сразил красавца-гунна, друзья и родичи погибшего возопили о мести и спросили, как зовут его убийцу и кто он такой. Ответа не пришлось ждать долго и им поведали, что был то Фолькер, удалой шпильман. Родня убитого гунна-маркграфа схватилась за мечи, желая защитить свою честь и отомстить убийце. Увидев это, Этцель решил вмешаться и покинул дворец.

Гунны меж тем кричали всё горестней и злее. Бургундская дружина сошла с коней, намереваясь в пешем строю

дать отпор неприятелю. Но тут подоспел Этцель и остановил раздор. Когда один из друзей убитого маркграфа выхватил стальной клинок, хозяин вырвал оружие из рук гунна и пристыдил буянов:

– Если вы нападёте на скрипача, позор ляжет на меня, вашего короля! – разгневавшись, закричал он. – Я видел, как дрался Фолькер и знаю, что не хотел он смерти маркграфа. Не умысел, а несчастный промах тому виною. Я не позволю нанести ему урон и заставлю вас соблюдать законы гостеприимства! Оставьте в покое моих честных гостей.

Поняв, что хозяин стоит за них горой и не позволит причинить обиды, бургундские короли без опаски велели отвести скакунов в стойло. Этцель попросил рейнцев забыть о ссоре с его вассалами и вместе с шурьями отправился в пиршественный зал.

Гунны слышали приказ короля, однако всё больше и больше набиралось людей, питавших к бургундам вражду.

Пока хозяева и гости усаживались за стол, доблестный Дитрих со свитой подошёл к Кримхильде, и королева завела с ним коварный разговор.

– Властитель Бернский, мне до крайности нужна ваша ратная помощь.

И тут же в разговор вмешался старый Хильдебранд:

– Не стоит помогать той, – сказал он, – кто желает гибели отважным нибелунгам. Они превосходят в отваге любого врага, и добром такие затеи не кончатся.

Дитрих же со всей учтивостью так ответил королеве:

– Я не смогу исполнить вашу просьбу. Меж вашей бургундской роднёй и мной нет распрей, и мне не должно поднимать на них оружие. Да и к лицу ли вам, госпожа, желать этого? Ведь то будет большой урон для вашей чести, если убьёте вы своих братьев, заманив их на пир. Нет, я не буду мстить им за Зигфрида.

Потерпев неудачу с Дитрихом, Кримхильда не унялась и обратила свой взор на Бледеля, пообещав в награду за смерть братьев и их дружины отдать ему марку Нудунга. Скажем наперёд, что сражённый тяжёлым мечом Данкварта брат Этцеля не успел ею воспользоваться.

– Деверь, не откажи в помощи, – принялась упрашивать она Бледеля. – Видишь, здесь пируют злодеи, убившие Зигфрида, моего милого мужа. Обещаю, что вовек не забуду того, кто поможет мне за него отомстить.

– Моя госпожа, – отвечал ей Бледель, – при брате я не посмею напасть на его гостей. Слишком дорожит сейчас Этцель дружбой с бургундами, чтобы дерзнул я нанести им обиду. Он не простит мне этого.

– Я буду твоей заступницей перед мужем. Много золота дам я тебе за помощь, а серебра вдвое больше. Ещё обещаю, что не пожалею сил, чтобы в свой срок и час ты смог ласкать нежное тело невесты Нудунга. Я уже пообещала тебе Нудунгову марку, но к ней в придачу дам ещё немало замков и земель. Ручаюсь, жизнь твоя наполнится радостью, а ты знаешь, что я верна своему слову.

Когда Бледель услышал про богатые награды, а особенно про невесту, решился он поднять свой меч за Крим-

хильду. И из-за этого пришлось потом ему и его дружине найти покой в сырой земле.

– Сейчас вернитесь в зал, – посоветовал он невестке, – а уж я постараюсь втянуть бургундов в ссору, чтобы вы наконец отомстили ненавистному Хагену. Ждите и скоро мы доставим вам владельца Тронье связанным.

– К оружию! – сказал Бледель своим вассалам. – Королеве нанесена обида, и нам предстоит расправиться с её обидчиками! Я пообещал ей помощь, и вам, храбрецы, тоже придётся рискнуть жизнью!

Услышав, что деверь послушен ей и выполняет обещанное, Кримхильда возвратилась в зал к мужу. Этцель продолжал пировать вместе с бургундами, которым готовила она страшную участь. Все чувства в королеве давно были убиты жаждой мести. Ни перед чем не остановилась бы она, только б разжечь вражду. И для этой цели велела Кримхильда привести в зал своего малютку-сына. Слышал ли кто-нибудь из вас о женщине более безжалостной?

Четыре дружинника отправились за Ортлибом и привели дитя к столу Этцеля. Хаген сидел рядом с королём, за тем же столом. Исполненный ненависти, он потом умертвил ребёнка.

Державный Этцель, с теплотой глядя на сына, представил его дядьям:

– Вот кем одарила меня ваша сестра. Надеюсь, что мой наследник станет отрадою для всей родни. Если пойдёт в вас, шурья, то вырастет достойным витязем. В наследство я оставляю ему дюжину обширных стран. Есть у меня

к вам просьба. Когда поедете обратно на Рейн, возьмите Ортиба с собой. Пусть растёт под вашим присмотром, вы же будьте к нему добры и сердечны. Зато, став мужчиной, он сумеет дать отпор любому вашему обидчику.

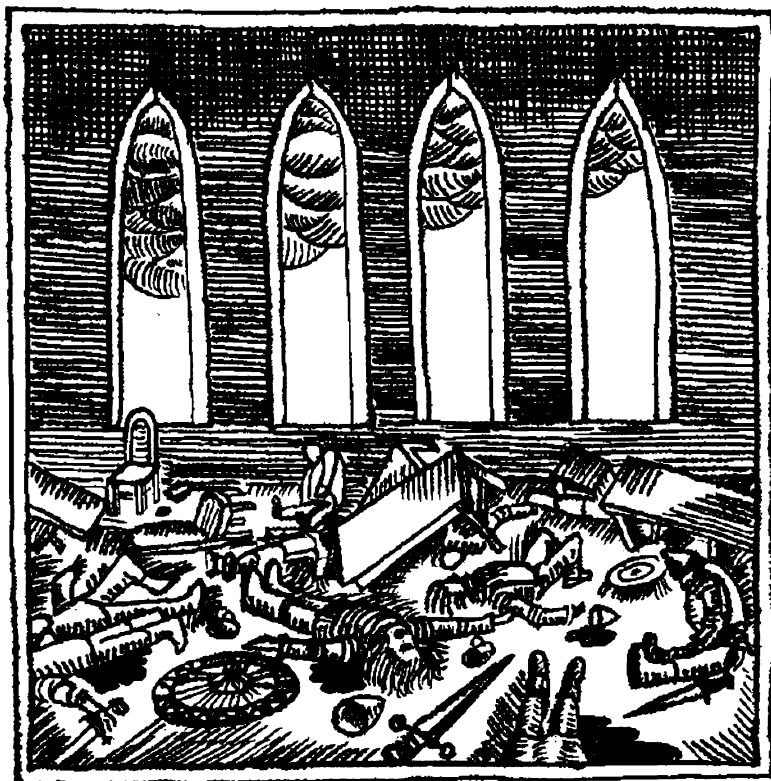
Кримхильда тем временем внимательно прислушивалась к разговору.

– Зачем моим государям брать его на воспитание? – сказал владетель Тронье. – По всему видать, что жить ему недолго, и вряд ли я когда-нибудь буду ему служить.

Хозяин, помрачнев, взглянул на неучтливую гостью, но переборол свой гнев и смолчал. Однако слова Хагена поселили в его душе тревогу, Этцель ясно видел, что бургунд не шутит. На чело короля гуннов сошла мрачная тень. Бургундские владыки от дерзости вассала хоть и пришли в смущение, но не оборвали его.

Если б только знали они, какие деяния вскорости учинит Хаген!

ЦВЕТУЮЩА XXXII

О том, как были
истреблены слуги
Бургундов, а Данкварт
убил Бледеля

Бледель тем временем уже изготовился к бою. Вместе с дружиной в тысячу закалённых битвами бойцов пришёл он в зал, где вместе со слугами пировал Данкварт. Увидев, что к нему идёт брат гуннского короля, Данкварт учтиво поднялся ему навстречу и приветствовал такими словами:

– Приветствую вас, государь мой Бледель. Мы, как всегда, рады вам.

– Не радуйтесь, чужак, – высокомерно отвечал ему Бледель. – Мой приход означает вашу смерть. Сегодня вы расплатитесь за вину брата – за то, что Хаген когда-то убил Зигфрида.

– Не могу поверить! – воскликнул Данкварт. – Неужто придётся нам пожалеть, что мы приняли приглашение друзей? Почему вы явились с мезтью ко мне? Когда доблестный Зигфрид умер, я был слишком мал, чтобы сейчас отвечать за его гибель.

– Пусть его убили Гунтер и Хаген, но заплатить за это всё же придётся вам, ведь вы приходите родственным им обоим. Защищайтесь, бургунды! Не будет вам пощады! И пусть вашей кровью утолит наконец свою жажду мести Кримхильда!

– Раз вы упорствуете, будь по-вашему, – ответил Данкварт. – Мне только жаль, что я пытался говорить с вами, как с другом.

Тут герой достал из ножен булатный меч, перемахнул через стол и одним ударом снёс гунну голову с плеч. Затем пнул её ногою и сказал:

– Этот свадебный подарок ты возмёшь с собою в гроб, пусть даже и не удалось тебе назвать невесту Нудунга женою. Другие теперь будут к ней свататься, ты своё уже получил.

Как видно, Данкварт сумел найти верного человека среди гуннов и знал о разговоре меж Кримхильдой и братом Бледелем.

Едва тело Этцелева брата рухнуло на пол, его вассалы обнажили мечи и ринулись на слуг бургундских королей. Однако горько же пришлось потом поплатиться тем, кто втянул в бой гостей.

– Друзья, теперь вам ясно, для чего зазвали нас сюда и что на уме у Кримхильды! – громогласно крикнул Данкварт землякам. – Сражайтесь! Если умирать, так умирать в бою!

У кого из бургундов не было с собой оружия, те пустили в ход то, что оказалось под рукой. Когда речь идёт о жизни и смерти, всё годится в схватке – скамьи, столы, кувшины,

стулья. У смельчаков и слуги им под стать: шишаки на гуннах дробились один за другим.

Ярость бургундов была такова, что даже без щитов и доспехов они выбили из зала вооружённых врагов. Более пятисот гуннов унесла та лихая схватка. Кровь недругов ручьями текла с победителей.

Вскоре Этцелевы вассалы узнали о безвременной гибели высокородного Бледеля и его дружинников, и что виновник его смерти – брат Хагена Данкварт со слугами.

Две тысячи гуннов вооружились и, прежде чем Этцель узнал про то и успел их остановить, железной лавиной ворвались в зал, где вступили в бой с почти безоружными слугами бургундов. Храбро бились вормсцы, но языческое войско сломило их упорство: все до одного полегли рейнцы в пиршественном зале. С незапамятных времён не случалось резни более кровопролитной: двенадцати вассалов лишился в этот день брат Хагена. Да кроме них, ещё девять тысяч слуг и простых бойцов было изрублено там. И только сам он сумел уцелеть в жестокой сече.

Когда умолк шум битвы, утихли стоны и вопли, бесстрашный Данкварт оглядел зал и печально произнёс:

– Все мои друзья мертвы. Теперь я остался один против гуннов.

Однако витязь не пал духом, он затянул потуже ремень на щите и ринулся в битву.

– С дороги, гунны! – вскричал сын Альдриана. – Здесь слишком душно, я хочу выйти за дверь и глотнуть свежего воздуха!

Удары дождём сыпались на него, гудел под мечами щит, но витязь сумел прорубить дорогу к выходу из зала. Попутно немало обагрив он кольчуг остриём своего клинка, и многих жён заставил рыдать о мужьях.

Когда разгорячённый бургунд выскочил во двор, враги, не знающие, каких дел он натворил в зале, и мнившие, что с одним бойцом справиться будет совсем нетрудно, вновь подступили к нему.

– Эх, – воскликнул Данкварт, – когда бы знал Хаген, как теснят меня недруги, давно бы пришёл на помощь или погиб вместе со мной. Эй, кто-нибудь, сообщите ему, в какую беду попал его брат!

– Ты сам станешь таким вестником, – ответили гунны, – когда мы отнесём твой безгласный труп к Хагену. Пусть боль и скорбь поразят его в самое сердце. Не будет тебе пощады: слишком много людей Этцеля полегло от твоей руки.

– Вы правы, – молвил Данкварт, – я должен сам предстать пред своими королями и рассказать им о вашем коварстве. А вы, чем бросаться пустыми угрозами, лучше бы дали мне дорогу. Ведь я, слава Богу, ещё в силе и смогу пустить вам кровь.

Когда враги поняли, что в бое на мечах им не одолеть Данкварта, они принялись метать в него копья. Столь много вонзилось их в щит бойца, что воителю пришлось отбросить его.

– Теперь ему не уйти от нас, – обрадовались гунны.

Витязя, однако, это не смутило. Наоборот, он стал биться втрое злее и покрыл себя в тот день неувядаемой

славой. Словно свора псов на могучего вепря, бросались мужи Кримхильды на Данкварта – каждый хотел помериться с ним силой. Но брата Хагена им было не остановить, и лужи крови дымились на всём его пути ко дворцу. Так Данкварт пробил себе дорогу.

Едва во дворце услышали шум и лязг мечей, у стольников и кравчих затряслись руки и расплескалось вино из чаш. Однако, заслышав клич «К оружию!», они схватили клинки и толпой встретили витязя у входа. Герой устал, но готов был продолжать сражение.

– Уйдите-ка с дороги, – посоветовал он им. – Вам, стольникам и кравчим, не пристало ввязываться в схватку. Ваше дело честь честью прислуживать королю и его гостям. Прочь с лестницы! Я тороплюсь с известием к моим государям.

Тех, кто пытался не пустить его наверх, воитель сбил с ног тяжёлым мечом. Прочие же все бежали, слишком большой страх внушил им Данкварт и совершённые им дела.

ЦВЕТУРА XXXIII

О БИТВЕ МЕЖ
БУРГУНДАМИ
И ГУННАМИ

Продравшись через гуннские дружины, словно сквозь дремучий лес, Данкварт широко распахнул двери и весь забрызганный кровью, с мечом наголо, встал на пороге.

– Дорогой Хаген, – крикнул он брату так, чтобы все в зале услышали его, – сдаётся мне, вы не в меру засиделись тут. Скорбную весть принёс я: только что в бою мы лишились всех своих слуг до единого.

– Кто их убил?

– Бледель со своими дружинниками, – ответил Данкварт. – Впрочем, он тут же поплатился за это. Я без лишних слов отсёк ему голову.

– Не будем жалеть его, – сказал Хаген. – Того, кто погиб в честном бою с витязем, должно почитать счастливецом, и даже женщинам не стоит о нём рыдать. Но скажите, почему кровь струится по вашей броне? Вы ранены, Данкварт? Тогда пусть трепещет тот, кто поднял на вас меч, сам сатана не уберёжёт от моей мести.

– Не переживайте понапрасну, – успокоил его брат, – я цел и невредим. А вымок я от крови врагов. Я порубил их столько, что сбился бы со счёта, если б пересчитывал оставшиеся за мной трупы.

– Брат мой, – воскликнул тут Хаген, – держите дверь, чтобы ни один гунн не ускользнул отсюда. Хочу я учинить допрос нашим гостеприимным хозяевам, за что предали они мечу наших слуг?

– Что ж, – ответил Данкварт, – коль скоро мои короли не против, чтобы я встал у дверей, значит, так тому и быть. Ручаюсь, они не найдут привратника более верного.

Эта речь повергла мужей Кримхильды в уныние, а Хаген лишь усмехнулся:

– Как удивительно видеть смятение на лицах гуннских героев! Похоже, им не по нраву, что у двери стоит тот, кто принёс сюда весть об истреблении бургундских слуг. Значит, верны оказались слухи, Кримхильда не забыла о прошлом и всё так же жаждет мести. Помянем усопших тем же вином, что готовила для нас хозяйка, и начнём расплату с принца.

С этими словами Хаген обрушил свой меч на малютку Ортлиба – голова ребёнка слетела со слабых плеч и тяжело пала на колени Кримхильды. Наставник наследника тоже не уберёгся от удара бургунда, лишился головы и рухнул на пол. Вряд ли думал он, что расплата за его труды будет столь несправедливой.

Тут и началось жестокая сеча.

Скрипач Вербель в тот момент играл перед своим королём. Хаген подбежал к музыканту и, взмахнув клинком, по локоть отрубил ему руку.

– За что? – воскликнул шпильман. – Что плохого сделал я вам, владетель Тронье, когда исполнял свой долг посла и жил в вашей стране? Чем теперь держать мне смычок?

– Это вам за то, что вы были гонцом к бургундам и приносили этой самой рукой клятву, обещая, что мы будем у Этцеля в безопасности!

Какое дело до жалоб скрипача тому, кто исступлённо разит врагов? Удары Хагена сыпались один за другим, клинок со свистом рассекал воздух, мёртвые тела десятками падали на пол.

Шпильман Фолькер пришёл на помощь Хагену и смычок запорхал в его руках. Но не по струнам скрипки, а по головам врагов, и каждое касание обрывало чью-то жизнь. Короли бургундов поначалу пытались утихомирить бойцов, но благоразумные голоса их оказались слишком тихими, чтобы Хаген или Фолькер прислушались к ним. Где вспыхнул бой, там гнев уму не обуздать. Поняв, что предотвратить беду уже не удастся, Гунтер извлёк оружие и присоединился к сече. Много блестящих шлемов и панцирей рассёк он тогда и снова доказал, что страх ему неведом.

Вслед за ним ринулся в битву и могучий Гернот. Так же, как и брат, немалый урон нанёс он дружине хозяев. Меч, что получил он в подарок от Рюдегера, в тот день вдоволь напился крови. Младший сын Уты тоже не остался в стороне: со звоном крушил вражьи шлемы и рвал кольчуги.

Храбро бились воины-бургунды, но Гизельхер сражался отважнее всех – там, где гулял его меч, враги ложились, словно трава под косой.

Однако гунны в ратном деле тоже не были новичками и умели постоять за себя. Повсюду сверкали мечи, дворец оглашали крики и стоны. У порога зала кипел особенно жестокий бой. Гунны осаждали дверь изнутри и снаружи – одни из них рвались внутрь на выручку друзьям, другие хотели вырваться из зала и пробиться во двор. Но доблестный Данкварт, встав на пороге, сумел дать отпор и тем, и другим. Жестокая резня шла вокруг героя, меч его, звеня, разбивал шлемы, но всё же вряд ли остался б он цел, не позаботься о нём его брат.

– Друг Фолькер, – окликнул смелого шпильмана Хаген, – хочу попросить вас об услуге. Взгляните, там, у входа, враги, словно псы медведя, со всех сторон окружили Данкварта. Спасите его или погибнет он под их клинками.

– Иду, – ответил бесстрашный скрипач и отправился на помощь.

Задорную песню играл он по пути своим недругам, и брызги крови сопровождали звуки той музыки. Всем рейнцам пришлось по нраву игра Фолькера.

– Меня прислал ваш брат, – сказал скрипач, приблизившись к Данкварту, – чтобы я разделил с вами ваш нелёгкий труд. Давайте встанем спина к спине, и тогда, ручаюсь, ни один враг не пройдёт сквозь эти двери.

Так они и порешили. Теперь Данкварт следил за лестницей, и каждый, кто приближался к дверям, скатывался

вниз. Фолькер же отбивался от гуннов, желающих покинуть зал.

– Друг Хаген, мы намертво закрыли двери зала, – крикнул шпильман, перекрывая шум боя. – Два меча заперли их, и это надёжнее, чем тысяча замков.

Хаген, ободрённый известием, забросил свой крепкий щит за спину, и начал расплачиваться за нанесённые обиды с такой яростью, что враги, запертые в зале, перестали надеяться на спасение.

Правитель Берна встал на скамью и, увидев с высоты, как лихо рубит Хаген блестящие доспехи врагов, сказал:

– Если ничего не предпринять, владетель Тронье и нас заставит испить горькую чашу.

Немало гуннов к этому времени перебили бургунды, и отвага их не на шутку испугала Этцеля. Он понял, что даже королевский сан не спасёт его и супругу от мечей рейнцев.

Тогда Кримхильда со слезами на глазах обратилась к владыке амелунгов Дитриху Бернскому:

– Спасите нас, доблестный рыцарь. Помогите нам с мужем выйти живыми из этого зала. Если Хаген доберётся до меня, не миновать мне смерти.

– Как же я смогу помочь вам? – ответил ей Дитрих. – Мне и самому грозит гибель. Лихие бургунды столь разъярены, что мне впору самому спастись, а не думать о спасении других.

– Помогите, мой храбрый друг, – просила Кримхильда. – Не то и я, и державный Этцель ляжем здесь бездыханными от вражьих мечей.

Ещё никогда Кримхильда не стояла так близко к смерти.

– Хорошо, я попробую вместе с вами выбраться отсюда. Хотя никогда ещё не видел я, чтобы такое множество витязей пребывали в столь сильном неистовстве. Они бьются, даже когда кровь ручьями бежит из-под их порубленных шлемов.

С тем доблестный Дитрих стал созывать своих амелунгов. Его могучий, как звук охотничьего рога, голос пронёсся над сражающимися и проник во все уголки дворца.

Как только Гунтер понял, чей клич перекрывает грохот боя, то сказал своим друзьям:

– Я слышу, как Дитрих Бернский взывает к своим соратникам. Уж не убили мы кого из его людей? Вот он машет рукою, встав на стол. Боюсь, как бы не захотел он вступить в схватку на стороне гуннов. Прервите бой, бойцы, а я спрошу у Дитриха, что произошло.

Вассалы Гунтера тотчас опустили мечи – все они, как один, были покорны своему королю. И вот что владыка бургундов сказал Дитриху:

– Что случилось, доблестный Дитрих? Если мои друзья причинили ущерб бернцам, я готов немедля возместить его. Извините, если кто нанёс вам невольную обиду – у нас и в мыслях не было причинить вам зло.

– Нет, – ответил Дитрих, – я не видел от вас ничего дурного. Хочу только, чтобы вы позволили мне и бернским воинам мирно покинуть зал. Обещаю, что до самой смерти не забуду вам этого.

Тут в разговор вмешался пылкий Вольфхарт:

– К чему просить, чтобы отперли для нас закрытый выход? Наши стальные клинки срубали замки и покрепче этого.

– Чёрт бы побрал вас и ваши речи! – одёрнул его Дитрих.

– Мы не станем препятствовать вам, – ответил Гунтер бернцу. – А также с вами могут уйти все, кого вы возьмёте с собой. Но гуннам я не дам ускользнуть: слишком много наших людей перебили они сегодня.

Дитрих одной рукой обнял дрожащую от страха Кримхильду, а другой Этцеля и без задержек повёл их к дверям. За ними следом вышли шестьсот его храбрых дружинников.

Рюдегер, доблестный бехларенский маркграф, произнёс:

– Что ж, если вы позволили уйти бернцам, то разрешите и мне покинуть зал. Меж рейнцами и нами нет вражды.

– Вряд ли найдутся у нас друзья более преданные и любимые, чем бехларенцы, и мы не помешаем вам уйти вместе с дружиной, – ответил ему Гизельхер Бургундский.

Достойный Рюдегер оставил зал, а за ним следом ушли пятьсот его вассалов. И хоть каждый из них испытывал тогда к бургундам самую искреннюю дружбу, потом судьба распорядилась так, что они нанесли гостям большой урон.

Один из гуннов, заметив, что Дитрих вывел за порог Этцеля и Кримхильду, по их примеру тоже пристроился к бернцам, но Фолькер отличил его и сразил клинком.

Когда они вышли во двор, владыка гуннов оглянулся и с тревогой сказал:

– Опасных гостей пригласил я в свой дом. Как бы не перебили они сегодня всех моих воинов... Смотрите, как грозен скрипач, стоящий у входа в зал: он грозен, как дикий вепрь, и зол, как дьявол. Благодарю свою удачу, что удалось мне живым уйти из его рук. Смертельна музыка его скрипки, а смычок багров от крови.

Выпустив всех, кого не считали врагами, бургунды продолжили резню. Да, славно отомстили они за смерть своих земляков! Сколько один только шпильман изрубил тогда прочных доспехов!

Указав в сторону двери, Гунтер обратился к владельцу Тронье:

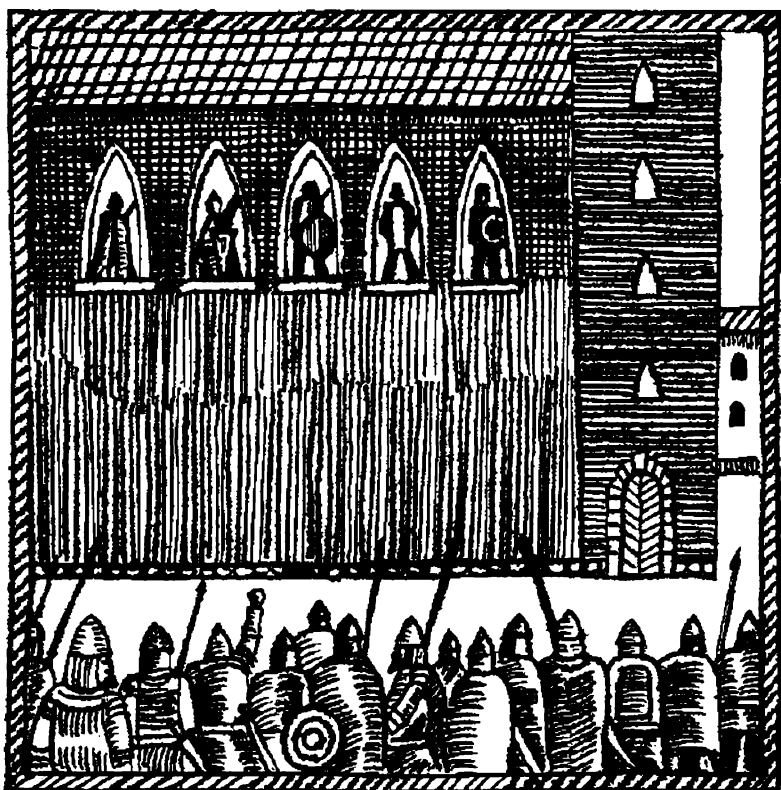
– Слышите, Хаген, какой лихой мотив исторгает Фолькеров смычок из вражеской брони? И покрыт он кровью, а не смолою натёрт.

– Король, – отозвался Хаген, – мне так жаль, что мой верный друг рубится там в одиночку. Давно следует мне прийти к нему на помощь, ведь мы друзья с ним, и останемся ими до самой смерти. Взгляните, как усердно шпильман служит вам, как скачет по вражеским шлемам его смычок, как отлетает от него кровавая роса. Нет, не зря одаривали вы его серебром и золотом. Каждый раз, когда он низвергает на гуннов сталь своего клинка, их броня поёт жалобную песню. Такой воин заслуживает любых наград.

Упорно дрались гунны, и всё же погибли все до единого.

Умолкли крики и стоны, стихло громыхание и лязг железа. Только тогда усталые бургунды выпустили из рук оружие.

Цвентюра XXXIV

**О том, как Бургунды
выбрасывали убитых
и раненых суннов
из зала**

Воины и короли уселись, чтобы передохнуть, а Фолькер с Хагеном сошли вниз и, опершись о щиты, с грозным видом встали у выхода во двор.

Тут Гизельхер обратился к бургундам:

– Соратники, прежде чем предаваться отдыху, должны мы очистить зал от трупов. Скоро вассалы Кримхильды опять ударят по нам. В новой битве мёртвые тела будут лишь помехой, так давайте избавимся от них. И до тех пор, пока гунны задавят нас числом, ещё многих успеем мы ранить или отправить к праотцам.

– Вот речь искусного воителя! – одобрил Хаген. – Наш молодой король опытен не по летам, и я счастлив служить такому властителю.

Бойцы взялись за дело, и вскоре семь тысяч тел было выброшено ими из зала вниз во двор. Дворец огласили крики родни гуннских дружинников. Кое-кто из гуннов

был лишь ранен, и в руках лекарей вполне мог бы поправиться, но падение с высоты добило многих.

– Правдивы оказались слухи, что я слышал о гуннах, – сказал могучий Фолькер. – Действительно никчёмные это люди, хуже баб. Вместо того чтобы оплакивать раненых, лучше бы занялись их лечением.

Услышав эти насмешки и не заметив в них подвоха, один маркграф приблизился к дверям, чтобы унести израненного друга, и тут же пал, насквозь пронзённый копьём доблестного шпильмана. Гунны в испуге бросились врассыпную, на чём свет князя убийцу-бургунда. Один гунн даже швырнул в него со злости копьём, но музыкант поднял его и метнул обратно. Гудя, будто шмель, пролетело оно над толпой и так глубоко вошло в землю, что страх вселился в сердца гуннов, и они отступили подальше от могучих рейнских воинов.

Меж тем во дворе собирались дружины Этцеля, и Хаген вместе со смелым скрипачом вступили с гуннским властелином в разговор. Речь их при этом была столь дерзостна, что не могла принести бургундам ничего, кроме новых бед.

– Лишь там люди отважны и готовы на подвиги, – сказал Хаген, – где государь сам ведёт подданных на битву. Вот так, как поступают мои короли. Недаром чужая кровь ручьями бежит с их клинков.

Доблестный Этцель схватился за щит, но Кримхильда остановила его.

– Не стоит рисковать собой, – сказала она. – Грозный Хаген одолеет вас в бою. Лучше пообещайте гуннам золота и пошлите их на бургундов.

Этцель, однако, остался глух к её советам и продолжал рваться в битву – не каждый государь обладает такой смелостью. Пришлось всей свите встать поперёк его дороги и лишь тогда смогли они остановить своего короля. А дерзкий гость меж тем всё продолжал жалить хозяина острыми словами:

– Этцель, нет родства между вами и Зигфридом, пусть даже он и спал до вас с Кримхильдой. Так почему же вы, злой король, злоумышляете против меня? За что мстите бургундам?

Королеву сильно оскорбили эти слова, и она едва-едва сдержала слёзы. Честь её была задета. И вот какие слова подсказал ей гнев:

– Того, кто сразит моего обидчика Хагена, я награжу землями и замками, а в придачу дам мужнин щит, полный золотой казною! И всё это за голову владетеля Тронье!

Бургунды тоже слышали слова Кримхильды.

– И где же гунны? – удивился Фолькер. – Отчего не идут сюда? Никогда не видел я воинов трусливей – они боятся сделать шаг, даже когда их ждёт столь щедрая награда! Эта бесполезная орава лишь даром есть хлеб своего государя. Стоят без дела, вместо того, чтобы поспешить на помощь своему владыке. Никак не пойму я, за что их зовут мужами.

ЦВЕТУРА XXXV

О том, как
нашёл свою смерть
Уршиг

Иринг, датский маркграф, пришёл в ярость от этих слов.

– Никогда не изменял я своему вассальному долгу, и враги не раз извели в бою мою храбрость! Подайте мне мой меч, я собою спешу с Хагена!

– Зря вы хотите драться со мной, не кончится это для вас добром, – ответил владеец Тронье. – Но уж если решились, велите гуннам убратся подальше. И пусть ни один из них не пытается проникнуть в зал – я спущу с лестницы каждого, как уже спустил их предшественников.

– Довольно слов! – воскликнул Иринг. – Случалось мне бить и более грозных противников! С вами, хвастун, я справлюсь в одиночку, и заносчивость не поможет вам!

Он двинулся к Хагену, а удалой Хаварт, отважный тюринг Ирнфрид и ещё с тысячу испытанных бойцов отправились за ним следом. Взгляд Фолькера зажёгся гневом, когда он увидел, как много воинов в полном вооружении движется ко входу в зал.

– Мой друг Хаген, посмотрите, до чего смел ваш противник. Он обещал управиться с вами в одиночку, но ведёт с собой десять, а то и более сотен дружинников. Лгать он умеет хорошо, посмотрим, так ли хорош сей рыцарь в бою.

Иринг, понимая, что присутствие неожиданных помощников не делает ему чести, воскликнул:

– Уйдите прочь! Я вовсе не собираюсь прослыть лгуном или трусом и, если дал слово, то непременно сдержу его. А Хагена, как он ни храбр, я сумею победить и в одиночку!

И стал упрашивать своих родных, чтобы никто из них не вмешивался в схватку. Долго лихой витязь не мог сломить их упорства – все гунны уже убедились, сколь силен и жесток его враг. Однако он сумел добиться своего и остался с противником один на один, чтобы покрыть себя славой или погибнуть в честном бою. Изготовившись, витязи начали бой.

Высоко подняв копье и прикрывшись щитом, датчанин побежал по лестнице к Хагену, а бургунд поспешил ему навстречу. Бойцы разом метнули копья, и те, пробив щиты, сломались. Обломки древков со свистом пронеслись по воздуху, и бойцы обнажили мечи. От могучего удара Хагена, который он обрушил на противника, по двору и залу разнёсся протяжный гул. Не щадя себя, бились храбрецы, тяжёлые удары сотрясали здание. Но одолеть владельца Тронье Иринг был не в силах.

Увидев, что ему не справиться с соперником, маркграф оставил его и направился к лихому шпильману. «Уж это-то мне по плечу», – подумал датчанин.

Но Фолькер тоже был боец не из последних. Его широкий меч со звоном обрушился на щит маркграфа, и у подщитного ремня отлетели пряжки. Решив, что и со скрипачом ему связываться не стоит, Иринг ввязался в схватку с Гунтером Бургундским. Тут соперники оказались равны друг другу, и как ни старался каждый одолеть другого, ни один из них не получил и царапины. Броня их оказалась столь надёжной, что даже булат не пробивал её.

Оставив Гунтера, маркграф с разбегу накинулся на Гернота. Целый сноп искр выбил его меч из кольчуги противника, однако и сам он едва не погиб от руки доблестного короля. Иринг увернулся, отпрянул и за короткий миг сумел одного за другим сразить четырёх бургундских дружинников, что стояли неподалёку. Гизельхер, увидев это, вскипел гневом.

– Вам, сударь мой Иринг, – воскликнул он в ярости, – придётся ответить за сражённых вами!

С этими словами король нанёс датчанину такой удар, что тот рухнул наземь.

Словно мёртвый лежал он перед Гизельхером, весь покрытый кровью, и каждый, кто видел его, думал, что датчанину никогда уже не взяться за меч. Но Иринг даже не был ранен, а только лишь сбит с ног и оглушён. Оглушён, впрочем, настолько сильно, что уже и сам не знал, жив он или мёртв – король нанёс ему удар столь сокрушительный, что от боли датчанин потерял сознание. Когда же беспмятство его прошло, Иринг решил не открывать глаз

и подумал: «Хоть Гизельхер и нанёс мне удар несравненной мощи, на моё счастье я не только остался жив, но даже и не ранен».

Если бы знали бургунды, что враг их невредим, не уйти бы ему живым от них. Но он притворялся мёртвым, слушал их разговоры и тревожно размышлял, как бы ему ускользнуть от Гизельхера и его дружинников. И вот, уловив мгновение, он внезапно вскочил и бросился бежать. Маркграф был скор на ногу, но за порогом Хаген снова преградил ему путь и беглецу пришлось пустить в ход клинок. «Теперь тебе не избежать смерти, – подумал владетель Тронье. – Разве что сам дьявол поможет тебе».

Однако, как ни лих был бургунд, Иринг сумел своим стальным мечом, что звался Васкеном, рассечь на нём шлем. Почуввав рану, Хаген что было сил взмахнул клинком, но вассал Хаварта не пожелал продолжать бой и, радуясь, что остался цел, кинулся наутёк. Хаген бросился вслед за ним вниз по ступеням. Но даже если бы лестница была в три раза длинней, то и тогда бургунд не смог бы настигнуть и поразить маркграфа – его меч лишь выбивал искры из щита датчанина.

Целым и невредимым вернулся Иринг к соратникам. Кримхильде немедля доложили, что Хаген, её обидчик, ранен в жестоком бою, и она пришла выразить благодарность датскому маркграфу.

– Да вознаградит вас Творец за отвагу! Доблестный витязь, вы смогли утешить меня. Вижу я, что кольчуга

владельца Тронье теперь багряна от крови, и это радует моё сердце.

В знак уважения он сама своими белыми руками сняла с Иринга изрубленный щит.

– Рано вы взялись благодарить его, – сказал ей наблюдавший за ними Хаген. – От такой пустячной раны вреда не много. А вот если бы Иринг решился снова вступить со мною в бой, тогда б я счёл, что он достойный муж, а не пустой хвостун. Не радуйтесь, что на броне моей кровь. Она лишь добавит мне свирепости, и датчанин сполна ощутит это.

Иринг встал на ветру, чтобы дать остыть кольчуге, снял шлем. Все вокруг славил его храбрость, и, слыша это, он воспрял духом.

– Я возобновлю бой, – сказал могучий маркграф, – и без жалости сразу заносчивого рейнца. Лишь только помогите мне вооружиться, друзья.

Иринг отбросил прочь старый щит, хранящий следы ярости Хагена, и взял новый, крепкий. С великим тщанием готовился датчанин к схватке. Копьё он выбрал самое тяжёлое, надеялся, что оно насквозь пронзит врага. Хаген меж тем следил за его приготовлениями, и злость клокотала в нём.

Иринг устремился по лестничным ступеням навстречу противнику. Метнул копьё, потом вытащил клинок, и началась рубка. Мечи пробили щиты, ударились о панцири и высекли сноп искр, яркий, как костёр. Клинок бургунда глубоко задел плечо датчанина, и вассал Хаварта почувствовал,

как вместе с кровью силы покидают его. Раненый маркграф поднял щит к самому забралу, и одна только мысль владела им: как спасти свою жизнь. Однако опытный соперник сумел нанести ему ещё одну рану, и куда более страшную – Хаген поднял копьё, метнул его, и оно застряло у Ирринга в лобной кости.

Чуя смерть, маркграф добрался до своих соратников, однако датчане не смогли снять с него шлем, пока не вырвали копьё из раны. Под плач и горестные вопли родни удалец рухнул навзничь. Вассалы известили королеву, она пришла и, плача, склонилась над Иррингом – так ей было прискорбно, что пал её верный слуга. Он же при всех родных и друзьях сказал Кримхильде:

– Владычица моя, не лейте слёз, они не помогут мне. Я ранен так тяжело, что сегодня же умру и больше не смогу послужить вам и Этцелю.

А датчанам и тюрингам маркграф дал такой совет:

– Не принимайте даров от королевы. За золото Кримхильда отправит вас на верную гибель. Тот, кто пойдёт против Хагена, умрёт той же смертью, что и я.

Тут он замолчал, побледнел, и на лицо его легла печать смерти. Датчане горестно застонали, достали мечи и все, сколько их было, отправились биться с бургундами.

Первыми в двери зала ворвались храбрый Ирнфрид с Хавартом, а следом за ними десять сотен их вассалов. Всё разом загудело, загромыхало – на вормсцев, словно дождь, посыпались острые копья. Ирнфрид кинулся на лихого шпильмана, и тот достойно встретил его. Грозный

Фолькер ударил с такой силой, что меч его пробил стальной шишак ландграфа и рассёк ему лоб. Могучий тюринг, даром что кровь заливала его лицо, ответил ударом плеча, от которого звенья на кольчуге шпильмана сверкнули холодным огнём и распались. Фолькер не остался в долгу – следующим же ударом сразил ландграфа наповал.

Датчанин Хаварт кинулся на Хагена, и витязи принялись наносить друг другу столь мощные удары, что будь на их месте кто-то чуть менее крепкий, не сносить бы ему головы. Долго звенели мечи в руках бойцов, но владельцу Тронье всё же удалось достать противника булатом своего клинка. Смерть вождей вселила в датчан и тюрингов великую ярость, и смельчаки принялись штурмовать двери зала, да так, что изрубили в куски не один десяток вражеских шлемов.

– Впустите их внутрь! – крикнул Фолькер соратникам. – Им никогда не увидеть золота Кримхильды! Мы вместо королевы произведём расчёт с ними, и никто из них не выйдет отсюда живым!

Отряд вошёл внутрь, и удары посыпались на пришедших, словно град. Немало лихих голов слетело на скользкий от крови пол. Доблестно сражался Гизельхер, смело рубил и крушил противников Гернот. Бургунды прославили себя в той сече – все тысяча четыре врагов, ворвавшихся в зал, были истреблены как один.

Умолкли звуки битвы, на дворец вновь сошла тишина. Лишь кровь убитых с еле слышным журчанием убегала по желобам, стекая во двор.

Бургунды положили щиты и сели отдохнуть. Один только Фолькер остался стоять у входа в зал, чтобы первым встретить неприятеля, если они снова ринутся на рейнцев.

Кримхильда впала в скорбь, да и король был удручён до крайности. У гуннских женщин глаза потускнели от слёз – тайный голос шептал им, что кровопролитие не окончено и скоро смерть вновь начнёт похищать их детей, мужей и братьев.

ЦВЕТОВА XXXVI

О том,
как был
подожжён зал

— Пока есть время, снимите шлемы и отдохните! — крикнул Хаген усталым бургундам. — Я тем временем вместе с другом Фолькером встану на страже. И если гунны снова явятся, чтобы напасть на нас, тотчас подам сигнал.

Бургунды вытерли пот с разгорячённых лбов и, коль скоро сидеть было не на чем, уселись прямо на останки поверженных недругов.

Тем временем король и королева решили до наступления темноты дать ещё один бой чужеземцам. Для этого собрали всех способных владеть мечом, и когда в войске набралось двадцать тысяч, снова напали на гостей.

Битва вспыхнула с новой силой. Крошились мечи и щиты, ноги воинов скользили и пол не был виден из-за потоков текущей крови.

И покуда полог ночи не распростёрся над гуннской столицей, а летом день не скоро отступает пред мраком,

бились рейнцы со всем ожесточением, как и надлежит витязям. Многие Этцелевы бойцы расстались с жизнью от ударов их тяжёлых клинков.

Та страшная и затяжная битва, в которой Кримхильда свела счёты с ближайшей роднёй, совпала с солнцеворотом. И хоть сумела она отомстить за все прошлые обиды, горевать о том дне Этцелю пришлось до самой смерти.

Когда воцарилась тьма, бургундов начали одолевать тревожные сомнения:

– Чем длить страдания, не лучше ли нам самим напасть на гуннов и разом покончить с мучениями, погибнув доблестной смертью? Или, быть может, попробовать заключить мир с врагами?

Три короля решили вступить с Этцелем в переговоры. Всё-таки он приходился им зятем, вдруг да прислушается к словам родственников? Красные от крови и черные от металла шлемов и панцирей, братья спустились во двор и встали возле стены.

Меж тем гуннская рать всё росла. Велика была страна гуннов и со всех её концов подходили новые дружины.

Пришёл Этцель, а вместе с ним и Кримхильда.

– Зачем вы звали меня? – бросил король бургундам. – Никогда я не соглашусь заключить с вами мир. Урон вы мне нанесли столь великий, что искуплен он может быть только вашей кровью. Убит мой сын, истреблена родня – не ждите от меня теперь ни прощения, ни мира.

– Нам тоже есть в чём упрекнуть вас, – сказал Гунтер. – Ваши бойцы перебили нашу челядь. Скажите, в чём

мы перед вами провинились? Ведь мы доверяли вам и всегда считали другом.

Юный Гизельхер обратился к врагам:

– Пусть люди Этцеля, те, кто ещё остался в живых, расскажут, какое оскорбление нанёс я им? Когда я отправлялся сюда, лишь добрые чувства вели меня.

– От вашей доброты, – отвечали гунны, – неумолчный плач стоит по всей столице. Воистину злая судьба занесла вас сюда из Вормса.

– И всё же, для всех нас разумнее будет закончить дело миром! – ответил державный Гунтер. – Это пойдёт на пользу и вам, и нам. Государь же ваш, желая продолжать кровопролитие, поступает несправедливо.

– Смешно сравнивать ваши обиды с теми, которые вы причинили мне, – молвил хозяин гостям. – Вами нанесён ущерб моей чести и достоинству. И я ни за что не допущу, чтобы вы смогли избежать мести.

Могучий Гернот ответил на это:

– Тогда пусть внушит вам Бог, чтоб вы поступили по чести и позволили нам выйти во двор. На воле легче погибать, нежели взаперти. Коль вы решили положить конец нашим жизням, не мешкайте! Бойцы ваши свежи, число их всё растёт. Мы же смертельно утомлены затяжной битвой. К чему затягивать наши страдания?

Гунны пришли в замешательство, да и сам Этцель уже был готов ответить согласием на просьбу чужеземцев. Однако Кримхильда никак не могла примириться с этим и, кипя ненавистью к братьям, молвила вассалам:

– Гунны, вот вам мой совет. Не идите на поводу у хитрости бургундов. Если вырвутся они из зала, многие из вас полягут тут. Ведь даже если перебьёте вы всех, кроме детей Уты, эти трое витязей охолонут на свежем ветру, наполнятся новой силой и сумеют причинить вам немало бед. Ибо не рождалось ещё бойцов сильнее и отважней.

– Пригожая сестра, – сказал млад Гизельхер, – я вижу, что не добра, а зла желали вы мне, когда пригласили прибыть на торжество. Почему вы желаете мне смерти? Я всегда был верен вам и никогда не причинял вреда. И отправился я сюда лишь потому, что твёрдо верил в вашу любовь ко мне. Прошу, умерьте гнев, иначе смерть постигнет вашу родню.

– Никому не будет пощады, – стояла на своём Кримхильда. – Хаген из Тронье нанёс мне оскорбление, какое я не прощу до самой могилы. И расплачиваться за его долги придётся и вам тоже, мои братья. Однако я не могу остаться безучастной к вашим просьбам. Я согласна вспомнить, что нас родила одна мать, и готова начать говорить о мире, если вы оставите мне Хагена в заложники.

Благородный Гернот ответил ей на это:

– Да не попустит Бог, чтобы мы когда-нибудь оставили в залог нашего вассала. Скорее пожертвуем тысячей братьев, чем предадим хоть одного из верных людей.

– Что ж, друзья, похоже, все мы погибнем, – воскликнул Гизельхер. – Но давайте же рассчитаемся с врагами, как подобает витязям! Пусть трус спасает свою жизнь ценой измены, я же предпочту умереть в лихой битве!

– Вовек не бывать тому, чтобы я оставил брата! – воскликнул Данкварт. – Хаген, мы разделим с вами любую участь. Те же, кто отверг мир, получают битву.

– Вперёд, доблестные воины! – воззвала Кримхильда. – Того, кто отомстит за меня и убьёт Хагена, я вознагражу, как подобает королеве. На штурм! Не выпускайте проклятых чужеземцев во двор и загоните обратно в зал. Я велю поджечь здание с четырёх сторон, и рейнцы умрут смертью, какую заслужили.

Люди Этцеля бросились исполнять приказ. И, как ни сопротивлялись бургунды, гунны мечами и копьями сумели загнать их в зал.

Пылая ненавистью и желая сородичам страшной смерти, Кримхильда приказала поджечь дом. Подул ветер, здание объял огонь. Какие ещё воины приняли мук больше, чем рейнцы?

– Пришла наша гибель! – кричали они в отчаянии. – Уж лучше б мы все полегли, сражаясь во дворе! Мучительную кончину приготовила нам королева. Да сжалится над нами Господь!

– Горе нам! – сказал один из бургундов. – Такая жажда сушит моё нутро, что, кажется, я скоро сойду от неё с ума.

Хаген ответил ему:

– Витязь, если так сильно изнываете вы от жажды, не побрезгуйте кровью погибших. В таком пекле кровь будет даже полезнее, чем вино. К тому же другого питья вы здесь всё равно не найдёте.

Воин стал на колени, снял шишак и иссохшими губами припал к свежей ране лежащего рядом врага. Впервыепил он кровь, но остался вполне доволен питьём.

– Награди вас Бог, Хаген, – сказал он. – Ваш мудрый совет помог мне утолить жажду и я до самой смерти буду благодарен вам за него. Даже лучшее из вин не было б сейчас для меня вкуснее.

Поняв, что другу их был дан хороший совет, и остальные бургунды принялись пить кровь из ран мертвецов. И столько им это добавило сил, что много ещё жизней они отняли, прежде чем погибли сами.

Всё ближе обступало пламя героев, ревело всё сильнее. От падающих сверху головней бургунды укрывались щитами, но дым и зной терзали их невыносимо. Нет, ни на чью долю ещё не выпадало испытаний горше!

– Станьте ближе к стенам! – воскликнул Хаген. – Они прикроют нас от падающих головней. А как упадут на пол, втопчите их ногами в кровь. Эх и весёлый же пир задала нам радушная хозяйка!

Не скоро луч рассвета озарил небо, и всё это время бургундам пришлось выносить удушливый дым и нестерпимый жар.

Но вот восток заалел, повеяло рассветной прохладой. Огонь стих.

– Наступает новый день, – промолвил млад Гизельхер. – Дай Бог, чтобы он не стал для нас последним. В злую минуту попали мы на праздник к моей сестре.

– Теперь, бойцы, нужно опять взять в руки оружие и приготовиться к бою, – крикнул один из вормсцев. – Скоро Кримхильда снова двинет на нас свою рать.

Этцель был уверен, что гости все до единого погибли от ран, дыма и пламени. Однако в зале ещё оставалось шестьсот витязей, сравниться в отваге с которыми не мог никто.

Когда Кримхильда послала в зал разведчиков, те увидели, что бургундские воины по-прежнему стоят стеной, и ни огонь, ни булат не одолели их. Выслушав лазутчиков, королева сочла их слова нелепой ложью.

– Как подобное могло произойти? – воскликнула она. – Я была уверена, что рейнская рать сгинула в пламени пожара!

Очень хотелось жить рейнцам, но понимали они, что не спастись им от гибели. Слишком велика была злоба гуннов, и вормсцам оставалось лишь подороже продать свои жизни.

Этцель приказал поздравить гостей с добрым утром, и его вассалы снова ринулись на приступ. Копья и дротики, словно дождь или град, посыпались на чужеземцев. Бесстрашно бились гунны, каждый хотел получить награду Кримхильды и заодно исполнить приказ короля. Но только не всем из них суждено было выжить этой битве. Чтобы добавить бодрости вассалам, королева приказала принести во двор щиты с казною и любой из её слуг мог черпать оттуда. Едва ли кто платил более щедро за голову своего врага. Зато и бойцов у неё было теперь без счёта.

– Сейчас гордые гунны получают сполна! – воскликнул Фолькер. – Пусть золото Этцеля и удвоило их боевой пыл, оно не уберёжёт их от наших клинков.

Гости принялись вызывать хозяев на бой:

– Эй, воины, сюда! Пора нам наконец разрешить наш спор. И кому суждено пасть сегодня, пусть поскорее встретится со смертью!

И тут же острые копья застучали в щиты бургундов.

Много раз двенадцать сотен бойцов с рёвом, будто разъярённые львы, бросались на вормсских витязей. Пыл нападавших остужала лишь кровь, бившая из ран. Ярость каждого была столь неумолимой, что ни у кого больше и мысли не было о примирении. Сражение завершилось неудачей для гуннов – множества отважнейших вассалов лишился в нём Этцель и долго родные оплакивали их гибель.

ЦВЕТУРА XXXVII

О том, как
погиб
Рюдегер

Видя творящееся вокруг кровопролитие и слыша доносящиеся отовсюду плач и стоны, Рюдегер Бехларенский горько зарыдал в сердечном сокрушении.

– Горе нам! – воскликнул маркграф. – Неужели нет больше надежды уладить раздор и окончить ссору миром? Я бы и рад вмешаться, да что в том проку? Король даже и слушать меня не станет.

Он обратился к Дитриху из Берна с вопросом, не согласится ли Этцель внять призыву о мире, но тот ответил:

– Бургунды обречены. Король не даст им уйти живыми.

Один гуннский воин, услышав, что бехларенский маркграф горюет о судьбе гостей, сказал Кримхильде:

– Смотрите, как печалится о бургундах ваш сильнейший вассал, для которого вы сделали столько добра. Немало людей, земель и замков получил он в награду от вашего мужа, так почему же его меч до сих пор пребывает

в ножнах? Выходит, нет ему дела до ваших слёз, ведь он-то не понёс ущерба от бургундов.

Бехларенский маркграф гневно взглянул на того, кто говорил Кримхильде эти слова. «Подлец, – подумал он, – ты хочешь очернить меня в глазах королевы и людей, но сейчас убедишься, что храбрости мне и впрямь не занимать».

Маркграф ринулся на злоязыкого советчика и с такой силой ударил его в лицо, что жизнь разом покинула тело поверженного.

– Издохни, презренный трус! – воскликнул доблестный Рюдегер. – Никто не знает, как горько мне оттого, что не дерусь я сегодня и до сих пор не иду с дружиной на бургундов. Но как я могу выступить против них, если до этого служил им проводником и самолично привёз их сюда. Нельзя мне биться с ними!

Этцель посмотрел на лежащего в пыли мёртвого гунна и бросил Рюдегеру:

– Так вот как вы помогаете мне! И это сейчас, когда мы теряем в бою лучших витязей одного за другим!

– Я лишь защитил свою честь, – ответил маркграф. – Покойник имел наглость сказать, что я плохо служу вам и недостойн наград, которыми вы меня жаловали. Такого я стерпеть никак не мог.

Королева увидела, что сотворил в гневе бехларенец с её вассалом, и слёзы потекли из её глаз.

– Рюдегер, отчего вы питаете к нам такую злобу? – спросила она. – Почему множите бремя наших бедствий? Мно-

го лет твердили вы мне и мужу, что готовы рисковать ради нас жизнью и честью. И мы всегда знали вас как человека, который держит своё слово. Так неужели теперь вы позабыли, о чём клялись в тот день, когда ваш король избрал меня в супруги? Вы обещали служить мне до последнего вздоха, и именно такой слуга нам сейчас нужен как никогда.

– Да, королева, вы правы, я давал обет, что, если будет нужно, рискну ради вас ради вас и жизнью, и честью. Но никогда не клялся я в том, что погублю ради вас свою душу! Сюда я вёз бургундов на пир, а не на гибель.

– Маркграф, – воскликнула Кримхильда, – помните, как вы клялись, сжимая мою руку своей, что отомстите любому, кто заденет мою честь!

– И я никогда не отказал вам в этом, – сказал Рюдегер.

Тут и Этцель обратился к нему. Король и королева вдвоём принялись умолять вассала. Достойный бехларенец выслушал государя и на просьбу о помощи воскликнул печально:

– Верно, отринут я Богом, если дожил до дня, когда придётся мне растоптать честь, дружбу и верность – всё, что есть заветного для человека в этом мире! И какое бы решение ни принял я сейчас, любое будет одним из двух равных зол. А отвергнув оба, я буду ославлен как трус. Господи, помоги мне сделать выбор!

Король и королева продолжали стоять на своём.

Теперь мне остаётся только поведать вам, как храбрец после длительных споров уступил своим господам, вступил в бой с бургундами и нашёл в том бою свою гибель.

Знал Рюдегер, что, подняв меч на гостей, он навлечёт на всех лишь новые несчастья и сам неизбежно будет осуждён молвой, оттого и пытался противиться воле короля и королевы.

– Король, возьмите назад все подарки, – промолвил витязь. – Ничего мне не надо, ни земель, ни замков. Уж лучше я удалюсь в изгнание и пешком уйду отсюда, чем решусь на дело, сулящее такой ущерб моей душе и чести.

– Но кто же тогда придёт мне на помощь? – спросил государь. – Нет, ничего я не возьму назад: ни земель, ни замков. Напротив, дам вам ещё больше, если сумеете отомстить за меня врагам.

– Что мне делать? – мучил себя вопросом маркграф. – Я принимал Гунтера и его людей в своём доме, делил с ними хлеб-соль, дарил им подарки. Как могу я теперь готовить им гибель? Хоть и могут люди счесть меня трусом, но не страх гложет меня, а мысль, что я имею несчастье быть близким другом бургундским королям и даже хотел породниться с ними. Ведь я просватал дочь за юного Гизельхера, а он жених всем на зависть. Ручаюсь, мир ещё не видел короля, который с молодых лет был бы столь умён, доблестен и учтив.

Кримхильда вновь взмолилась о помощи:

– Друг мой, не оставьте своих монархов! Помните, скольких преданных слуг мы сегодня лишились!

– Что ж, сегодня ваш вассал заплатит кровью за всё, чем вы его одарили, – с отчаянием молвил Рюдегер. – Похоже, не только имущества лишусь я сейчас, но и сама

жизнь моя оборвётся до срока. Вас же я попрошу позаботиться о тех, кто мне всего дороже – о всех моих бехларенцах, а также о супруге и дочери.

Такая речь обрадовала короля, и он воспрял духом.

– Небо да воздаст вам, рыцарь! – воскликнул он. – А я обещаю до самой могилы заботиться о вашей семье. Идите, и пусть пребудет с вами моя королевская удача!

Так герой поставил на весы и жизнь свою, и душу.

Кримхильда заплакала, а Рюдегер промолвил:

– Я буду верен вассальному долгу. И, как бы ни было мне горько, пойду против друзей.

В большой печали расстался бехларенец с королём и отправился к своим вассалам, что расположились поблизости.

– К оружию! – отдал приказ Рюдегер. – Я вынужден вести вас на бургундов.

Храбрецы велели оруженосцам принести оружие и доспехи. Снарядились, как подобает воинам, и большой урон нанесли вскоре бургундам.

Пятьсот храбрецов отправились на битву вместе с Рюдегером, да кроме того ещё двенадцать витязей Кримхильды примкнуло к ним, чтобы заслужить славу. Не знали бойцы, что жить им осталось совсем немного.

Маркграф надвинул на чело стальной шлем, вассалы его обнажили клинки. У каждого из них висел на локте крепкий щит, и воинственный вид их внушил Фолькеру тревогу.

Узнав, что к дверям зала приближается бехларенская дружина, Гизельхер несказанно обрадовался – он решил,

что это тесть спешит к ним на помощь. Да и как иначе мог бы он расценить это известие?

– Как славно, что успели мы в дороге обзавестись друзьями! – сказал он. – К счастью, Господь послал мне невесту, и её отец в последний миг успел прийти нам на помощь.

– Почему вы так решили? – спросил его шпильман. – Если бы бежларенцы хотели мира, вряд ли они отравились бы к нам вооружёнными с головы до ног. Нет, ваш тесть решил продать нас за земли с замками.

Тут Рюдегер подошёл ко входу в зал. Бежларенец поставил щит возле ног и, не поприветствовав бургундов даже кивком, предупредил их:

– Герои, я пришёл к вам не с миром, но с мечом. Прежде был я вам другом, теперь же стал врагом. И посему сражайтесь, нибелунги, со мной и моей дружиной!

Опечалились бургунды, услышав его речь. И без того много вытерпели они, а теперь оказалось, что даже Рюдегер – и тот желает им смерти.

– Помилуй нас, Господи! – сказал Гунтер в страхе. – Все здесь против нас. Неужели больше не осталось у нас надежд? Нет, благородный Рюдегер, я не верю, что, презрев долг и честь, вы тоже пошли против меня и моих людей.

Рюдегер печально ответил:

– Я поклялся Кримхильде, что вступаю с вами в бой. И вассальный долг не позволит мне обмануть госпожу. А посему защищайтесь, доблестные витязи, если дорога вам жизнь!

– Вы так любили нас, были так верны. Никак не ожидали мы, что воспылаете вы к нам враждой, – ответил ему король. – Если бы вы согласились пощадить нас, мы были бы признательны вам до самой смерти.

– Опомнитесь, доблестный Рюдегер! – обратился к нему Гернот. – Неужели, с такой сердечностью приняв нас в Бехларене, вы сможете теперь причинить нам зло? А ведь мы обязательно пригодимся вам, если избегнем гибели.

– Ах, как бы я желал, чтобы Господь позволил вам вернуться на Рейн, а мне послал смерть, – воскликнул маркграф. – Лишь так я могу избежать бесчестья! Предавший друзей вовек не отмоется от позора.

Гернот сказал:

– Рюдегер, вы достойнейший рыцарь из всех, кого я знаю, и мне будет очень жаль, если такого мужа постигнет гибель. Пусть Бог воздаст вам за щедрый подарок – добрый меч, который я всегда ношу с собой. Сегодня он хорошо послужил хозяину – немало гуннов полегло, рассечённые его сталью. Он так блестящ, остёр и надёжен, что второго такого оружия не сыскать во всём свете. Но обещаю вам, что если нападёте вы на моих родных и лишите жизни кого-нибудь из них, я немедля вашим же подарком убью вас, пусть мы и друзья с вами. Да и супругу вашу мне тоже будет жаль.

– Ах, господин мой Гернот, может быть, и будет лучше для всех, если ваш невольный враг падёт в битве с вами. Ведь если рейнцы уцелеют в бою, мне будет на кого оставить свою жену и дочь.

Гизельхер сказал на это:

– Тесть, неужели вы забыли, как все мы любим вас? И долг ваш не пытаться убить нас, а выручить нас из беды, иначе ваша дочь ещё до венца станет вдовою. Если вы поведёте с нами разговор на языке меча, мне поневоле придётся раскаяться в том, что я глубоко чтил вас, доверял, как себе самому, и избрал в супруги вашу прекрасную дочь.

– Если всемогущий Господь позволит вам вернуться на Рейн, прошу, не мстите дочери за поступки отца и оставайтесь верным ей, несмотря ни на что.

– Я не хочу изменять ей, – ответил Гизельхер. – Но если вы поднимете меч на мою родню и убьёте хоть одного из них, мне придётся порвать и с вами, и с вашей дочерью.

– Так пусть же Бог рассудит нас! – с тоской воскликнул маркграф и закрылся щитом, готовясь вести дружину на приступ.

Они уже поднимались по лестнице, когда Хаген обратился к бехларенцам:

– Не спешите начать кровопролитие! Пока нас всех не перебили, хотим мы напоследок поговорить с вами. Есть у меня одна забота – как бы ни был прочен щит, что получил я в дар от Готелинды, но и он не выдержал натиска гуннских мечей и копий. И если бы вы, достойный Рюдегер, отдали мне свой новый крепкий щит, который так ловко сидит у вас на локте, с такой защитой я бы и без доспехов не побоялся вступить в бой.

– Вам, мой Хаген, я и сам давно вручил бы его, если б не страшился прогневить Кримхильду. Впрочем, что мне

теперь до этого? Возьмите его и, даст Бог, вернётесь с ним на Рейн.

У многих на глаза навернулись слёзы, когда маркграф щедрой рукой преподнёс свой щит в дар тому, с кем обречён был биться. То был последний подарок, который ему довелось совершить в жизни.

Уж на что был суров владетель Тронье, но и его, как и остальных бургундов, тронул великодушный поступок бехларенца, свершённый в грозный предсмертный час.

– Доблестный рыцарь, – сказал Рюдегеру Хаген, – пускай Господь воздаст вам за ваше благородство! Никто на свете не сравнится с вами в великодушии, и люди вовек не забудут о ваших делах. И тем больнее осознавать, что отныне мы с вами враги! И без того довольно горя обрели мы на чужбине, а теперь ещё придётся биться насмерть с друзьями.

– Я и сам скорблю о том, – ответил маркграф.

– В знак признательности за ваш дар, – сказал владетель Тронье, – я обещаю, что как бы ни был лют и яростен ваш натиск, даже если вы перебьёте всех рейнцев до единого, я не подниму на вас меч.

Бехларенец с благодарностью поклонился в ответ.

Бургунды, поняв, что надеяться им больше не на кого и не на что, заплакали. Неотвратима схватка, в которой погибнут и рейнцы, и маркграф – честь и слава рыцарства.

Из зала сверху донёсся крик храброго Фолькера:

– Если мой верный друг обещал вас не трогать, то и я не причиню вам вреда, Рюдегер. Мы навсегда в долгу

перед вами за ласковый приём. И ещё прошу передать вашей жене, что браслеты, которые подарила она мне, наказав носить их у гуннов, я, как и обещал, ношу.

– Даст Бог, может, ещё не раз случится моей милой супруге почтить вас подарком, – сказал маркграф. – Я же обещаю, что если не погибну сегодня, расскажу ей про вашу верность.

Дав такую клятву отважному шпильману, маркграф воспламенился духом, поднял щит и, взбежав по ступеням, напал на гостей.

И Хаген, и скрипач, чтобы не нарушить слово, держались подальше от могучего рыцаря. Гизельхер тоже старался не приближаться к нему, надеясь спасти себя и пощадить тестя. Но среди бургундов и без них хватало лихих бойцов, так что бехларенцу пришлось нелегко.

Состязаясь в отваге со своим владыкой, дружинники Рюдегера спешили следом за ним. Острые клинки их сверкали, как молнии, вражеские шлемы и щиты с грохотом разлетались на осколки. И хотя бургунды были изрядно утомлены затяжным боем, у них достало сил для новой битвы. Ещё немало подвигов совершили они в тот день.

Едва бехларенцы ворвались в зал, на них обрушились Фолькер и Хаген. Никого не щадили герои, лишь маркграфа старательно обходили. И поныне не видел свет второй такой бойни. Не ведая страха и пощады, бились бургунды и бехларенцы. С громом и треском соударялись мечи и щиты, гнулись и проламывались от могучих ударов доспехи, в грязь и кровь отлетали со щитов драгоценные

камни, дико лязгали клинки, щербясь о панцири. Маркграф, не ведая страха, всегда был там, где кровавая сеча ярилась злее всего – делом доказал он, что не зря превозносила молва его доблесть. И Гунтер, и Гернот тоже вели бой с беспримерной отвагой, нещадно рубя бехларенских витязей. Гизельхер и Данкварт бились так, что для многих их противников тот злосчастный день стал Судным днём.

Без счёта изрубил в том бою бургундов отважный Рюдегер. И вот один из рейнцев так разъярился, глядя на его удаль, что решил покончить с маркграфом.

Могучий Гернот, а это был он, воскликнул:

– Я не могу смотреть, Рюдегер, как ваш клинок косит наших бойцов! Вижу, хотите вы перебить нас всех до единого! Слишком многим бургундам принесла гибель ваша рука, и я хочу, чтобы смерть пришла к вам от вашего же подарка. Оборотитесь ко мне, чтобы я смог сполна рассчитаться за полученный в Бехларене меч.

Много панцирей было пробито, пока маркграф сумел добраться до Гернота. И вот, оба жадные до воинской славы, вступили они в схватку друг с другом. Каждый прикрывался крепким щитом, однако это была не самая надёжная защита – клинки героев могли пробить любую сталь. Маркграф ударил, рассёк шлем противника и нанёс ему смертельную рану. Однако и король не остался в долгу. Взметнув над головой дар Рюдегера, истекая кровью, Гернот нанёс удар столь невероятной силы, что меч рассёк и щит, и завязки шлема. Так нашёл свою гибель бехларенский храбрец. Ещё никогда не был даритель хуже вознаграждён за свою

щедрость! Король замертво рухнул рядом со своим поверженным врагом, и Хаген, увидев это, сказал:

– Гибель таких героев – непоправимый ущерб и безмерная потеря для всех нас. Так пусть же бехларенцы своими жизнями заплатят за эти потери!

– Горе мне! – вскричал Гунтер. – Погиб мой любимый брат. Да и Рюдегера мне тоже будет вечно жаль. Обе стороны, и бургундов, и бехларенцев, постигла великая скорбь. Какие ещё беды не обрушились на нас сегодня?

Когда Гизельхер узнал о смерти брата, худо пришлось дружине покойного Рюдегера. Ни один бехларенец не уцелел в сече, всех накрыла смерть своим чёрным крылом.

Когда последний противник упал бездыханным на липкий от крови пол, Хаген, Данкварт, Фолькер, Гизельхер и Гунтер подошли туда, где лежали Гернот с маркграфом. Как ни мужественны были воины, сколько не довелось им испытать потерь, а всё же не смогли они сдержать слёз.

– Смерть забирает наших друзей, – сказал Гизельхер. – Похоже, всем нам судил Господь умереть сегодня. Но, помня, что битва ещё не кончена, давайте осушим слёзы и встанем у входа в зал, чтобы ветер немного остудил нашу броню.

И бургунды устроились на отдых. Кто прислонился к стене, кто уселся на пол.

Наступившая тишина удивила Этцеля, он ведь ещё не знал, что смелые бехларенцы истреблены все до единого.

– Вот так слуга у нас! – воскликнула в гневе Кримхильда. – Хорошо же он бьётся за честь короля! Похоже,

Рюдегер не только не отомстил бургундам, но даже готов беспрепятственно отпустить их на Рейн. Помогли нам, Этцель, раздачи даров? По всему выходит, что маркграф презрел долг и пошёл на мировую с нашими врагами.

Фолькер на это дал ей такую отповедь:

– К несчастью, вы ошиблись, и если б я осмелился упрекнуть столь знатную даму во лжи, то сказал бы, что вы дьявольски его оболгали. Ни он, ни его воины не предлагали нам мира. Маркграф честно исполнял свой долг и принял смерть вместе со своей дружиной. Мой вам совет, поищите нового слугу. Свой долг бежларенец выполнил до конца, и сейчас вы убедитесь в его гибели.

Труп Рюдегера был принесён к дверям, чтобы король и королева могли увидеть его смертельно белое лицо и раны на теле. То был сильный удар для всех гуннов. Едва ли сумею я поведать, как зарыдали дамы и какая жестокая боль пронзила сердца воинов, когда увидели они поверженного рыцаря. Королева побледнела от горя. Разъярённый Этцель зарычал, словно грозный лев, повергнув в трепет всех стоявших рядом с ним, так глубока была его скорбь о погибшем леннике.

ЦВЕТОВА XXXVIII

О том, как
была истреблена
дружина Дутриха

По всему дворцу стояли стон и плач. Один из бернцев услышал их и немедленно доложил о том Дитриху.

– Немало прожил я на этом свете, но таких воплей горя и ярости никогда не слышал, – сказал он своему господину. – Боюсь, большая беда стряслась с нашим королём. Или сам он убит в бою, или лишился жены. Иначе с чего бы весь двор рыдал навзрыд? Должно быть, немалое зло сотворили гости, если гунны впали в такую скорбь и ярость.

– Не будем спешить с выводами, – ответил ему бернский рыцарь. – Быть может, вы выносите пришельцам приговор за преступление, совершённое теми, кто втянул их в беду. Я обещал бургундам мир и намерен держать слово.

– Я готов разузнать, что повергло гуннов в такую скорбь, – сказал храбрый Вольфхарт.

– Где всё кипит враждой, – ответил ему Дитрих, – там праздные расспросы могут довести до беды. Такие

разговоры приводят бойцов в раздражение. Вы же, Вольфхарт, слишком вспыльчивы и потому нельзя вам идти туда.

Дитрих приказал, чтобы Хельфрих отправился ко двору и вызнал, всё равно у хозяев ли, гостей ли, кто вверг гуннов в столь сильное отчаяние, что стенания их оглашают весь дворец.

– Что произошло? – обратился гонец к гуннам. – Чем вы так удручены?

– Бургундами убит бежларенский маркграф Рюдегер – отрада всей страны, любимец короля и каждого, кто знал его, – ответили ему. – А с ним вместе сложила головы и вся его дружина.

Более горестного известия Хельфриху слышать ещё не доводилось. Утирая слёзы, подавленный и потрясённый, вернулся он со страшной вестью к Дитриху.

– Что вы узнали там? – спросил владыка амелунгов своего вассала. – И отчего всё в слезах ваше лицо?

– Как можно тут не плакать, – отвечал Хельфрих, – если бургундами убит доблестный Рюдегер?

– Такое не могло произойти по Божьей воле! – вскричал бернский властитель. – Верно, сам дьявол толкнул их на такое дело! Чем заслужил покойный такую долю? Он, который так любил вормсцев и заботился о них, как о родных.

Храбрый Вольфхарт вскипел гневом:

– Если он и вправду убит, наша дружина должна отомстить за его гибель. Иначе люди скажут, что мы предали друга. Достойный Рюдегер сделал нам немало добра в своё время.

Прежде чем действовать, владыка Берна решил выяснить, на ком лежит вина, а уж потом карать виновных. Для этого он послал к вормсцам мудрого Хильдебранда. Тот, желая потолковать с гостями по-дружески, не взял с собой ни щита, ни меча. Вольфхарт, сын его сестры, увидев это, пришёл в такое раздражение, что возвысил голос на дядю.

– Если придёте к бургундам без оружия, – воскликнул Вольфхарт, – вас примут неучтиво, станут насмехаться и, может быть, даже с позором прогонят! А если явитесь вооружённым, тут уж никто не дерзнёт вам грубить!

К несчастью, старик внял совету горячего юнца. Однако едва успел он собраться, как вооружённые бернцы со всех сторон окружили его.

– Куда вы собрались с мечами наголо? – удивился седой Хильдебранд.

– Хаген груб и дерзок. Но если узрит он, как много нас, вряд ли рискнёт насмехаться над вами.

Так соратники убедили старика взять их с собой.

Отважный Фолькер увидел, что ко входу в зал приближаются Дитриховы люди. При этом у каждого из них висит на локте добрый щит, а в руке блестит меч.

– Сюда идут бернцы, – предупредил скрипач королей, – и мне кажется, что вражда, а не миролюбие, ведёт их, иначе они не взяли бы с собой оружие и доспехи. Боюсь, что придётся нам и с ними вступить в бой.

Хильдебранд вместе с дружиной подошёл ко входу в зал, опустил на землю щит и закричал гостям:

– Бургунды, что плохого сделал вам Рюдегер? Мой господин Дитрих велел узнать у вас, не ложное ли то было известие, что маркграф убит вами. Если это так, нам до самого смертного час не утолить свою скорбь.

– Известие правдиво, – ответил Хаген. – Хоть я и желал бы, чтоб оно оказалось ложным, а достойный Рюдегер был бы жив, и мы не скорбели бы о нём.

Узнав, что маркграф действительно убит, Дитриховы люди зарыдали. Горючие слёзы текли у бернцев по бородам и усам, а в сердца вошло уныние. Герцог Зигштаб, один из бернских витязей, промолвил:

– Смерть украла того, кто давал нам пищу и приют в чёрные дни изгнания. Вражий булат до срока оборвал его жизнь.

Отважный Вольфвин молвил с печалью:

– Даже если бы отец мой был убит сегодня, и тогда я не скорбел бы сильнее. Готелинда не вынесет столь великой утраты.

Доблестный Вольфхарт воскликнул в гневе:

– Кто теперь поведёт нас в поход, как водил некогда достойный Рюдегер?! Навсегда осиротил он нас, амелунгов!

И заплакали все они – Хельфрих, Вольфбранд, Хельмнот, а также множество их друзей.

Хильдебранд, рыдая, возгласил бургундам:

– Молю, сделайте то, о чём просит вас Дитрих! Вели-те принести сюда тело Рюдегера, чтобы мы могли забрать его, оплакать и с честью провести погребение. Он свято хранил верность своим друзьям – и вам, и нам, лишённым

родины. Мы, бернцы, чужие здесь, и он также был чужим. Так не откажите нам в нашей просьбе. Должны мы, хотя бы после смерти, воздать герою славу, которую он заслужил всей своей жизнью.

– Честь и хвала тому, кто и после смерти друга готов ему служить, – ответил державный Гунтер. – Человек смертен, верность вечна. Почтите усопшего, он всегда был добр к вам.

Но тут в дело вмешался Вольфхарт:

– Да сколько можно умолять вас? Бургунды, немедля отдайте тело! Вы убили лучшего из нас, так не мешайте достойно совершить его погребение.

– Мы не носильщики, и не ждите от нас подобных услуг, – ответил ему Фолькер. – Если вам нужно тело вашего друга, войдите и возьмите его. Вон он лежит, купаясь в крови. Так вы и окажете ему честь.

Вольфхарт, сдерживая гнев, ответил скрипачу:

– Уймись и не растравляйте нашу рану. А вам, шпильман, я воздал бы за дерзость, если бы Дитрих не запретил нам вступать с вами в бой.

– Запреты соблюдает тот, – ответил Фолькер, – кому малодушие не позволяет их нарушить. И такого витязя я не стал бы считать героем.

Хаген горячо приветствовал речь своего друга, и могучий бернец вспыхнул:

– Шутить вы мастак, да только у меня достанет сил укоротить ваш не в меру длинный язык! Я так расстрою вашу скрипку, что на Рейне вряд ли услышат её снова.

– Знайте, – ответил Фолькер, – что если вы расстроите мне скрипку, то прежде, чем я вернусь на Рейн, ваш блестящий шлем, словно ржа, покроет кровь.

Пылкий племянник Хильдебранда ринулся в зал, но дядя твёрдой рукой сумел удержать его.

– Вы, видно, потеряли разум и совсем не боитесь гнева Дитриха, если решили обнажить клинок.

– Пустите льва на волю, – язвил скрипач. – Вы старик и не сдержите горячего удальца. Но как бы он ни был ретив, я приструню его и он заречётся хвастаться попусту.

Слова шпильмана разъярили бернца. Он зарычал, словно лев и, прикрыв грудь щитом, кинулся к Фолькеру.

Вольфхарт был молод, быстр и полон сил, однако старый дядя сумел опередить его и первым устремился по ступеням ко входу в зал. Вот так завязался бой меж гостями и амелунгами.

Мечи грозного Хагена и Хильдебранда со звоном ударились друг о друга. Неукротимая злоба двигала каждым из смельчаков. Трещали щиты в руках витязей, багровые брызги летели от стальных клинков. Никто не смог взять верх в том поединке. Вскоре противников затянул поток сражающихся и разнёс в разные стороны.

Меж тем Вольфхарт и Фолькер схватились друг с другом не на жизнь, а на смерть. Отважный бернец рубанул бургунда и рассёк на нём шлем. Скрипач ударил в ответ с такой мощью, что искры, будто огненные пчёлы, слетели с брони его врага. Сердца бойцов кипели яростью, кольчуги раскалились от ударов. Однако бесстрашный бернец

Вольфвин сумел встать меж врагами и развести их – кто отважился на такое дело, тот в и самом деле смел.

Гунтер в тот день являл собой пример гостеприимства: с любимым из амелунгов был рад он вступить в схватку. Но Гизельхер сумел и его превзойти отвагой – будто печные горшки разлетались под его клинком шишаки бернцев.

Данкварт, сын Альдриана, обладал немалым мужеством и причинил много вреда гуннам. Но прежние его деяния нельзя сравнить с тем уроном, который нанесли они бернцам вместе с Хагеном.

Бернцы Ритшард, Гербарт, Хельфрих, Вихарт, Вольфбранд бросались на врага, не дорожа жизнью – крушили, разили, рубили – и превзошли в тот день самих себя. Безумной яростью сверкали глаза у Хильдебранда, рядом с ним бился расвирепевший Вольфхарт, и немало вормсцев пало под их клинками. С лихвой отомстили люди Дитриха за Рюдегера.

Вряд ли кто сражался в тот день храбрее герцога Зигштаба. Сколько добрых шлемов посшибал он с витязей! Множество гордых рейнцев до срока окончили жизни из-за него. В груди у Фолькера запламенела ярость, когда увидал он, как лихо рубит Зигштаб вормсцев и как льётся ручьями кровь по их кольчугам. Он ринулся на бернца, и тому пришлось сполна изведать, сколь искусен бургунд в ратном деле. Скрипач высоко взметнул стальной клинок, и душа отважного герцога рассталась с телом.

Однако бургунд недолго торжествовал – старый Хильдебранд сумел отомстить за друга.

– Увы, мой дорогой соратник, пали вы от руки свирепого Фолькера! – вскричал седой боец. – Но и ему не миновать сегодня смерти!

Никогда ещё не впадал Хильдебранд в такую ярость. На шпильмана обрушился удар столь великой силы, что у шишака и щита распались стяжки, и их стальные осколки усеяли всё вокруг. Храбрый скрипач упал на пол и затих навеки.

Много было утрат в жизни Хагена, но потеря такого друга была горше любых других. И страшна была его месть за товарища!

– Вот лежит мой соратник и преданный друг Фолькер! – воскликнул владетель Тронье. – Пал он от руки старого Хильдебранда. Но убийце не уйти от моего меча!

С тем Хаген покрепче ухватился за щит и с новой силой обрушился на бернцев.

Бесстрашный Данкварт был сражён Хельфрихом, однако перед смертью успел достать клинком своего врага. Юный Гизельхер и Гунтер смахнули с глаз слёзы, увидев, какого воина лишилась их дружина.

Могучий Вольфхарт, племянник Хильдебранда, три раза прошёл зал из конца в конец, направо и налево нанося удары и безжалостно выкашивая рейнцев. Гизельхер, заметив его подвиги, так сказал бернцу:

– Обернитесь, Вольфхарт. Я вижу, вы опасный враг, однако пришла пора положить конец вашим бесчинствам.

Услышав эту речь, Вольфхарт развернулся и, высоко вздымая меч, пошёл на короля бургундов. Шаг витязя был столь тяжёл, что брызги крови взлетали из-под его ног и падали на лица сражающихся.

Сын достойной Уты не убоился противника – юный Гизельхер так ловко обращался с мечом, что бернец никогда не смог бы сладить с ним. Гизельхер дрался с беспрецедентной отвагой. Меч молодого бургунда пробил на Вольфхарте кольчугу и нанёс амелунгу смертельную рану. Кровь с головы до пят залила могучего бернца. Когда он почувал, что смерть грозит ему, то отбросил уже ненужный ему щит и обрушил плеча удар такой силы, что рассёк на короле разом и шлем, и панцирь.

Гизельхер и его враг пали рядом, соприкасаясь телами.

Теперь в живых не осталось ни одного бернца, кроме Хильдебранда. Горько скорбел седой воин о Вольфхарте. Но и Гунтер потерял в той резне почти всех соратников. Трупы громоздились друг на друге в залитом кровью зале. Хильдебранд отыскал среди них своего племянника и с плачем обнял его. Поднял родственника на руки, двинулся с ним к дверям, но тут же рухнул на пол – витязь был слишком тяжёл, а старик слишком устал. Полумёртвый Вольфхарт на миг пришёл в себя:

– Не стоит пытаться помочь мне, это бесполезно, – сказал он. – Вам, дядя, лучше немедля уйти отсюда. Хаген озлоблен сейчас пуще прежнего, и наверняка захочет отомстить вам. Передайте родне, чтобы не горевала обо мне напрасно – от слёз мертвец не встанет, а я умер

прекрасной смертью. Свою смерть я встретил на поле брани, и победил меня не рядовой боец, а король. Да и я не остался в долгу – много вдов наплачется из-за меня в Бургундии. Если люди спросят, как я погиб, ответьте, что я один забрал с собой сотню жизней.

Тут Хаген вспомнил, кем был повержен Фолькер, и крикнул Хильдебранду с угрозой:

– Сейчас я отплачу вам за свою скорбь! Слишком много славных бойцов отняли вы у нас!

И с этими словами он ударил Хильдебранда стальным Бальмунгом – тем самым мечом, которым завладел после того, как заколол Зигфрида. Старый бернец не дрогнул и ответил ударом на удар. Клинок Хильдебранда был на диво остёр и тяжёл, и старик, собравшись с силами, обрушил его на недруга. Однако Хаген и на этот раз избег смерти. При этом он не только остался невредим, но и сумел рассечь броню на враге.

Почувствовав, что рана глубока и нет у него надежд на победу в схватке, старик зажал кровь ладонью, закинул щит за спину и выбежал из зала.

Теперь из всех бургундов в живых там остались лишь король Гунтер, да смелый Хаген.

Когда седой израненный слуга предстал пред своим господином Дитрихом Бернским, тот принялся с тревогой расспрашивать его:

– Скажите, отчего вы с головы до пят обагрены кровью и кто тому виной? Похоже, у вас всё же вышла стычка с гостями, хоть я и запрещал вступать с ними в бой.

Хильдебранд рассказал о случившемся.

– Виновник моих ран – этот чёрт из Тронье, – признался старый вассал. – Не знаю, как мне удалось унести от него ноги.

– Поделом вам! – молвил бернский властитель. – Благодарите Господа и свою старость, а не то я сам зарубил бы вас! Я обещал бургундам мир, вы же устроили ссору.

– Государь, простите своего слугу! На нашу долю и без того выпало немало горя сегодня. Я просил бургундов, чтобы отдали нам тело Рюдегера, но они не захотели отозваться на мою просьбу.

– Значит, Рюдегер и вправду убит? Как горько, что он покинул нас в расцвете сил. И ещё горько мне, что Готелинда, моя двоюродная сестра по матери, теперь лишилась мужа.

При мысли, что убит его друг и соратник, Дитрих не сдержался и зарыдал.

– Увы, мой благодетель, ты покинул нас! И скорбеть мне теперь о тебе до самой гробовой доски! Скажите, Хильдебранд, от чьей жестокой руки пал храбрый Рюдегер?

– Гернот убил его, но и сам он в свой черёд принял смерть от руки маркграфа, – ответил ему вассал.

Дитрих сказал:

– Тогда я пойду в зал и лично разочтусь с бургундами за все обиды разом. Сзывайте моих витязей и подайте мне доспехи.

– Некому явиться на ваш зов, – признался Хильдебранд. – У вас не осталось больше бойцов, я последний.

Как ни был смел Дитрих, а от таких слов задрожал – страшнее удара витязь не получал вовек.

– Ах, Дитрих, несчастный ты человек! – застонал он. – Ещё недавно был ты королём, а теперь превратился в последнего бедняка! Творец отринул тебя, и ты лишился всех подданных! Но как могло случиться, что пришельцы одержали победу? Ведь долгий бой не мог не обессилить их. Видно, удача отвернулась от нас. И если уж выпало мне столько горя, скажите, по крайней мере, много ли вормсцев уцелело в сражении?

– В живых остались лишь король Гунтер и Хаген, все остальные погибли, – отвечал ему Хильдебранд.

– Увы, видно, в недобрый час рождён я на свет! – опечалился Дитрих. – Где Вольфхарт, Вольфбранд, Зигштаб, Вольфвин? С кем теперь возвращаться мне в родимую страну амелунгов? Отважный Хельфрих, Гербарт, Вихарт, все погибли. За весь остаток жизни не избыть мне горя и не узнать радости. Да лучше бы смерть и меня забрала вместе с ними!

ЦВЕТОВА XXIX

О том, как
Дитрих Бернский
сражался с Сунтером
и Хагеном

С тарик-вассал помог Дитриху облачиться в доспехи. Бернец был в такой горе и так сокрушался, что весь дом дрожал от его стонаний. Однако ж он сумел подавить свою скорбь и собрался с силами – на левый локоть надел прочный стальной щит и вместе с Хильдебрандом отправился в зал, где лежала дружина бернцев.

Увидев его, Хаген промолвил:

– Сюда направляется Дитрих, взор его пылает от гнева. Мы нанесли ему обиду и он жаждет мести. Видно, пришла нам пора померяться силами и посмотреть, кто кого одолеет в схватке. Пусть правитель Берна и выглядит несокрушимым, пусть он известен своей отвагой и жаждет отомстить за вассалов, я всё-таки отважусь скрестить с ним клинки.

Так вышло, что ветер донёс до Дитриха слова владетеля Тронье.

Два смельчака-рейнца вышли во двор и встали у стены в ожидании бернских витязей. Поставив щит на землю, Дитрих обратился к гостям:

– Король, я хочу знать, за что вы обрекли меня на столь безмерное горе? Я – лишённый дома изгнанник, живу в чужих краях, а вы убиваете последних моих друзей. Вам, рейнцам, было мало того, что наш друг и благодетель Рюдегер пал от ваших мечей, так теперь вы перебили ещё и всю мою дружину. А между тем я вам, король, не сделал ничего дурного. Вы и сами знаете, каково это – терять друзей, как болит душа после их утраты. Свет не видел ещё человека несчастней меня, но вам, бургунды, нет дела до чужой скорби.

Владелец Тронье оборвал его:

– В том не только наша вина! Вам рассказали неправду. Бернцы заставили нас обороняться, когда вломились в этот зал с обнажёнными мечами.

– Хильдебранд поклялся мне, что амелунги умоляли вас выдать труп Рюдегера, но услышали лишь насмешки в ответ на их слёзную просьбу. Могу ли я допустить, что мой седой вассал солгал мне?

– Нет, – признал Гунтер, – он честен с вами. Но поверьте, я не выдал тело вашим людям, дабы оскорбить Этцеля, а не бернцев. И всё бы разрешилось миром, если б ваш Вольфхарт не был столь дерзок с нами.

– Пусть даже так, – ответил Дитрих, – но долг и честь требуют, чтобы виновник заплатил за обиду. И коли вы, Гунтер, желаете примирения со мной, извольте дать мне

удовлетворение. Если оба вы согласитесь сдаться мне в плен, я готов поручиться за вашу безопасность. К вам, моим заложникам, я не подпущу гуннов, и стану вам самым надёжным защитником и другом.

– Спаси нас, Господи, и помилуй! – воскликнул Хаген. – Пока мы сильны и способны держать в руках оружие, мы не сдадимся!

– Не говорите так, – попросил Дитрих. – Я не враг вам, но именно по вашей вине лишился я всего, что у меня было. И ваш долг, Гунтер и Хаген, возместить мне ущерб. Я же даю вам своё честное слово и правую руку, что лично доставлю вас на Рейн, и скорее погибну сам, чем позволю нанести вам вред. Ещё клянусь впредь никогда не вспоминать о причинённом мне ущербе.

– Не тратьте время зря, – бросил на это Хаген. – Здесь вам со старым Хильдебрандом не стоит рассчитывать на пленных. Если разнесётся слух, что мы убоялись всего двух врагов, от этого бесчестья нам ввек не отмыться.

Тут в разговор вмешался Хильдебранд:

– Клянусь небом, мой государь обратился к вам с достойным предложением. И пока не поздно всё уладить добром, вам, грозный Хаген, стоит согласиться на почётный мир.

– Да, – усмехнулся Хаген, – куда почётней сдаться в плен, чем сломя голову бросаться в бегство, как недавно сделали это вы, почтенный Хильдебранд. А ведь я до этих пор числил вас храбрецом.

– Что ж, посмейтесь, – сказал старик. – Но вспомните, кто под Васкенштайном*, забыв о долге, не захотел вступить в бой с Вальтером Испанским, уселся на щит и смотрел с него безучастно на гибель друзей?

– Замолчите! – крикнул Дитрих Бернский седому воину. – Не к лицу мужчинам браниться, словно старухи! Вы, Хильдебранд, отныне держите рот на замке. Печалей и горестей у меня и без вас довольно.

Хагену же он сказал:

– Правильно ли я расслышал, что недавно вы сказали королю, будто угодно вам помериться со мной силами?

– Я и впрямь говорил это, – признался Хаген. – Славный клинок нибелунгов верно служит мне и я готов хоть сейчас сразиться с вами. Очень уж мне пришлось не по нраву, что вы захотели взять нас в заложники.

Поняв, что схватки не избежать, бернец, не мешкая, поднял с земли свой прочный щит, и Хаген тут же прыгнул с крыльца на противника. В руках у бойца сверкал меч Зигфрида.

Могучий Дитрих, видя, что владетель Тронье обуян гневом, повёл бой с превеликой осторожностью и надёжно прикрывался стальным щитом. Бернец знал, как страшен в ярости его враг, а потому избегал приближаться к противнику, слишком тяжёл и остёр был Бальмунг. И лишь

---

* Имеется в виду Вогезский лес. Аллюзия на поэму «Вальтарий»: Хаген отказывается сражаться на стороне короля Гунтера против своего друга Вальтера и, усевшись на щит, демонстрирует тем самым собственное миролюбие.

когда Дитрих почувал, что бургунд до него не дотянется, изловчился и нанёс ему глубокую рану. «Тебя настигла усталость, – думал бернец, – покончить с тобой нетрудно, да только мало в том будет чести. Хочу я, Хаген, взять тебя живым и ради этого, пожалуй, рискну головой».

Отбросив щит и меч, он обеими руками крепко, будто стальными обручами, обхватил вормсца. И, как тот ни сопротивлялся, скоро, к безмерному отчаянию своего владыки, обессиленный рухнул наземь.

Бернец связал Хагена и представил пред очи Кримхильды и короля. Та обрадовалась, увидев, что храбрец, который причинил ей когда-то столько зла, теперь в плену.

Королева до земли поклонилась своему вассалу.

– Дитрих, вы спасли нас от смерти и бесчестья. Так будьте же вовеки счастливы! Я до могилы в долгу у вас, отважный витязь!

Герой так ответил гордой королеве:

– Прошу вас, моя госпожа, оставьте жизнь этому пленному. У вас больше нет причин бояться его. Пусть живёт и возместит нанесённый вам ущерб.

Кримхильда велела отвести врага в темницу и скрыть его от людских глаз.

Меж тем державный Гунтер стал вызывать Дитриха на бой:

– Где бернский воитель? Где мой обидчик?

Дитрих, услышав зов, пришёл к нему.

Гунтер, равный силою лучшим воинам, бесстрашно устремился навстречу бернцу. Двор огласил лязг мечей.

И хотя бернский витязь был на диво могуч и проворен, лишь чудом уберёгся он в том бою от смерти, так беззаветно рубился Гунтер, вкладывая в удары всю свою тоску и боль. Свет не видел доселе бойцов столь могучих. От звона оружия гудел и содрогался весь огромный дворец. Неизвестно, чем кончилась бы схватка, встретятся бойцы в иное время, но в тот час Гунтер был измучен схватками, а бернец – бодр и свеж. Дитрих нанёс удар, и из пробитой кольчуги вормса волной хлынула горячая красная кровь. Победитель связал бургунду руки, хоть с венценосными пленниками и не принято так поступать – Дитрих знал, что если освободить рейнцев от пут, они и безоружные убьют каждого, до кого смогут дотянуться. Потом бернский правитель отвёл свою добычу во дворец к Кримхильде. Та при виде опечаленного пленением брата забыла печаль и скорбь и молвила Гунтеру:

– Приветствую вас, король!

Тот ответил:

– Я бы поклонился вам, сестра, когда бы вы желали добра сородичам. Но вы приготовили нам месть.

Дитрих обратился к королеве:

– Моя госпожа, я привёл к вам сегодня столь знатных пленников, каких ещё никто и никогда не брал в сражениях. И в награду за мои ратные труды прошу лишь одного – оставьте им жизнь.

Взяв с королевы слово, что заложников пощадят, Дитрих в слезах покинул дворец.

Однако Кримхильда вскоре нарушила клятву, и обоих бургундских витязей постигла гибель.

Кримхильда велела держать их в тюрьме отдельно, и больше герои не видели друг друга, пока королева не предала брата смерти и не явила вассалу отрубленную голову короля.

В темнице королева навестила владетеля Тронье.

– Верните то, что некогда отняли у меня, – потребовала она. – Не то и вы, и брат будете преданы смерти.

– Зачем пугать меня, благородная королева? – сказал мрачный Хаген. – Я поклялся, что никому не покажу места, где спрятан клад. И пока жив хоть один из моих господ, не выдам тайны.

– Я положу этому конец, – сказала Кримхильда и велела умертвить брата.

Ему отсекли голову. За шёлк кудрей принесла она её герою из Тронье и тем повергла его в большую горе. В последний раз взглянул вассал в лицо государя и сказал с вызовом:

– Напрасно ты думаешь, что победила. Да, погиб Гунтер, король Бургундии. Сражены врагами юный Гизельхер и Гернот. Где клад, теперь знаем лишь я да Царь Небесный. Но тебе, чертовка, этого золота не видать вовеки!

– За вами остался ещё один долг – меч, – сказала королева. – Им был перепоясан мой супруг в тот страшный день, когда вы убили его в лесу.

Королева извлекла Бальмунг из ножен и срубила беззащитному пленнику голову с плеч.

Когда её муж узнал об этом, то залился горячими слезами.

– Увы! Храбрейший воин убит женской рукой. Он превосходил доблестью всех, кто носит щит, и теперь, когда он мёртв, моя совесть не даёт мне покоя.

Седой Хильдебранд приблизился к королеве и сказал такие слова:

– Никогда не смогу я простить себя, если не отомщу за бойца из Тронье. И пусть это будет стоить мне жизни, но та, кем он был обезглавлен, не уйдёт от кары.

Пылая гневом, старик воздел тяжёлый меч над Кримхильдой. Она затрепетала, вскрикнула и в тот же миг, расчёрнённая надвое, пала на землю.

Та, что всю жизнь посвятила мести, и сама не избежала гибели.

Стенал в великом горе по жене своей Этцель. А рядом рыдал о ленниках и родичах Дитрих.

Смерть досталась в удел достойнейшим и бесстрашным. В сердцах уцелевших поселилась печаль. Весёлый пышный пир превратился в поминальную тризну – испокон веков за радость приходится платить страданием.

То, что было дальше, мне неизвестно. Знаю лишь, что долго пришлось мужам и дамам оплакивать ушедших.

На том мы и окончим рассказ о гибели нибелунгов.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ, ТОПОНИМОВ И ИМЁН СОБСТВЕННЫХ

А

Авентюра – слово (германизм, от фр. *aventure* – приключение, похождение), которым обозначаются главы в «Песне о Нибелунгах».

Альбрих – карлик, хранитель сокровищ нибелунгов. Вассал Шильбунга и Нибелунга.

Альдриан – бургунд, отец Хагена и Данкварта.

Альцай – город в Германии, расположен в земле Рейнланд-Пфальц. Входит в состав района Альцай-Вормс.

Амелунги – остготские короли из дома Амалов и их потомки саксонцы Биллунги.

Амельрих – вассал Эльзе, изгнанный врагами со своей земли.

Аррас – город во французском департаменте Па-де-Кале. В древности назывался Неметоценна и был главным городом атребатов в бельгийской Галлии. Неметоценна занимала уже видное место во времена Цезаря, который

располагался здесь на зимних квартирах. Атила разрушил его в 451 году, а норманны – в 880 году.

Астольд – владелец замка Мельк.

Ацагоук – сказочная восточная страна, упоминаемая и в других памятниках средневековой немецкой литературы.

Б

Бавария – герцогство, существовавшее в Средние века на юго-востоке Германии на территории современной земли Бавария.

Бальмунг – меч Зигфрида.

Берн – современная Верона.

Бехларен – лен, пожалованный Этцелем Рюдегеру. Часть гуннской (венгерской) державы.

Бледель – гунн, брат Этцеля. Правил Венгрией.

Ботлунг – гунн, отец Этцеля.

Брюнхильда – королева Исландии, жена Гунтера.

Бургундия – до V века н.э. королевство на юго-западе современной Германии с центром в Вормсе. С V века н.э. бургунды под натиском гуннов отступают на юго-восток современной Франции, центр перемещается в Лион. Территории обоих указанных образований никак не затрагивали современную территорию Бургундии.

Бургунды – древнегерманское племя. Изначально обитали предположительно на севере Европы, затем переместились к юго-западу.

В

Вальтер Испанский – один из героев средневековых немецких эпических поэм. Вальтер Испанский (или Аквитанский, т. е. вестготский, так как в эпоху переселения народов вестготское королевство занимало территорию нынешней Испании и Южной Франции, именовавшейся тогда Аквитанией) в юности живет при дворе Этцеля в качестве заложника вместе с франкским королевичем Хагеном и бургундской королевой Хильдегундой. Хаген бежит на родину. Вальтер с Хильдегундой следуют его примеру и попадают в землю франков, король которых Гунтер с двенадцатью воинами нападает на беглецов у Васкенштайна (т. е. в Вогезском лесу). Хаген, не желая драться с другом, садится в стороне на щит в знак своих мирных намерений.

Васкен – меч Иринга.

Вена – город на Дунае, столица современной Австрии.

Венгрия – государство в Центральной Европе. В средние века Венгрию называли «королевством гуннов».

Вербель – шпильман Этцеля.

Витеге – убийца Нудунга.

Вихарт – вассал Дитриха Бернского.

Вогезский лес – гористая местность на северо-востоке современной Франции, т. е. на левом берегу Рейна. Безымянный автор «Песни о Нибелунгах», австриец по рождению, весьма туманно представляет себе географию прирейнских земель: он помещает Вогезский лес на правом берегу Рейна.

Вольфбранд – вассал Дитриха Бернского.

Вольфвин – вассал Дитриха Бернского.

Вольфхарт – вассал Дитриха Бернского.

Вормс – город на юго-западе современной Германии.

Г

Гельфрат – баварский маркграф, брат Эльзе.

Гербарт – вассал Дитриха Бернского.

Гере – бургунд, маркграф.

Гернот – средний сын бургундского короля Данкрата и Уты. Брат Гунтера, Гизельхера и Кримхильды.

Геррата – племянница Хельхи. Дочь короля Нентвина, супруга Дитриха Бернского.

Гессен – земля в центральной части Германии.

Гибих – вассал Этцеля.

Гизельхер – младший сын бургундского короля Данкрата и Уты. Брат Гунтера, Гернота и Кримхильды.

Готелинда – жена Рюдегера, маркграфиня Бехларена. Вероятно, мать Нудунга.

Гран – город в Венгрии, на правом берегу Дуная, против устья реки Грана.

Гунны – кочевой народ, вторгшийся в 370-х годах из Азии в Восточную Европу. Гипотеза о происхождении гуннов от центрально-азиатского народа хунну, упоминаемого в предшествующее время в китайских источниках, принимается большинством учёных.

Гунтер – старший сын бургундского короля Данкрата и Уты. Брат Гернота, Гизельхера и Кримхильды.

Д

Данкварт – бургунд, сын Альдриана, родной брат Хагена. Конюший в Вормсе.

Данкрат – король бургундов (к моменту действия «Песни о Нибелунгах» умер). Муж Уты, отец бургундских королей Гунтера, Гернота и Гизельхера, а также королевны Кримхильды.

Дитрих Бернский – один из самых популярных героев немецкого народного эпоса. Исторически образ его восходит к королю остготов Теодориху (царствовал в 493–526 гг.), основавшему в Италии государство остготов со столицей в современной Вероне (Берн). В поэмах Дитрихова цикла рассказывается о борьбе Дитриха с коварным Эрменрихом, изгнавшим Дитриха вместе с воспитателем последнего Хильдебрандом и верными вассалами из рода амелунгов из родной страны, что заставило беглецов искать прибежища при дворе гуннского короля Этцеля.

З

Зигфрид Нидерландский – один из важнейших героев германо-скандинавской мифологии и эпоса, герой «Песни о Нибелунгах». Королевич, а впоследствии король Нидерландов. Сын короля Зигмунда и королевы Зиглинды.

Зигмунд – король Нидерландов, отец Зигфрида, муж Зиглинды.

Зиглинда – королева Нидерландов, мать Зигфрида, жена Зигмунда. Такое же имя носит одна из морских дев, предсказавшая бургундам смерть во владениях Этцеля.

Зигштаб – герцог, племянник и вассал Дитриха Бернского.

И

Изенштайн – замок в Исландии, резиденция королевы Брюнхильды.

Инн – река, берущая своё начало в Альпах, где она вытекает из озера Лунгин на высоте 2484 м, а затем течёт по территории Австрии и Германии. Является правым притоком Дуная и впадает в него в городе Пассау.

Иринг – датчанин, маркграф, вассал Хаварта.

Ирнфрид – тюринг, ландграф, вассал Этцеля.

К

Кларет – общее название для сухих красных вин.

Ксантен – город на Рейне. Во времена «Песни...» территория, где он находился, именовалась Нидерланды, сейчас территория Германии. Резиденция нидерландских королей.

Кримхильда – дочь короля бургундов Данкрата (к моменту действия «Песни о Нибелунгах» умер) и королевы Уты. Сестра бургундских королей Гунтера, Гернота и Гизельхера. Жена Зигфрида.

Л

Лен – наследственное земельное владение, предоставляемое вассалу при условии несения военной службы и выполнения других повинностей.

Ленник – вассал как владелец, наследный держатель лена; тот, кто находится в ленной зависимости от сюзерена.

Лохгейм – городок на Рейне. По преданию, в тех местах на дне реки были спрятаны сокровища нибелунгов.

Людегаст – датский король.

Людегер – саксонский король.

М

Майзенбург – замок в Германии, в земле Баден-Вюртемберг.

Майн – река в Германии, правый приток Рейна.

Маркграф – в раннем средневековье в Западной Европе должностное лицо в подчинении короля, наделённое широкими административными, военными и судебными полномочиями в марке, пограничной провинции.

Маутерн – город на территории современной Австрии.

Мельк – город и замок на Дунае на территории современной Австрии. На момент «Песни...» им владел Астольд.

Меринг – поселение в Германии, в земле Бавария, подчиняется административному округу Верхний Пфальц.

Мец – город на северо-востоке современной Франции, бывшая столица провинции Лотарингия.

Н

Нентвин – король, отец Герраты.

Нибелунг – король народа нибелунгов, старший брат короля Шильбунга.

Нибелунги (нем. «дети тумана») – мифический род древних карликов, владетелей и хранителей древних сокровищ. В «Песни...» фигурируют как воины-исполины. Начиная с авентюры XXV «Песни...» имя «нибелунги» то и дело переносится на бургундов.

Нидерланды – во времена «Песни...» государство на Нижнем Рейне, столица – Ксантен.

Ниневия – столица Ассирийского государства, находилась на территории современного Ирака (город Мосул), на левом берегу реки Тигр.

Нудунг – маркграф, близкий родственник (вероятно, сын) маркграфини Готелинды Бехларенской. Нудунг и его коварный убийца Витеге неоднократно упоминаются в поэмах Дитрихова цикла.

О

Ортвин – стольник из Меца, бургунд, племянник Гунтера.

Ортлиб – сын Кримхильды и Этцеля.

П

Пассау – город в Нижней Баварии, стоит на слиянии Инна, Ильца и Дуная.

Пильгрим – настоятель монастыря и градоначальник города Пассау. Брат бургундской королевы Уты, дядя Гунтера, Гернота, Гизельхера и Кримхильды.

Поперсия (поперсие, подперсие, подперсье) – нагрудник, часть конского снаряжения, ремень, охватывающий

грудь лошади спереди и удерживающий седло от сползания назад при езде на подъемах.

Пферринг – маленький город на берегу Дуная в Верхней Баварии.

Р

Рамунг – валашский герцог, вассал Этцеля.

Ритшард – вассал Дитриха Бернского.

Рона – река в Швейцарии и Франции.

Румольт – бургунд, смотрел за кухней и хозяйством в Вормсе.

Рюдегер – маркграф Бехларена. Муж Готелинды, вассал Этцеля.

С

Свеммель – шпильман Этцеля.

Синдольт – бургунд, чашник в Вормсе.

Т

Трайзен – маленький город на территории современной Австрии.

Трайзенмауэр – замок Этцеля.

Траун – река в Австрии, приток Дуная.

Тронье – город, ассоциируется с бельгийским городом Троген.

Тульн – город на Дунае на территории современной Австрии.

Тюринг – представитель древнегерманского племени, жившего на территории современной Тюрингии.

У

Ута – королева бургундов, жена короля бургундов Данкрата (к моменту действия «Песни о Нибелунгах» умер). Мать бургундских королей Гунтера, Гернота и Гизельхера, а также королевны Кримхильды.

Ф

Феррандин – дорогая восточная ткань.

Фолькер – бургунд из Альцаля. Шпильман, происходящий из знатного рода.

Франкония – историческая область на юго-западе современной Германии, часть земли Бавария.

Фунт (от лат. *pondus* – вес, гиря) – единица измерения массы. Исторически использовался в некоторых европейских странах, причём в эпоху Средневековья его значение имел право устанавливать каждый феодал, поэтому вплоть до начала XVIII века в Европе было более ста разных фунтов.

Х

Хаварт – датчанин, вассал Этцеля.

Хаген – бургунд, сын Альдриана, родной брат Данкварта. Владелец Тронье.

Хадебурга – морская дева (русалка), ведущая будущее.

Хаймбург – город на территории современной Германии.

Хельмнот – амелунг, вассал Дитриха Бернского.

Хельха – жена Этцеля, после смерти которой он взял в жёны Кримхильду.

Хельфрих – вассал Дитриха Бернского.

Хильдебранд Бернский – воспитатель и оруженосец короля Дитриха Бернского.

Хорнбог – вассал Этцеля.

Хунольт – бургунд, постельничий в Вормсе.

Ц

Цацаманка – сказочная восточная страна, упоминаемая и в других памятниках средневековой немецкой литературы, например в романе Вольфрама фон Эшенбаха (1170–1220) «Парцифаль».

Ч

Четверик – старинная мера объёма сыпучих тел, равная 26,239 литра.

Ш

Швабия – историческая область на юго-западе современной Германии в верховьях Рейна и Дуная.

Швабенфельд – местность на реке Швальб, притоке Верница, впадающего в Дунай у Донауверта.

Шильбунг – король нибелунгов, младший брат короля Нибелунга.

Шпайер – город в Германии, в земле Рейнланд-Пфальц, на Рейне.

Шпессарт – невысокий лесистый горный массив в землях Бавария и Гессен в Германии.

Шпильман – в средневековой Германии народный поэт, певец и потешник. Некоторые из шпильманов обосновывались при феодальных дворах и становились служилыми людьми, выполнявшими подчас важные поручения феодала (как, например, Вербель и Свеммель в «Песни о нибелунгах»).

Шрутан – вассал Этцеля.

Э

Эккеварт – бургунд, маркграф. После того, как Кримхильда вышла замуж за Этцеля, – казначей Кримхильды.

Эльзе – маркграф города Швальбенфельда в Баварии. Брат Гельфрата.

Эннс (Энс) – река в Верхней Австрии, впадает в Дунай.

Этцель (германизация гуннского имени Аттила) – правитель гуннов в 434–453 годах, объединивший под своей властью тюркские, германские и другие племена, создавший державу, простиравшуюся от Рейна до Волги.

Эфердинг – город в Верхней Австрии.

Содержание

<i>Предисловие</i>	5
АВЕНТЮРА I.	11
АВЕНТЮРА II.	
О ЗИГФРИДЕ	17
АВЕНТЮРА III.	
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ОТПРАВИЛСЯ В ВОРМС	23
АВЕНТЮРА IV.	
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ВОЕВАЛ С САКСАМИ И ДАТЧАНАМИ	37
АВЕНТЮРА V.	
О ВСТРЕЧЕ ЗИГФРИДА И КРИМХИЛЬДЫ	55
АВЕНТЮРА VI.	
О ТОМ, КАК ГУНТЕР ЗАДУМАЛ ЖЕНИТЬСЯ	65
АВЕНТЮРА VII.	
О ТОМ, КАК ГУНТЕР ПОБЕДИЛ БРЮНХИЛЬДУ	77
АВЕНТЮРА VIII.	
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ОТПРАВИЛСЯ ЗА НИБЕЛУНГАМИ	91
АВЕНТЮРА IX.	
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД ОТПРАВИЛСЯ ГОНЦОМ В ВОРМС	99

АВЕНТЮРА X.	
О ПРИЁМЕ, ОКАЗАННОМ БРЮНХИЛЬДЕ В ВОРМСЕ....	109
АВЕНТЮРА XI.	127
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД С КРИМХИЛЬДОЙ ОТПРАВИЛИСЬ В НИДЕРЛАНДЫ.....	127
АВЕНТЮРА XII.	135
О ТОМ, КАК ГУНТЕР ПРИГЛАСИЛ ЗИГФРИДА И КРИМХИЛЬДУ НА ПИР	135
АВЕНТЮРА XIII.	145
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД И КРИМХИЛЬДА ПРИЕХАЛИ В ВОРМС	145
АВЕНТЮРА XIV.	153
О РАЗДОРЕ, СЛУЧИВШЕМСЯ МЕЖ КОРОЛЕВАМИ	153
АВЕНТЮРА XV.	165
О ТОМ, КАК КРИМХИЛЬДА ПРЕДАЛА ЗИГФРИДА.....	165
АВЕНТЮРА XVI.	173
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ УБИТ.....	173
АВЕНТЮРА XVII.	187
О ТОМ, КАК ЗИГФРИД БЫЛ ОПЛАКАН И ПОГРЕБЁН	187
АВЕНТЮРА XVIII.	199
О ТОМ, КАК ЗИГМУНД ВОЗВРАТИЛСЯ ДОМОЙ.....	199
АВЕНТЮРА XIX.	207
О ТОМ, КАК БУРГУНДЫ ЗАВЛАДЕЛИ КЛАДОМ НИБЕЛУНГОВ	207
АВЕНТЮРА XX.	217
О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ЭТЦЕЛЬ ПОСВАТАЛСЯ К КРИМХИЛЬДЕ	217

АВЕНТЮРА XXI.	239
О ПУТЕШЕСТВИИ КРИМХИЛЬДЫ К ГУННАМ	239
АВЕНТЮРА XXII.	247
О СВАДЬБЕ КРИМХИЛЬДЫ И ЭТЦЕЛЯ.....	247
АВЕНТЮРА XXIII.	257
О ТОМ, КАК ЭТЦЕЛЬ ПРИГЛАСИЛ БУРГУНДОВ НА ПИР	257
АВЕНТЮРА XXIV.	265
О ТОМ, КАК ВЕРБЕЛЬ И СВЕММЕЛЬ ЗАЗВАЛИ БУРГУНДСКИХ КОРОЛЕЙ В ГОСТИ	265
АВЕНТЮРА XXV.	279
О ТОМ, КАК НИБЕЛУНГИ ЕХАЛИ В СТРАНУ ГУННОВ... ..	279
АВЕНТЮРА XXVI.	293
О ТОМ, КАК ДАНКВАРТ БИЛСЯ С ГЕЛЬФРАТОМ	293
АВЕНТЮРА XXVII.	305
О ТОМ, КАК БУРГУНДЫ ПРИБЫЛИ В БЕХЛАРЕН.....	305
АВЕНТЮРА XXVIII.	317
О ТОМ, КАК БУРГУНДСКИЕ КОРОЛИ ПРИБЫЛИ К ЭТЦЕЛЮ	317
АВЕНТЮРА XXIX.	325
О ТОМ, КАК ХАГЕН ОТКАЗАЛСЯ ВСТАТЬ ПЕРЕД КРИМХИЛЬДОЙ	325
АВЕНТЮРА XXX.	335
О ТОМ, КАК ХАГЕН И ФОЛЬКЕР ОХРАНЯЛИ СОН БУРГУНДОВ	335
АВЕНТЮРА XXXI.	343
О ТОМ, КАК БУРГУНДЫ ХОДИЛИ В СОБОР И БИЛИСЬ НА ТУРНИРЕ.....	343

АВЕНТЮРА XXXII.	355
О ТОМ, КАК БЫЛИ ИСТРЕБЛЕНЫ СЛУГИ БУРГУНДОВ, А ДАНКВАРТ УБИЛ БЛЕДЕЛЯ	355
АВЕНТЮРА XXXIII.	363
О БИТВЕ МЕЖ БУРГУНДАМИ И ГУННАМИ.....	363
АВЕНТЮРА XXXIV.	373
О ТОМ, КАК БУРГУНДЫ ВЫБРАСЫВАЛИ УБИТЫХ И РАНЕНЫХ ГУННОВ ИЗ ЗАЛА	373
АВЕНТЮРА XXXV.	379
О ТОМ, КАК НАШЁЛ СВОЮ СМЕРТЬ ИРИНГ	379
АВЕНТЮРА XXXVI.	389
О ТОМ, КАК БЫЛ ПОДОЖЖЁН ЗАЛ.....	389
АВЕНТЮРА XXXVII.	399
О ТОМ, КАК ПОГИБ РЮДЕГЕР	399
АВЕНТЮРА XXXVIII.	415
О ТОМ, КАК БЫЛА ИСТРЕБЛЕНА ДРУЖИНА ДИТРИХА.....	415
АВЕНТЮРА XXXIX.	429
О ТОМ, КАК ДИТРИХ БЕРНСКИЙ СРАЖАЛСЯ С ГУНТЕРОМ И ХАГЕНОМ.....	429

Директор издательства *Ольга Тублина*
Главный редактор *Павел Крусанов*
Главный художник *Александр Веселов*

Игорь Александрович Малышев (пересказ)

ПЕСНЬ О НИБЕЛУНГАХ

Редактор Павел Крусанов
Художественный редактор Александр Веселов
Корректор Юлия Сычева
Компьютерная верстка Ольги Леоновой

Подписано в печать 12.05.2021. Формат 84×108/32
Бумага офсетная. Печать офсетная
Усл. печ. л. 14,25. Пробный тираж 100 экз. Заказ 167205

ООО «Издательство К. Тублина»
(Товарный знак «Лимбус Пресс»)
190020, Санкт-Петербург, ул. Лифляндская, д. 3, литера В
Тел. (812) 331-45-90
Отдел маркетинга: тел. (812) 331-46-70
email: limb@limbuspress.ru

 <https://facebook.com/LimbusPress>

 <https://vk.com/limbus>

 <https://instagram.com/limbuspress>

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru